

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**Философские
науки**

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ХОЛИЗМА КАК ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ
ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 2)

2017/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philosophy Sciences (09.00.00).

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре
Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования
Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Новоселов А.Л. — д. экон. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет
Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»
Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет
Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2017. — № 4. — 124 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302.

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 38

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Глинский А.В. — к. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Бондарева Я.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Бузук Г.Л. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Дёмина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Курабцев В.Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Макеев С.В. — д. ф. н., проф., Адыгейский государственный университет

Семаева И.И. — д. ф. н., проф., Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

Томаш Купщ — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Executive secretary of the series:

A.V. Glinskii – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

G.L. Buzuk – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S.V. Makeyev – Doctor of Philosophy, Professor, Adyge State University

I.I. Semaeva – Doctor of Philosophy, Professor, The Academy of Professional Development and Re-Training of Educators

Tomasz Kupś – PhD, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2017. – № 4. – 124 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26302.

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MRSU, 2017.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2017.

**The Editorial Board address:
Moscow Region State University**

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Береснева Ю.В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КОММУНИКАЦИЯ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ.....	6
<i>Ишутин А.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЛИЗМА КАК ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ.....	21

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Алёхина Е.В.</i> К ЮБИЛЕЮ РЕВОЛЮЦИИ (1917–2017): ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	31
<i>Володина О.В.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	44
<i>Ильченко Д.А., Майкова В.П.</i> ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ.....	52
<i>Майкова В.П., Захарова О.Н.</i> ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	62
<i>Песоцкий В.А., Жебит В.А.</i> КОНЕЦ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОСООБРАЗНОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ПЕРИОДА.....	69
<i>Пулю Ю.В., Кузнецова Е.А.</i> ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ.....	78
<i>Шаброва Л.Е.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	86

РАЗДЕЛ III.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Колесниченко Ю.В.</i> НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 2)	93
---	----

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Мурейко Л.В.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗЕРКАЛЬНЫХ НЕЙРОНОВ: К ТЕОРИИ МАСС-МЕДИА	102
<i>Филяева Т.М.</i> ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ЕДИНЕНИИ СЛАВЯН И ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЁН ВО ВРЕМЕНА ФРАНКСКОГО ФЕОДАЛИЗМА	114

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

Yu. Beresneva. THE FORMATION OF THE CONCEPT "COMMUNICATION" IN SOCIAL-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: CONTENT, STRUCTURE AND FUNCTIONS OF COMMUNICATION	6
A. Ishutin. SOME THEORETIC ASPECTS OF HOLISM AS PHILOSOPHIC ATTITUDE.....	21

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

Ye. Alekhina. TO THE ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION 1917: HISTORY AND MODERN TIMES	31
O. Volodina. IDEOLOGICAL PRINCIPLES OF INTELLECTUALIZATION OF EDUCATION	44
D. Ilchenko, V. Maikova. THE DYNAMICS OF EDUCATIONAL PARADIGMS IN CONTEMPORARY RUSSIA AND THEIR ROLE IN SHAPING SOCIAL CONSCIOUSNESS AS A WHOLE SYSTEM.....	52
V. Maikova, O. Zakharova. TOURISM AS A FACTOR IN THE FORMATION OF DIALOGICAL INTERECTION IN MODERN SOCIETY.....	62
V. Pesotsky, V. Zhebit. THE END OF ANTHROPOCENTRIC WORLD AND THE PROSPECTS FOR LAWFUL DEVELOPMENT OF A NEW PERIOD CIVILIZATION.....	69
Yu. Puyu, Ye. Kuznetsova. EFFECTIVE METHODS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN POLITICAL ADVERTISING	78
L. Shabrova. VIRTUAL COMMUNICATION OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY.....	86

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Yu. Kolesnichenko. THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1)	93
--	----

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

L. Mureyko. COMMUNICATIVE FUNCTION OF MIRROR NEURONS: TO THE THEORY OF MASS MEDIA	102
T. Filyaeva. GENERAL AND SPECIAL IN CULTURAL AND LINGUISTIC UNITY OF THE SLAVS AND GERMANIC TRIBES DURING THE FRANKISH FEUDALISM	114

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 1(091) 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-6-20

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КОММУНИКАЦИЯ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ КОММУНИКАЦИИ

Ю.В. Береснева

*Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме философского осмысления социально-гуманитарного понятия «коммуникация». Изучаются содержание, структура и функции коммуникации. Теоретически анализируются концепции коммуникации Г. Лассуэлла, Шеннона–Уивера, Шрамма, Ньюкомба, Якобсона, Лотмана, Эко. На основании изученного делается вывод о том, что социально-гуманитарную коммуникацию можно определить как субъектносубъектное информационное циклическое взаимодействие неэквивалентных коммуникантов, основанное на возможности корреляции коннотационных кодов, лексикодов и эмоциональных аттитюдов и стремящееся к симметрии и созданию схожих аттитюдов в качестве своего результата.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативный акт, информация, энтропия, негэнтропия, коммуникатор, коммуникант, кодирование, декодирование, интерпретация.

THE FORMATION OF THE CONCEPT “COMMUNICATION” IN SOCIAL-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: CONTENT, STRUCTURE AND FUNCTIONS OF COMMUNICATION

Yu. Beresneva

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moyka River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of the philosophical comprehension of the social-humanitarian concept “communication”. The content, structure and functions of communication are studied. The concepts of the communication by G.D. Lasswell, K. Shannon–W. Weaver,

© Ю.В. Береснева, 2017.

W. Schramm, T. Nyukomb, R.O. Jakobson, Yu.M. Lotman, Umberto Eco are theoretically analyzed. On this basis, the social-humanitarian communication can be defined as subject-subject information cyclic interaction of nonequivalent communicants, based on the possibility of the correlation of the connotation codes, lexicodes and emotional attitudes and striving for symmetry and creation of similar attitudes as its result.

Key words: communication, communicative act, information, entropy, negentropy, communicator, communicant, coding, decoding, interpretation.

Главное место среди всех социальных процессов, бесспорно, занимает коммуникация. Она выступает необходимым элементом взаимодействия людей, племён, народов, государств; с помощью коммуникации конструируются социальные отношения, общности, системы и институты. Коммуникация выступает одним из важнейших оснований социальности как особой формы человеческого бытия и общественных отношений. Именно это придаёт особую значимость философскому осмыслению феномена коммуникации.

Несмотря на пристальное внимание исследователей к изучению коммуникации, в современной научной литературе отсутствует единство в понимании сущности данного социального феномена [2].

В своей работе «Основы теории коммуникации» Д.П. Гавра подробно разбирает историю происхождения слова «коммуникация» [5]. Следует отметить, что в большинстве языков данный термин имеет схожее произношение: в английском – communication, в немецком – kommunikation, в датском – kommunikation, в испанском – comunicaci3n, в итальянском – comunicazione и т. д. Само же слово происходит от латинского «communico» – «делаю общим, связываю, общаюсь».

В научной литературе представлено большое количество определений поня-

тия «коммуникация». Ф. Данс и К. Ларсон в книге «The Functions of Human Communication» приводят 126 определений коммуникации (и это в далекие 70-е гг. XX в.) [15, 76]. Д.П. Гавра в своей книге говорит уже о 200 определениях. На разных этапах истории термин «коммуникация» меняет своё значение. В русском языке слово «коммуникация» появляется в конце XVII в. в период налаживания контактов с Западной Европой. «Уже первый российский словарь иностранных слов “Лексикон вокабулам новым по алфавиту”, вышедший в Петровскую эпоху и составленный при личном участии Петра I, содержал статью “коммуникация”. Этому иностранному слову в соответствии ставились слова “переговор”, “сообщение”» [11, с. 12]. В XIX в. термин меняет своё значение. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «коммуникация» – это уже не общение, не процесс человеческого взаимодействия, а «пути, дороги, средства связи мест»¹. Д.П. Гавра отмечает, что «в этом же значении его (термин) использовали и в художественной литературе, вспомним Н.В. Гоголя с его коммуникационной метафорой Невского проспекта, и в официальных документах с оборотами “водные коммуникации”, “железнодорожные коммуникации” и т. п.» [5, с. 34].

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1979. С. 149.

Для того чтобы уточнить современное значение понятия «коммуникация», обратимся к толковым словарям русского языка.

«Большой энциклопедический словарь русского языка» даёт следующие определения слова: «1) путь сообщения, связь одного места с другим; 2) общение, передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся главным образом при помощи языка» [7].

Согласно «Толковому словарю русского языка»: «Коммуникация – путь сообщения, линии связи (воздушные, водные коммуникации); сообщение, общение (речь как средство коммуникации; средства массовой коммуникации)» [9, с. 282].

Схожее понимание рассматриваемого термина предлагает и «Толковый словарь иноязычных слов» [8].

Таким образом, все определения «коммуникации» можно свести к следующему перечню:

- 1) информационное взаимодействие и обмен между людьми информацией, обеспечивающий их общение;
- 2) взаимосвязь между объектами природного и социального мира, в том числе техническими;
- 3) пути и средства физического сообщения между пространственно разделёнными объектами;
- 4) каналы связи между различными объектами.

Однако для нашего исследования необходимо более узкое определение коммуникации. В качестве подобного определения нам представляется корректным теоретический подход, предложенный Д.П. Гавра, в соответствии с которым под коммуникацией следует понимать субъект-субъектное взаимодействие, опосредованное

информацией, имеющей смысл для обоих субъектов. Соответственно этому коммуникациями будут являться «субъектсубъектные взаимодействия, связанные с перемещением материальных предметов, вещества, энергии в физическом пространстве из одной точки в другую посредством естественных либо сложным образом организованных технических средств» [5, с. 59].

Следует уточнить, что понятие «субъектно-субъектные отношения» не предполагает отсутствия объекта, что лишило бы смысла само понятие «субъект», поскольку таковым он выступает лишь относительно соответствующего объекта. Речь в данном случае идёт лишь об активном взаимодействии различных субъектов, объектом которого выступает содержательная сторона информационной коммуникации.

В разных сферах общественной жизни коммуникация проявляется по-разному. В зависимости от количества участников коммуникации, их целей, каналов связи этот процесс приобретает различные формы. Такое количество условий ведёт к появлению множества моделей коммуникации. И хотя большинство подобных моделей, представленных в современной научной и учебной литературе, были созданы в XX в., первая модель коммуникации была сформулирована ещё в Античности Аристотелем. В своей «Риторике» философ заметил: «Речь складывается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» [1, с. 46]. Эта модель универсальна, ведь абсолютно любое

общение предполагает минимум три элемента: говорящего, производимое им сообщение и адресанта. Эти элементы так или иначе присутствуют во всех последующих моделях коммуникации.

Вместе с техническим прогрессом появляются новые каналы связи, возникает такое понятие, как массовая коммуникация. Вслед за этим появляется необходимость в доработке классической древнегреческой модели, адаптации её к современным реалиям. В своей работе мы рассмотрим и проанализируем основные базовые модели коммуникации.

Модель Г. Лассуэлла

Самой известной считается линейная модель Г. Лассуэлла, включающая в себя 5 элементов, представляющих собой отдельную область для анализа коммуникационного процесса: 1) «Кто говорит» – *изучаем коммуникатора*; 2) «Что говорит» – *анализируем сообщение*; 3) «Как говорит» – *разбираем каналы коммуникации*; 4) «Кому говорит» – *проводим исследование аудитории*; 5) «С каким эффектом» – *измеряем эффективность коммуникации*. Таким образом, Г.Д. Лассуэлл отдельно рассматривает коммуникатора, содержание коммуникации, средства связи, аудиторию и эффекты воздействия в рамках одной коммуникации. В данной формуле мы видим бихевиористский подход к определению коммуникации – автор предполагает, что коммуникатор всегда старается повлиять на реципиента, который выступает исключительно как объект, реагирующий на информацию. Следовательно, вся коммуникация, по Г. Лассуэлли,

трактруется как процесс убеждения. Однако автор в своей модели не учитывает внешние условия, в которых протекает коммуникация, способные также повлиять на её ход [3,]. Кроме того, в модели Г. Лассуэлла не учтён такой важный элемент, как обратная связь.

Модель Шеннона–Уивера

Модель Шеннона–Уивера представлена в вышедшей в свет в 1949 г. работе «Математическая теория коммуникации» [18]. Её авторы, математик Клод Шеннон и инженер-электронщик Уоррен Уивер, попытались создать точную модель количественного анализа передачи информации. Главной задачей, стоявшей перед учёными, было создание условий максимального облегчения обмена информацией и устранение внешних помех и «шумов». С помощью данной модели исследователи смогли измерить качество передачи информации от источника к получателю и выявить факторы, влияющие на неё.

Итоговая модель коммуникации Шеннона–Уивера включает в себя 6 компонентов: *источник, кодирующее устройство, сообщение, канал, декодирующее устройство и приёмник*. Кроме того, К. Шеннон впервые вводит такие понятия, как «шум» и «избыточность», которые являются крайне важными для нашего исследования. «Шум» в дальнейшем разбили на 2 термина: «энтропия» и «негэнтропия». **Энтропия** в теории коммуникации связана с теми внешними факторами, которые искажают сообщение, нарушают его целостность и возможность восприятия приёмником [17, р. 380].

Негэнтропия (отрицательная энтропия) связана с теми случаями, когда неполное или искаженное сообщение всё же получено приёмником благодаря его способности к распознаванию, несмотря на искажения и недостающую информацию [17, р. 381]. Понятие **избыточность** раскрывается через повторение одних и тех же элементов сообщения для предотвращения коммуникативной неудачи. Чаще всего избыточность прослеживается в естественной человеческой коммуникации, считается, что все языки примерно наполовину избыточны. Авторы модели К. Шеннон и У. Уивер показывают, что избыточность сообщения – важное средство преодоления шумов канала. Мы повторяем высказывание, если слышимость по телефону плохая; в условиях помех произносим слова по буквам.

В своей работе К. Шеннон и У. Уивер приходят к интересным выводам, что «сообщение, отправленное источником, и сообщение, достигнувшее реципиента, имеют неодинаковое значение» [17, р. 390]. На пути от коммуникатора к аудитории сообщение проходит через ряд фильтров, сталкивается с энтропией, и в итоге мы получаем увеличение количества информации на входе в систему по сравнению с той информацией, которая оказывается на её выходе.

И хотя модель Шеннона–Уивера в отличие от модели Г. Лассуэлла учитывает внешние факторы, способные влиять на процесс коммуникации, она всё ещё является неполной, так как не учитывает фактор обратной связи.

Модель Осгуда–Шрамма

Эта модель устраняет недоработки модели Шеннона–Уивера. В своей циркулярной модели У. Шрамм стремится подчеркнуть, что коммуникация не является линейным процессом, у которого есть начало и конец, она бесконечна. У. Шрамм подчёркивает циклический характер коммуникации, проявляющийся в том, что коммуникатор и коммуникант периодически меняются ролями. Коммуникация трактуется им как двусторонний процесс, при котором и отправитель, и получатель информации в равной степени взаимодействуют друг с другом, обмениваясь сообщениями (сигналами). Основными их задачами являются *кодирование, декодирование и интерпретация* сообщений друг друга.

У. Шрамм проводит подробный обзор определений термина «коммуникация», что позволяет ему сделать вывод, что существует некий набор информационных знаков. В этот набор могут входить не только факты, предметы, но и эмоции, латентные значения («беззвучный язык»). Адекватность восприятия сообщения предполагает существование области, в которой опыт коммуникатора и реципиента похож, в которой определённые знаки распознаются ими одинаково. Успех коммуникации зависит также от *ожиданий*, предъявляемых участниками общения друг другу.

В качестве недостатка данной модели можно выделить то, что для автора участники коммуникации равны. А между тем процесс коммуникации зачастую бывает несбалансированным, особенно когда речь идёт о массовой коммуникации. В этих условиях по-

лучатель и отправитель не являются столь уж равноправными участниками коммуникации, и циркулярная модель, уравнивающая их как звенья одной цепи, неадекватно отражает долю их участия в процессе коммуникации.

Интеракционистская модель Т. Ньюкомба

Теодор Ньюкомб в своей модели анализирует коммуникацию с позиции психологии. Он рассматривает взаимоотношения участников коммуникации между собой и прослеживает, как это влияет на характер и результат коммуникационного процесса. Автор ставит перед собой следующие вопросы:

1. Что побуждает субъектов к вступлению в коммуникацию?
2. Как влияют на коммуникацию отношения между субъектами?
3. Какими могут быть психологические эффекты коммуникации для коммуникантов?

В своей модели Т. Ньюкомб условно выделяет субъект А и субъект В, которые вступают в коммуникацию относительно объекта Х. В качестве субъектов могут выступать отдельные индивиды, социальные группы и организации или же целые народы и страны. На качество коммуникации, по Т. Ньюкомбу, влияет отношение субъектов не только к объекту коммуникации, но и друг к другу. Здесь очень важным параметром будет являться ориентация субъекта, побуждающая его к вступлению в коммуникацию. Под ориентацией мы понимаем эмоциональную оценку, основанную на когнитивной осведомлённости об объекте [4, с. 197].

Согласно Т. Ньюкомбу, понятие ориентации может быть описано в терминах

позитивных или негативных аттитюдов. Позитивный аттитюд подразумевает под собой симпатию к объекту, желание обладать им, негативный – антипатию, стремление избегать его. Впервые понятие «аттитюд» ввёл Г. Олпорт, который определял его как «состояние сознания и нервной системы индивида, выражающее готовность к действию и организованное на основе предшествующего опыта. При этом аттитюд оказывает направляющее и динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов, к которым он имеет отношение» [14, р. 87].

По Т. Ньюкомбу, коммуникация происходит в том случае, если субъекты А и В испытывают потребность в ориентации и выработке аттитюдов по отношению к объекту Х и друг к другу. К моменту начала коммуникации субъекты обладают уже некими первичными знаниями относительно оппонента и объекта коммуникации. На основе этих знаний и формируются предварительные аттитюды, отвечающие за направленность коммуникации.

Автор разделяет ориентации на симметричные и асимметричные. Д.П. Гавра в своей работе «Основы теории коммуникации» разбирает понятие симметричной ориентации на примере отношения автора и читателя к проблеме эффектов воздействия телевидения на детскую аудиторию [5, с. 126]. Аттитюды субъектов по отношению к данной теме могут быть как позитивными (если читатель считает, что телевидение играет важную роль в воспитании, обучении и социализации ребенка), так и негативными (вопросы об отрицательном воздействии телевидения на неустойчивую психику

ребёнка). Симметричные ориентации возникают тогда, когда аттитюды у обоих субъектов совпадают, и неважно, носят они позитивный или негативный характер. Коммуникация как процесс сама стремится к симметрии и созданию схожих аттитюдов в качестве результата, однако бывают случаи, когда итогом коммуникации становится предельная асимметрия. Это происходит в ситуации, когда субъекты, испытывающие антипатию друг к другу, имеют и противоположные аттитюды по отношению к объекту X, итогом такой коммуникации станет усиление антипатии субъектов в виду отсутствия возможности договориться между собой, а также подкрепление собственных аттитюдов, ведь настаивать на их изменении будут антипатичные партнёры по коммуникации.

Ещё одним возможным вариантом является ситуация, когда объектные аттитюды субъектов не совпадают, однако между субъектами присутствует симпатия. Итог такой коммуникации может быть различен.

1. В первом случае симметрия коммуникации достигается за счёт изменения аттитюдов одного из субъектов ввиду их стремления сохранить и укрепить симпатию.

2. Во втором случае коммуникация достигает так называемой псевдосимметрии, если для сохранения межсубъектных позитивных отношений кто-либо из субъектов демонстрирует принятие чужих аргументов и смену своего аттитюда, хотя на самом деле это не так. Либо же один из субъектов коммуникации убеждает себя, что ему удалось переубедить партнера, и тот сменил своё отношение к объекту на противоположное. При этом на самом

деле такого изменения не происходит. Здесь мы видим яркий пример когнитивного искажения.

3. В третьем случае итогом коммуникации станет негативная симметрия, когда оба субъекта сохраняют и укрепят свои аттитюды по отношению объекту, однако их взаимоотношения при этом пострадают.

4. Возможно также и толерантное согласие субъектов с фактом противоречия их оценок объекта без изменения межличностных аттитюдов.

Модель Т. Ньюкомба является полезной для понимания социально-психологического содержания коммуникации, она объясняет случаи, когда коммуникация возможна, и подробно разбирает её потенциальные эффекты. Главное слабое место данной модели заключается в том, что она не объясняет, как происходит сам процесс коммуникации, каков его механизм. Т. Ньюкомб рассматривает информационный обмен как заданную переменную – у него этот процесс просто существует как данность.

Семиотическая модель коммуникации Р.О. Якобсона

Р.О. Якобсон развивал идеи Г. Ласуэлла, У. Уивера, К. Шеннона, стремясь в своей модели объединить все виды обменов в человеческом обществе, опираясь на лингвистику, семиотику, антропологию и этнологию. В своей работе «Лингвистика и поэтика» [16] он впервые опубликовал завершённую модель речевой коммуникации. Его модель включает в себя коммуниканта, сообщение, контекст, контакт, код и адресанта. В данной модели коммуникации от адресанта к

адресату направляется сообщение, написанное с помощью кода. Контекст в модели Р.О. Якобсона связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой, понятие контекста связано с регулятивным аспектом коммуникации. Модель учитывает не только сам язык коммуникации, но и пользователя этого языка, а также включенного наблюдателя. Кодом является совокупность средств выражения языка сообщения.

Р.О. Якобсон выделяет 6 функций коммуникативного акта.

1. Эмотивная функция необходима для выражения отношения коммуниканта к данному акту коммуникации, одно и то же содержание может изменять своё значение в зависимости от интонации.

2. Референтивная функция актуализируется на объекте, теме, содержании дискурса. Данная функция отвечает за контекст сообщения.

3. Эстетическая функция направлена прежде всего на форму сообщения, здесь важны обороты речи, красивая подача, содержание отодвигается на второй план.

4. Фатическая функция отвечает за контакт коммуниканта с адресантом. Здесь не важна передача информации, главное – поддержание контакта и коммуникации. В качестве примера можно рассмотреть разговоры о погоде, которые обычно используются не для передачи новой информации, а для поддержания диалога.

5. Метаязыковая функция служит для адекватного декодирования сообщения.

6. Конативная функция отображает непосредственное воздействие на собеседника. Внимание полностью

сосредоточено на адресанте, используются обращения, императив.

Каждая из рассмотренных функций связана с участником или элементом коммуникации.

Семиотическая модель

Ю.М. Лотмана

Ю.М. Лотман выступает с критикой модели Р.О. Якобсона, называя её слишком абстрактной. Он говорит о том, что коммуникант и адресант не могут иметь одинаковый код, так же как не могут иметь одинаковую память. Язык – это не только код, но ещё и история, – говорит Ю.М. Лотман. Если бы говорящий и слушающий были полностью подобны, т. е. имели бы одинаковые коды, в коммуникации вообще не было бы необходимости. Единственное, что им бы оставалось – передавать друг другу команды. Коммуникация изначально требует неэквивалентности коммуниканта и адресанта.

Юрий Лотман считает, что коммуникация есть не что иное, как перевод текста с языка моего «Я» на язык «Ты». Чтобы коммуникация состоялась, коды её участников не должны быть одинаковы, однако должны иметь некие пересекающиеся множества.

Учёный выделяет 2 коммуникационные модели: «Я–ОН» и «Я–Я». [10] Наиболее распространённой считает модель «Я–ОН», где «Я» – субъект передачи, носитель информации, а «ОН» – адресат, который, предположительно, этой информации не знает. Для Лотмана же намного интереснее вторая модель коммуникации, которую он называет «автокоммуникацией». И хотя на первый взгляд передача

субъектом сообщения самому себе, т. е. тому, кому оно и так известно, выглядит странной и неестественной, подобная коммуникация встречается довольно часто и играет важную роль в культуре.

Когда Ю.М. Лотман говорит об автокоммуникации, он рассматривает не те случаи, которые связаны с мнемонической функцией текста (мнемонический – имеющий отношение к памяти). В данной схеме второе «Я» выполняет роль третьего лица. Таким образом, в системе «Я–ОН» информация перемещается в пространстве, а в системе «Я–Я» – во времени [12, с. 149–150].

Сообщение самому себе известной ранее информации может происходить, например, если статус этого сообщения меняется. Так, когда писатель видит сначала рукописный вариант своей книги, а затем читает её в напечатанном виде, сообщение по со-

держанию остаётся одинаковым, однако оно получает новую значимость, авторитетность и воспринимается по-новому. Кроме того, Ю.М. Лотман рассматривает и дневники, смысл сообщений которых меняется в зависимости от внутреннего состояния человека, который их перечитывает. Либо же записи в дневник делаются с целью передачи переживаний, осознание которых без записи невозможно. Автокоммуникация – важный элемент истории культуры, – считает учёный.

В системе «Я–ОН» изменяется носитель информации, в то время как код и сообщение неизменны. Напротив, в системе «Я–Я» носителем информации выступает один и тот же человек, но в процессе коммуникации сообщение приобретает новый смысл путём ввода второго кода.

Данную коммуникацию можно изобразить с помощью схемы (рис. 1):

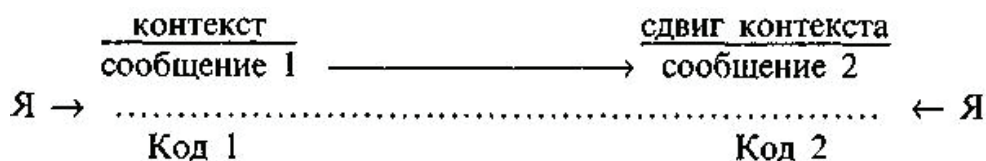

Рис. 1. Схема коммуникации по М.Ю. Лотману¹.

Передачу сообщения самому себе Ю.М. Лотман рассматривает как перестройку собственной сущности. В системе коммуникации «Я–ОН» происходит просто передача информации, адресант никак не меняется, в автокоммуникации же мы видим качественные трансформации, адресант перестраивает свою личность под воздействием новых кодов и внешних им-

пульсов, меняющих контекстную ситуацию.

Анализируя текст, Ю.М. Лотман приходит к выводу, что он несёт в себе тройное значение: «первичное – языковое, вторичное, возникающие за счёт синтагматической переорганизации текста и сопоставления первичных единиц, и третьей ступени – за счёт втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных» [10, с. 162].

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Ю.М. Лотман исследует различные культуры и приходит к выводу, что в разных культурах на разных этапах исторического развития доминируют то одна, то другая система коммуникации. Так, европейская культура Нового времени намеренно ориентирована на систему «Я–ОН». Адресат, получающий информацию со стороны, является идеальным потребителем культуры. Подобные культуры являются более динамичными, по Ю.М. Лотману, они постоянно увеличивают число текстов, количество информации и тем самым способствуют быстрому приросту знаний. Минусом этой системы является резкое разделение общества на передающих и принимающих, стремление получать готовые решения без какой-либо умственной работы, привычка полагаться на чужое мнение, рост социальной пассивности населения. Такая тенденция к умственному потребительству является очень опасной для культуры, делая её односторонне ориентированной и духовно нищей. Культуры, где главенствует автокоммуникация, напротив, развивают высокую духовную активность, в них процветают искусства, но они менее динамичны, чем это требуют нужды общества. Ю.М. Лотман считает, что наиболее процветающей будет та культура, в которой будет присутствовать постоянная борьба между этими двумя системами, не приводящая к безусловной победе какой-либо одной из них.

Семиотическая модель У. Эко

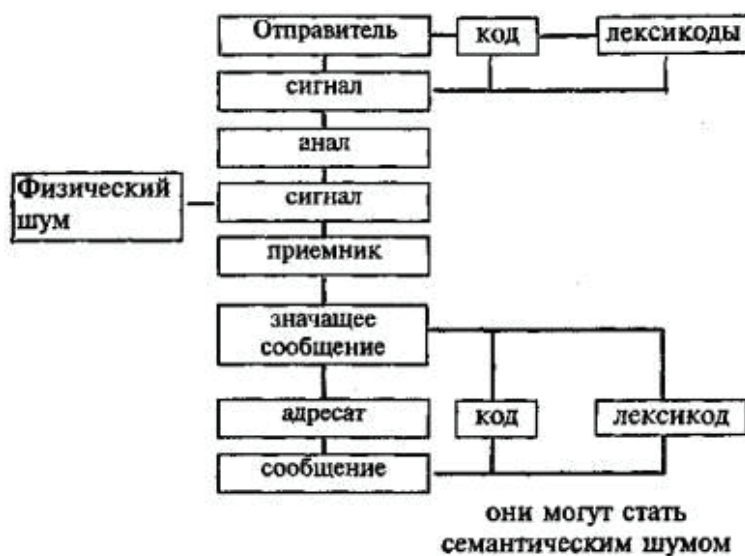
Итальянский семиотик Умберто Эко также уделяет большое внима-

ние моделям коммуникации. Он разрабатывает две модели коммуникации, однако если у Лотмана обе его модели строятся вокруг человека, то у Умберто Эко первая модель представляет собой коммуникацию двух механизмов, а вторая модель – коммуникацию между людьми.

Итак, первая модель коммуникации У. Эко включает в себя: *источник, отправителя, сигнал, канал, приёмник, сообщение, адресата, шум и код*. Чтобы снизить шум и минимизировать риск ошибки, необходимо усложнять код вплоть до достижения избыточности, когда происходит дублирование сообщения, обеспечивающее надёжность восприятия. Кроме того, усложнённый код позволяет передавать дополнительные сообщения.

Вторая модель состоит из тех же элементов, что и первая, однако к ней добавлены *лексикоды*.

Лексикоды – это вторичные коды: разного рода коннотативные значения, которые известны не всем, а только части аудитории, поэтому зачастую лексикоды могут играть роль шума и осложнять коммуникацию [13]. Коммуникация между людьми намного сложнее коммуникации механизмов, особенно на стадии получения и толкования сообщения. Новое значение за счёт смены субъектов коммуникации получают отправитель (теперь он совмещает в себе источник информации и передающее устройство) и само сообщение (оно теперь представляет систему означаемых, т. е. форму, которую адресат наделил смыслом на основе того или иного кода).

Рис. 2. Схема коммуникации по У. Эко¹

Итак, мы рассмотрели процесс эволюции моделей коммуникации от простых линейных до сложных многоступенчатых, в которых учитываются обратная связь, внешние помехи и даже психологическая составляющая общения. Коммуникация сложна и многогранна, и, как ни существует одного универсального определения коммуникации, одной всеохватывающей модели, так до сих пор нет и однозначного ответа на вопрос о функциях коммуникации. Тем не менее можно выделить основные функции коммуникации, которые приводят большинство учёных. Функциональный анализ коммуникации даёт возможность выявить ту социальную роль, которую она выполняет в обществе, и помогает более точно понять её сущность.

1. Информационная функция, представляющая собой обмен сообще-

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

ниями, мнениями, замыслами, решениями между коммуникантами.

2. Социальная функция, заключающаяся в формировании и развитии культурных навыков взаимоотношения людей. Эта функция формирует наше мнение, мировоззрение, реакцию на различного рода события. Социальная функция обеспечивает связь между отдельными людьми и группами, участвует в различных видах человеческой деятельности.

3. Культурологическая функция, обеспечивающая преемственность развития материальной и духовной культуры, транслирующая накопленный опыт будущим поколениям.

4. Экспрессивная функция, обеспечивающая выражение коммуникантом своих чувств, эмоций, переживаний через вербальные и невербальные средства общения. Данная функция способна усиливать, ослабевать или даже менять информацион-

ную составляющую сообщения в зависимости от способа передачи эмоций.

5. Регулятивная функция, регламентирующая поведение и деятельность участников коммуникации, устанавливающая правила для их совместных действий. Регулятивная функция может быть направлена на любого из участников коммуникации, призывая его к выполнению какого-то действия либо же запрещая какие-либо поступки.

6. Интерпретативная функция, служащая для адекватного понимания участниками коммуникации друг друга, намерений, установок, переживаний и эмоциональных состояний оппонентов [6].

Все указанные функции тесно связаны между собой и так или иначе проявляются в любом виде коммуникации. Выделяют разные уровни межличностной коммуникации: социально-ролевой, деловой, интимно-личностный. Социально-ролевой уровень коммуникации включает в себя выполнение человеком своей роли в социуме, необходимым условием коммуникации является знание норм окружающей человека среды. Общение при этом носит зачастую анонимный характер. Деловое общение подразумевает совместное сотрудничество, направленное на повышение эффективности совместной деятельности. Партнёры прежде всего оцениваются с той точки зрения, насколько хорошо они выполняют свои функциональные обязанности и решают поставленные перед ними задачи. На интимно-личностном уровне общения человек удовлетворяет свою потребность в понимании, сочув-

ствии, сопереживании, поддержке. Обычно для этого уровня характерны психологическая близость, эмпатия, доверительность.

В заключение можно сделать следующие выводы.

В многообразных подходах к трактовке понятия «коммуникация», представленных в социально-гуманитарном познании, наметился ряд методологически значимых установок, позволяющих определить сущность данного социального феномена. В обобщённом виде данное определение может быть представлено следующим образом: социально-гуманитарная коммуникация – это субъектно-субъектное информационное циклическое взаимодействие неэквивалентных коммуникантов, основанное на возможности корреляции коннотационных кодов, лексикодов и эмоциональных аттитудов и стремящееся к симметрии и созданию схожих аттитудов в качестве своего результата.

Важнейшими функциями социально-гуманитарной коммуникации являются: 1) социальная функция, направленная на обеспечение связи между индивидами и социальными группами, на формирование определённого мировоззрения социальных субъектов; 2) культурологическая функция, обеспечивающая преемственность развития культуры; 3) референтивная функция, проявляющаяся в обмене информацией между коммуникантами; 4) метаязыковая функция, служащая для адекватного декодирования сообщения; 5) регулятивная функция, регламентирующая поведение и деятельность участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2015. 320 с.
2. Балахонская Л.В. Современное социокультурное пространство и язык рекламы // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4. С. 111–114.
3. Балахонская Л.В. Социально-философские основы исследования агрессии в обществе // Философия права. 2013. № 1 (56). С. 121–125.
4. Бахтин М.В., Балахонский В.В. Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т. 58. № 2. С. 194–201.
5. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
7. Коммуникация // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 397.
8. Коммуникация // Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 2000. С. 340.
9. Коммуникация // Ожегов С.И., Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 282.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
11. Петров Л.В. Массовая коммуникация и искусство. Л.: Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, 1976. 160 с.
12. Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 143–157.
13. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 7 (58). С. 49–53.
14. Allport G.V. Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1937. 462 p.
15. Dance F., Larson C. The functions of communication: A theoretical approach. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. 206 p.
16. Jakobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. T. Sebeok. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960. P. 350–377.
17. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423.
18. Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 125 p.

REFERENCES

1. Aristotel'. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, *Azbuka Publ.*, 2015. 320 p.
2. Balakhonskaya L.V. [Contemporary Sociocultural Space and the Language of Advertising]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2010, no. 4, pp. 111–114.
3. Balakhonskaya L.V. [Social and Philosophical Foundations of the Study of Aggression in Society]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2013, no. 1 (56), pp. 121–125.
4. Bakhtin M.V., Balakhonskii V.V. [The Procedures of Explanation and Interpretation of History: Historical and Logical-Methodological Aspects]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2013, vol. 58, no. 2, pp. 194–201.

5. Gavra D.P. *Osnovy teorii kommunikatsii* [The Basics of Communication Theory]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 288 p.
6. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Foundations of Intercultural Communication]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2003. 352 p.
7. [Communication]. In: *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Comprehensive Encyclopedic Dictionary]. Moscow, *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* Publ., 1997, pp. 397.
8. [Communication]. In: Krysin L.P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000. 864 p.
9. [Communication]. In: Ozhegov S.I., Shvedova Yu.N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az" Publ., 1995, pp. 282.
10. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Universe of the Mind]. St. Petersburg, *Iskusstvo-SPB* Publ., 2000. 704 p.
11. Petrov L.V. *Massovaya kommunikatsiya i iskusstvo* [Mass Communication and Art]. Leningrad, *Leningradskii gosudarstvennyi institut teatra, muzyki i kinematografii* Publ., 1976. 160 p.
12. Pyatigorskii A.M. [Some General Comments on Text as a Kind of Signal]. In: *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya* [Structural-Typological Research]. Moscow, 1962, pp. 143–157.
13. Tukhvatulina L.R. [Principles of Classification of Communication Models]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities], 2006, no. 7 (58), pp. 49–53.
14. Allport G.V. *Personality: A Psychological Interpretation*. New York: Holt Publ., Rinehart and Winston Publ., 1937. 462 p.
15. Dance F., Larson C. *The Functions of Communication: a Theoretical Approach*. New York: Holt Publ., Rinehart and Winston Publ., 1976. 206 p.
16. Jakobson R. *Linguistics and Poetics*. In: Sebeok T., ed. *Style in Language*. Cambridge, MA, M.I.T. Press Publ., 1960, pp. 350–377.
17. Shannon C.E. *A Mathematical Theory of Communication*. In: *Bell System Technical Journal*, 1948, vol. 27, pp. 379–423.
18. Shannon C.E., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana, University of Illinois Press Publ., 1964. 125 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Береснева Юлия Витальевна – аспирант кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;
e-mail: j.balansky@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Beresneva – Postgraduate Student at the Department of Philosophy, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: j.balansky@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Береснева Ю.В. Становление понятия «коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 6-20

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-6-20

FOR CITATION

Beresneva Yu.V. The Formation of the Concept “Communication” in Social-Humanitarian Knowledge: Content, Structure and Functions of Communication. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 6-20

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-6-20

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-21-30

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЛИЗМА КАК ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ

Ишутин А.А.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»**105318, г. Москва, ул. Измайловский вал, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические составляющие такого мировоззрения, как холизм, т. е. философская позиция, исходящая из идеи приоритета целого по отношению к частям. Очерчены исторические, онтологические, гносеологические, этические аспекты данного термина. Раскрываются связи холизма с органицизмом, иррациональными формами познания, мистицизмом, хилиастическим идеалом. Автор приходит к выводу, что холизм фактически является мировоззренческой парадигмой всей русской философии, её «важным, бродильным и объединяющим компонентом» (Б.В. Яковенко), который остаётся неизменным даже в контексте смены эпох.

Ключевые слова: холизм, целостность, интуиция, органицизм, хилиазм, правда, природа.

SOME THEORETIC ASPECTS OF HOLISM AS PHILOSOPHIC ATTITUDE

A. Ishutin*Moscow University for Industry and Finance «Synergy»**2, Izmaylovsky val st., Moscow, 105318, Russian Federation*

Abstract. The article considers the theoretical components of such a worldview as holism, i.e. a philosophical position issuing from the idea of priority of the whole in relation to parts. Historical, ontological, epistemological, ethical aspects of this concept are outlined. An association of holism with organicism, irrational forms of knowledge, mysticism and chiliastic ideal is discovered. The author comes to the conclusion that holism is an ideological paradigm of all Russian philosophy, its “important and unifying component” (B.V. Yakovenko), which remains unchanged even in the context of changing epochs.

Key words: holism, wholeness, intuition, organicism, chiasm, truth, nature.

То, что «без идеи *целого* нет философии» (Д. Дидро) [22, с. 241], – максима, которая была заложена в самой философии ещё с самого начала её возникновения. Т. е. понятие *целое* воспринималось как нечто ключевое. Однако философия – ещё и наука, пусть и, как считали позитивисты, наименее «точная». И, как любая наука, она должна *систематизировать* и *анализировать*. Можно сказать, что такую двойственность (тягу к «расчленению» реальности и её «собиранию») философия пронесла через всю свою историю.

Однако мировоззренческий вектор пути человеческого общества (особенно в западноевропейском ареале) оказался таков, что на определённом этапе то, что некогда воспринималось самоочевидным, стало поначалу предметом дискурса, а затем и отрицания. Формально философия и по сей день остаётся единственной наукой, изучающей мир-как-целое. Однако само понятие *целое* стало рассматриваться всего лишь как одна из философских категорий, причём исключительно в контексте «целое–часть» [21; 23].

До XVII в. *целое* воспринималось как самодостаточная и, что самое главное, самоочевидная категория, не требующая дополнительного логического обоснования. Это касалось в том числе и *Абсолютного Целого*, т. е. Мироздания как такового. Но с XVII в. мейнстримом западноевропейской философии становится принцип редукции сложного к простому, высшего к низшему, целого к части, т. е. редукционизм. Наряду с редукционизмом европейскую философию охватывает и механицизм, т. е. попытка понять всё мироздание не как организм, а исключительно как механистическое соединение автономных деталей. Роль Р. Декарта (1596–1650) в синтезе этих двух процессов сложно переоценить. И.В. Гёте в «Фаусте» поэмически писал:

«Живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нём познание получить,
Учёный прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расщепляет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась...»
[5, с. 72].

Впрочем, даже материалист В.И. Ленин позже критически отмечал:

«Физика стала математической физикой. <...> Материя исчезает, остаются одни уравнения» [13, с. 326].

Итак, пройдя сквозь механистический, рационалистический, а позже и позитивистский дискурс, мировоззренческая парадигма снова ощутила вкус к идеям иррационализма и целостности. В немецком философском ареале явление А. Шопенгауэра и Ф. Ницше своим эпатажным иррационализмом вошло клином внутрь сформировавшегося позитивистского мейнстрима, а русская философия всеединства в виде целого направления напомнила изначальное назначение не только философии, но и культуры как таковой. Нелишне здесь будет вспомнить, что древнеримское понятие *cultura* возникло напрямую из древнегреческого понятия *παιδεία* (пайдейя), которое обозначало «воспитание *целостной личности*».

Наконец, в 1926 г. появляется и сам термин *холизм* (от греч. *holon* — целое). Южноафриканский философ Я.Х. Смэтс (1870–1950) в работе «Холизм и эволюция» обосновал существование нематериального фактора *целостности*, который и обозначил данным термином. Занимаясь вопросами творческой эволюции, Смэтс сделал вывод, что в её основе лежит как раз целостность, которая является последним объяснением материи, жизни и духа [27, р. 269]. Таким образом, «холизм, долженствующий объяснить эволюцию, в основе своей тождествен с принципом, который наполняет собой творческие структуры мира жизни» [2, с. 375].

Нам представляется сам термин *холизм* вполне приемлемым для рассматриваемого нами вопроса. Одна-

ко имеет смысл очертить некоторые грани этого термина в более широком пространственно-временном философском контексте.

1. Мироздание, с точки зрения холизма, – это *единое целое* (об этом говорили ещё элеаты: «Всё есть единое»).

2. *Целое*, с точки зрения холизма, больше, чем сумма частей, его составляющих. Целое предшествует частному, возникая одномоментно, а на фрагменты распадается впоследствии. Оно ценно *Само-по-Себе* (именно так, с большой буквы) и обладает абсолютной ценностью. Более того, отдельные объекты и явления имеют смысл, но только как часть *целого* [11, с. 5]. Эту мысль в философско-эстетическом ключе блестяще выразил В.С. Соловьёв. «Достойное, идеальное бытие, – писал он, – требует одинакового простора для целого и частей, следовательно, это не есть свобода от особенностей, а только от их исключительности. Полнота этой свободы требует, чтобы все частные элементы находили себя друг в друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе, ощущало в своей частности единство целого и в целом свою частность, – одним словом, абсолютная солидарность всего существующего» [19, с. 395, 396].

3. Холизм занимает особое место между монистической философией, которая также говорит о единстве мира, однако акцентирует метафизическую тождественность всех областей действительности, и плюрализмом, который настаивает на их сущностном разделении. На таком промежуточном положении холизма настаивает, в частности, немецкий философский словарь под редакцией Г. Шмидта [24, с. 493]. Т.е. физическое, органиче-

ское, психическое и т.д., несмотря на серьёзные различия, образуют подлинную целостность и взаимодополняются. Получается, что мироздание в холизме – не просто система, а структура, внутри которой наличествуют иерархия существ и явлений, их соподчинённость.

4. Неотъемлемой чертой холизма можно считать *мистицизм* (от греч. *mystikos* – таинственный). «Таинственность» мира заключается в том, что связи, тотально пронизывающие всё мироздание, далеко не всегда доступны пяти чувствам и обыденному разуму человека, а доступны некоему *сокрытому знанию*. Тем не менее эти связи есть, и поэтому всеобъемлющее взаимовлияние предметов и явлений друг на друга и на мироздание в целом не подлежит сомнению. «Скрытая гармония сильнее явной» [25, с. 34], – писал Гераклит как раз в этом смысловом контексте. Действительно, истоки такого взгляда можно найти ещё в древних магических культах, ведь магия также базируется на концепции тотальной симпатической связи Космоса, т.е. манипуляция над одними объектами в мире вызывает последствия для других объектов. Н.Тесла писал по этому же поводу, что действие даже самого крохотного существа приводит к изменениям во всей Вселенной.

5. Иррациональные формы познания мира являются существенной частью гносеологии холизма. Суть заключается в том, что логико-рациональное познание дробит цельную реальность на причинно-следственные связи, анализируя, т.е. «расчленяя» её. Детали, части, «демокритовские ато-

мы» как бы начинают приобретать самодостаточный статус. Как следствие, вещь-как-целое совершенно исчезает из поля зрения, а значит, исчезает и её суть, которая находится за пределами частей или даже их суммы.

Следует отметить, что сомнение во всеисильности рационализма (а равно и эмпиризма) проходит красной нитью через всю русскую философию. Русские мыслители часто воспринимали логику как ритм, метрику сугубо человеческого мышления. Для того же, чтобы адекватно воспринимать мироздание, нужно настроиться именно на ритм мироздания. И здесь нужны другие формы познания, иррациональные. Во-первых, это *интуиция*, т. е. непосредственное постижение истины без логического анализа. Интуиция «схватывает» вещь как целое, без расчленения на части. Можно также употребить термин *интуитивно-экстатическое познание*.

Во-вторых, это *вера*. Следует отметить, что в русской философской традиции вера нередко воспринималась не как беспрекословное доверие канону или авторитету, а как, по сути, нечто весьма близкое к интуиции, как нечто, посредством чего можно познать *вещь-в-себе*. Самый яркий пример такой интерпретации – славянофилы [14].

Наконец, в-третьих, это художественное творчество, которое, как писал немецкий философ Ф. Шеллинг, представляет собой «внезапное совпадение сознательной и бессознательной деятельности», «общего и особенного» [6, с. 94, 122].

Русский философ, лингвист и литературовед А.А. Потебня, сравнивая науку и поэзию, отмечал, что на-

ука дробит мир, чтобы сложить его в стройную систему понятий, однако проблема в том, что система рушится от всякого не вошедшего в неё факта, а число фактов не может быть исчерпано. Поэзия «вознаграждает за несовершенство научной мысли и удовлетворяет врожденной человеку потребности видеть везде цельное и совершенное, – считает А.А. Потебня. – Назначение поэзии – не только готовить науку, но и временно устраивать и завершать невысоко от земли выведенное её здание. В этом заключается давно замеченное сходство поэзии и философии» [17, с. 177, 178]. Философия русского символизма подтвердила мысли А.А. Потебни, доведя его теоретические выкладки до блестящих образцов художественного выражения [12].

А русский писатель М.М. Пришвин, размышляя о жизненном единстве Вселенной, о пантеизме, о грядущем Всечеловеке и «сверхвременном чувстве цельности человеческой жизни», о любви как о чувстве Вселенной («когда всё во мне и я во всём»), также акцентировал сверхвременную сущность творчества. «Мне теперь стало гораздо смелее догадываться о творчестве так, что, может быть, эта необходимая для творчества «вечность» и есть чувство не своего человеческого, а иного, планетного времени, – писал он, – что, может быть, эту способность посредством внутренней ритмики соприкасаться с иными временами, с иными сроками и следует назвать собственно творчеством?» [9, с. 134, 135].

6. Важнейшей чертой холистского мировоззрения является *организмизм*. Смысл такого подхода заключается в том, что реальность воспринимает-

ся как организм, а не как механизм, а Вселенная таким образом оказывается своего рода *Сверхорганизмом*, в котором всё связано со всем. Механизм, машину можно расчленить на детали, «демокритовские атомы» и снова собрать без ущерба для целого, организм же нельзя, т. к. его целостность самоценна сама по себе.

В данном контексте следует вспомнить такое учение, как *витализм*. Оно утверждает наличие в живых организмах нематериальной сверхъестественной силы (лат. *vis vitalis*), управляющей жизненными явлениями. Это своего рода регулирующая сила внутри материи. В плоскости органицизма холизм и витализм оказываются в существенной степени родственными направлениями.

В XIX в. в русской философской мысли концепцию органицизма разрабатывал в художественной форме Л.Н. Толстой, который выдвигал понятие *Жизнь* (с большой буквы) как синоним Вселенной и Бессмертия. А в первой половине XX в. биофизик-космист А.Л. Чижевский обосновывал, что живые организмы, находящиеся на Земле, связаны с космотеллурической средой и, шире, со всем Мирозданием миллионами невидимых, неуловимых связей. Каждый атом живой материи реагирует на колебания атомов окружающей среды – природы. При этом живая клетка является наиболее чувствительным аппаратом, регистрирующим в себе все явления мира и отзывающимся на эти явления соответствующими реакциями своего организма. Русская мысль вообще характеризуется существенным креном в сторону *органичности*.

А вот механистическое, «часовое» восприятие реальности наиболее ярко

зафиксировал Р. Декарт, один из основоположников западноевропейского социально-философского модерна. Вот пример его рассуждений: «Смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-либо из главных частей тела. <...> Тело живого человека так же отличается от тела мёртвого, как отличаются часы или иной автомат (то есть машина, которая движется сама собой), когда они собраны и когда в них есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены <...> от тех же часов или той же машины, когда они сломаны и когда условие их движения отсутствует» [8, с. 597].

7. Идея гармоничной целостности мира и отсутствие дуалистической разделённости на *То* и *это* влекут за собой идею гармонии и справедливости между всеми частичками Мироздания. Разумеется, справедливость должна охватить также мир человеческого социума. Подобный (почти утопический) взгляд на социум вытекает из холизма если не напрямую, то косвенно. Религиозно-философским выражением такого взгляда можно считать *хилиазм* (или *милленаризм*) – учение о царстве праведников, устанавливаемом в посюстороннем, материальном мире. Т. е. получается, что общественный порядок должен быть в значительной степени трансформирован согласно некоему высшему замыслу (Да будет воля Твоя, как на Небе, так и на Земле). Социум в таком случае представляет собой уже некое действие, поле битвы, куда должна вернуться высшая справедливость. Так Христос оказывается не единственным Бого-человеком, а олицетворением некоего Пути для всех людей.

Подобными умонастроениями проникнута в той или иной степени и философия всеединства, в частности учение В.С. Соловьёва о Богочеловечестве как будущем человеческого общества. Ну и наиболее чётко эту идею отстаивала «интеллигентская хилиастическая секта» (так С.Н. Булгаков охарактеризовал кружок Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус) [4]. З.Н. Гиппиус, которая в 1902 г. ездила с Д.С. Мережковским к хлыстам, ещё тогда писала в письме к А. Блоку: «Так хорошо, как с хлыстами, я, салонная дама, никогда себя в жизни не чувствовала. Это “золотой век”, это принципиальная основа того, это настоящая Русь, это абсолютный свет, которым мы спасём мир, спасём всю планету» [10, с. 35]. Т.е. в плоскости Серебряного века русской поэзии уже произошло сочетание религиозного, мистического чувства с жадой земной справедливости. Позже о русском хилиазме как «идее перемены миропорядка в целом» писал и поэт И. Бродский.

8. Важнейшим понятием русского мирозерцания, которое объединяет чувство гносеологической целостности и хилиастические чаяния, является понятие *правда*. Можно сказать, что его возвёл в ранг термина философ-публицист второй половины XIX в. Н.К. Михайловский: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово *правда*, я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски *истина* и *справедливость* называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [16, с. 5], – писал он.

Правда в некоторых аспектах оказывается глубже и сложнее понятия

истина. Истина – это соответствие знания вещам, верное отражение объективной действительности в сознании человека, а *правда* – это истина, которая вбирает в себя не только гносеологический компонент, но также этический, эстетический; и в этом смысле *правда* – это абсолютно холистский термин в рассматриваемом нами смысле. Подобный подход ярко отражён в философии, например, славянофилов: человек приобщается к Мирозданию не одной только мыслью (что предполагает термин *истина*), но всей жизнью.

Недаром русский космист В.И. Вернадский говорил о *вселенскости*, которая является в его трактовке своеобразным синонимом *правды*. Это охват окружающего мира не только разумом и сознанием. Вселенскость предполагает и другие начала – эмоциональное, эстетическое, волевое, целеустремленное, – направленные на настоящее, прошлое и будущее. А в прикладном плане она имеет ещё и технический аспект, реальное освоение человеком Космоса [3, с. 44, 63].

9. Идея холизма предполагает особое отношение к *природе*. Если в авраамических, креационистских религиях присутствует некая пропасть между Богом и природой, т. к. Бог – трансцендентный создатель, то в пантеистическом мировоззрении неснимаемого противоречия между Богом и миром нет. Взгляд на природу в холизме в этом смысле в большей степени пантеистический. Высшее (Бог) оказывается металогическим условием абсолютной целостности мироздания, а природа – неким «языком», на котором это Высшее «общается» со своими частями, в том числе и с человеком [15].

Достаточно полно эту идею обосновал Н.Н. Страхов в книге «Мир как целое». «Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. Мир есть единое целое, то есть он не распадается на две, на три, или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить не иначе, как *одухотворив природу*, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа» [20, с. 66, 67], – писал он.

В самой природе присутствует мыслящий и животворящий принцип, и в этом смысле преисполненная сознанием природа гармонично объединяет божественный и человеческий уровни. «Витальное любовное единство с природой» (выражение, использованное по отношению к творчеству И.С. Тургенева [7, с. 232]) есть существенный компонент русского взгляда на мир. Это выражено и в литературе, и в академической философии, и в народно-мифологических воззрениях, и даже в интерпретации официальной православной традиции, ведь элемент природно-языческий плотно вошёл в русское христианство. На фактическое двоеверие в русском народном православии указывали многие русские мыслители, а особенно Н.А. Бердяев. Однако к разряду двоеверия можно отнести и мировоззрение многих русских мыслителей от Г.С. Сковороды до Д.С. Мережковского.

Тут можно также вспомнить оперу русского композитора Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Сюжетная линия либретто, написанного

к этой опере В.И. Бельским, начинается с того, что в глухом лесу живёт юная Феврония. Она находится в полной гармонии и согласии с лесом, дикие звери приходят к ней, чтобы она их кормила и выхаживала. Заблудившись во время охоты, княжич Всеволод случайно видит Февронию. Его приводят в восторг её умные и поэтичные речи. Она утверждает, что верует в Бога, но что её «Церковь Божия» – это природа.

Весьма поэтично и концентрированно чувство нераздельности (но и неслиянности!) человека с природой выразил русский поэт XX в. Н.А. Заболоцкий:

«И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Всё, всё услышал я –
и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мёртвый
крик» [1, с. 226].

Итак, в русском человеке чувство природы, ландшафта и пространства не давало воспринимать всю материю как нечто грешное и, так сказать, метафизически-несущественное. В той же «природной» смысловой плоскости находится и тема Космоса. Замечательный русский мыслитель Н.Ф. Фёдоров, который приготовил почву для русского космизма, отмечал: «Тот материал, из коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и т. п. – это силы ... воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимого выхода. <...> Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [18, с. 39]. Поэто-

му и неудивительно, что путь в Космос открыт в России: сначала в мировоззренческом плане, а затем и в научно-техническом. Связь Космоса в русской философии с идеями холизма наиболее концентрированно представлена в личности К.Э. Циолковского.

Итак, если в европейском философском дискурсе *целое* – это всего лишь одна из философских категорий, то в русском мировоззрении – это «важный, бродильный и объединяющий компонент» [26, с. 467].

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфонсов В.Н. Слова и краски. М.: Азбука-классика, Сага, Наука, 2006. 320 с.
2. Буржуазная философия кануна и начала империализма: учеб. пособие / под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвиля, И.С. Нарского. М.: Высшая школа, 1977. 424 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Гайденок П.П. Апокалиптика, хилиазм и эллинская философия: доклад на VIII Рождественских образовательных чтениях // Жена, облеченная в солнце. URL: http://1260.org/Mary/Text/Text_Gaidenko_Apocalypitics_Chiliasm_Greek_Philosophy_ru.htm (дата обращения: 30.11.2017).
5. Гёте И.В. Фауст. СПб.: Азбука-классика, 2009. 480 с.
6. Гулыга А.В. Шеллинг. М.: Молодая Гвардия, 1984. 317 с.
7. Гулыга А.В., Андреева И.С. Шопенгауэр. М.: Молодая гвардия, 2003. 367 с.
8. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
9. Дёмин В.Н. Циолковский. М.: Молодая гвардия, 2005. 336 с.
10. Зарифуллин П.В. Революционный консерватизм [Электронный ресурс] // Центр консервативных исследований: [сайт]. URL: <http://konservatizm.org/speech/zarifullin/080309014745.xhtml> (дата обращения: 15.11.2017).
11. Ишутин А.А. Идеи холизма в русской философии: монография. М.: Триада, 2017. 154 с.
12. Ишутин А.А. Холизм и философия русского символизма // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 1 августа 2014 г. в 3 ч. Ч. 1. М.: АР-консалт, 2014. С. 59–61.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1968. 525 с.
14. Матюхин А.В. Общественная мысль России XIX – начала XX вв. // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 233–236.
15. Минченков А.Г. Философия холизма и возможности применения её положений в теории и практике перевода // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 121–130.
16. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Н.Н. Михайловского, 1911. 328 с.
17. Потенба А.А. Полное собрание трудов. Мысль и язык / подгот. текста Ю.С. Рассказова, О.А. Сычева; комм. Ю.С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
18. Русский космизм: антология философской мысли / сост.: С.Г. Семенова, А.Г. Ганева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
19. Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 824 с.
20. Страхов Н.Н. Мир как целое. М: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
21. Талбот М. Голографическая вселенная. Новая теория реальности. М.: София, 2016. 384 с.

22. Таранов П.С. Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М.: Эксмо, 2004. 893 с.
23. Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: Постум, 2013. 256 с.
24. Философский словарь / Г. Шмидт; под ред. Г. Шишкоффа; пер. с нем., общ. ред. В.А. Малинина. 22-е изд. М.: Республика, 2003. 576 с.
25. Шевелёв И.Ш., Марутаев М.А., Шмелёв И.П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М.: Стройиздат, 1990. 343 с.
26. Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003. 510 с.
27. Smuts J.C. Holism and Evolution. 3rd ed. London: Macmillan and Co., 1936. 384 p.

REFERENCES

1. Al'fonsov V.N. *Slova i kraski* [Words and Paints]. Moscow, *Azbuka-klassika Publ., Saga Publ., Nauka Publ.*, 2006. 320 p.
2. Bogomolov A.S., Mel'vil' Yu.K., Narskii I.S., eds. *Burzhuaznaya filosofiya kanuna i nachala imperializma* [Bourgeois Philosophy of the Eve and the Beginning of Imperialism]. Moscow, Higher School Publ., 1977. 424 p.
3. Vernadskii V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1991. 271 p.
4. Gaidenko P.P. [Apocalyptic, Chiliasm and Hellenic Philosophy: Doklad na VIII Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chteniyakh]. In: *Zhena, oblechennaya v solntse*. Available at: http://1260.org/Mary/Text/Text_Gaidenko_Apocalypitics_Chiliasm_Greek_Philosophy_en.htm (accessed: 30.11.2017).
5. Goethe J.W. *Faust* [Faust]. St. Petersburg, *Azbuka-klassika Publ.*, 2009. 480 p.
6. Gulyga A.V. *Shelling* [Schelling]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 1984. 317 p.
7. Gulyga A.V., Andreyeva I.S. *Shopengauer* [Schopenhauer] Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2003. 367 p.
8. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, *Politizdat Publ.*, 1950. 712 p.
9. Demin V.N. *Tsiolkovskii* [Tsiolkovsky]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2005. 336 p.
10. Zarifullin P.V. [Revolutionary Conservatism]. In: *Tsentr konservativnykh issledovaniy* [The Center for Conservative Studies]. Available at: <http://www.konservativizm.org/speech/zarifullin/080309014745.xhtml> (accessed: 15.11.2017).
11. Ishutin A.A. *Idei kholizma v russkoi filosofii* [The Idea of Holism in Russian Philosophy]. Moscow, *Triada Publ.*, 2017. 154 p.
12. Ishutin A.A. [Holism and the Philosophy of Russian Symbolism]. In: *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva. 1 avgusta 2014 g. Ch. 1.* [Science, Education, Society: Trends And Prospects: Collection of Scientific Works on Materials of the International Scientific-Practical Conference. Moscow. August 1, 2014. Part 1.]. Moscow, *AR-konsalt Publ.*, 2014, pp. 59–61.
13. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 18 [Full. Coll. Op. Vol. 18]. Moscow, *Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.*, 1968. 525 p.
14. Matyukhin A.V. [Social Thought of Russia in the 19th – early 20th centuries]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2009, no. 2, pp. 233–236.
15. Minchenkov A.G. [The Philosophy of Holism and the Possibility of Applying Its Provisions to the Theory and Practice of Translation]. In: *Vestnik SPbGU Ser. 9*, [Bulletin of the SPbSU Ser. 9], 2014, no. 2, pp. 121–130.

16. Mikhailovskii N.K. *Poln. sobr. soch. T. 1* [Full. Coll. Works. Vol. 1]. St. Petersburg, Publishing House of N.N. Mikhailovsky Publ., 1911. 328 p.
17. Potebnya A.A. *Polnoe sobranie trudov. Mysl' i yazyk* [Complete Collection of Works. Thought and Language]. Moscow, *Labirint* Publ., 1999. 300 p.
18. Semenova S.G., Ganeva A.G., comps. *Russkii kosmizm: antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow, *Pedagogika-Press* Publ., 1993. 368 p.
19. Solov'ev V.S. *Soch. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1989. 824 p.
20. Strakhov N.N. *Mir kak tseloe* [The World as a Whole]. Moscow, *Airis-press* Publ., 2007. 576 p.
21. Talbot M. *Golograficheskaya vseennaya. Novaya teoriya real'nosti* [Holographic Universe. A New Theory of Reality]. Moscow, *Sofiya* Publ., 2016. 384 p.
22. Taranov P.S. *Filosofskii biograficheskii slovar', illyustrirovannyy myslyami* [Philosophical Biographical Dictionary, Illustrated With Thoughts]. Moscow, *Eksmo* Publ., 2004. 893 p.
23. Wilber K. *Teoriya vsego. Integral'nyi podkhod k biznesu, politike, nauke i dukhovnosti* [The Theory of Everything. Integral Approach to Business, Politics, Science and Spirituality]. Moscow, *Postum* Publ., 2013. 256 p.
24. Shishkoff G., ed. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, *Respublika* Publ., 2003. 576 p.
25. Shevelev I.Sh., Marutaev M.A., Shmelev I.P. *Zolotoe sechenie: tri vzglyada na prirodu garmonii* [The Golden Section: Three Views on the Nature of Harmony]. Moscow, *Stroiizdat* Publ., 1990. 343 p.
26. Yakovenko B.V. *Istoriya russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, *Respublika* Publ., 2003. 510 p.
27. Smuts J.C. *Holism and Evolution*. London, Macmillan and Co., 1936. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ишутин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ishutin – PhD in Philology, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ишутин А.А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 21-30
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-21-30

FOR CITATION

Ishutin A.A. Some Theoretic Aspects of Holism as Philosophic Attitude. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 21-30
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-21-30

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-31-43

К ЮБИЛЕЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алёхина Е.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуются причины, сущность и последствия революции 1917 г. с опорой на работы главных представителей русской классической философии. Они определяли её как величайшее государственно-политическое и национально-духовное разрушение России. Причина её – отход управляющей и культурной элиты от веры в Бога и от верности Отечеству. С этой позиции революция есть проявление системного духовного кризиса, поразившего прежде всего нравственность и правосознание народа. В статье исследован утопизм теории социализма, противостоящего христианскому мировоззрению. Анализ сущности большевизма в значении политического радикализма и криминального правосознания помогает распознать его в исторической многоликости. Автор приходит к выводу, что смысл революции определялся антихристианским типом советской цивилизации как совершенно особой духовно-религиозной эпохи русской истории, причудливо сочетавшей в себе рудиментарно-религиозный утопизм с партийным утилитаризмом.

Ключевые слова: революция, духовный кризис, правосознание, утопизм, христианское мировоззрение, большевизм.

TO THE ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION 1917: HISTORY AND MODERN TIMES

Ye. Alekhina

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article examines the causes, nature and results of the Russian Revolution on the basis of the works of the Russian classical philosophers. They defined the Revolution as the greatest political, national and spiritual destruction of Russia. The main causes of the Revolu-

© Алёхина Е.В., 2017.

tion were identified as renunciation of religious belief by the governing and cultural elite and its loss of fidelity to the nation. From this perspective the Revolution is the reflection of the overall spiritual crisis that undermined the nation's morality and sense of justice. The author reveals the utopian character of the socialist theory confronting it with the Christian world outlook. The analysis of the essence of Bolshevism in terms of political radicalism and criminal legal consciousness allows of identifying its historical varieties. The author comes to the conclusion that the nature of the Revolution is determined by the anti-Christian type of the Soviet civilization as a completely special spiritual and religious epoch in the Russian history, whimsically combining rudimentary-religious utopianism with political party's utilitarianism.

Key words: Revolution, spiritual crisis, sense of justice, Utopism, socialism, Christian world outlook, Bolshevism.

Последствия Февральской революции 1917 г., свержшей с престола императора Николая II Александровича и уничтожившей самодержавную монархию как традиционную форму верховной власти, и Октябрьской революции, провозгласившей задачу построения социалистического государства на основе материалистического мировоззрения, мы переживаем до сих пор. Смысл слов режиссера Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» относится к потере исторической государственности, сопровождавшейся колоссальными и невосполнимыми людскими потерями, повреждением народного духа, а также экономическим разорением и ограблением самой богатой страны мира. И.А. Ильин оценил русскую революцию как «величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение» [7].

Очередная революция – уже либеральная – рубежа 80–90-х гг. XX века (и сопутствующие этому новое разорение и ограбление, сокращение на 60% экономического потенциала) свидетельствует о том, что нация до сих пор не может консолидироваться в оценках переломного в истории нашей страны события. Сейчас Россия начинает под-

ниматься. Вместе с тем даже на самом высоком уровне нет единства в понимании национальной русской идеи: места России в этом мире, её миссии и предназначения. Насущная потребность единения в истине и опасность ложных оценок буквально «стучатся» затяжной экономической стагнацией, «оранжевой» революцией на Украине с её «ленинопадом», пафосом декоммунизации и борьбой с «русским миром». Очевидно, что в осмыслении нашей новейшей истории, переломным событием которой является революция, мы по-прежнему народ с расщеплённым сознанием. Объединяющей всех идей, обеспечивающей успешное развитие нашего государства, всегда была православная соборность, и, отходя от неё, страна разрушалась.

Что такое революция и почему она становится возможной? Одно из значений слова «революция» происходит от латинского корня «revolver» – «ход назад». Если в марксизме революции становятся «локомотивом истории», то русские религиозные философы определяли их как «задний ход» истории, как перерыв эволюционного развития в социально-экономической, политической и культурной сферах. «Великие» революции – французская и

русская – отбрасывали нравственное, духовное и экономическое развитие государств на целые столетия назад [15, с. 105]. Всякая революция есть величайшее зло и преступное решение насущных проблем.

Февральская революция 1917 г. произошла по причине отступления от веры в Бога и от верности Божьему помазаннику управляющей и культурной элиты, организовавшей государственный переворот и предавшей законного царя. Заговор алчных к власти генералов-предателей и думских лидеров, прикрывавшихся спровоцированными ими массовыми выступлениями, был поддержан «передовой» интеллигенцией, крупным капиталом (особенно из раскольников), некоторыми священнослужителями, малодушным Синодом, благословившим Временное правительство. Обольщенное обещаниями крестьянство поверило в передел земли, рабочие – в передачу им в управление заводов и фабрик. В целом либерально-демократическая идеология, всё более овладевавшая душами русских людей, привела к утрате сакрального представления о верховной власти. В ситуации «измены, трусости и обмана» Николай II лишь склонился перед волей Божией стать добровольной жертвой за свой народ, в точности как это сделал пророк Самуил. Сегодня на примере целого ряда «цветных» революций становится понятно, что революции побеждают не в результате «стихийного» бунта, но становятся результатом деятельности мощной организации, влиятельных сторонников и, главное, большого количества денег. Все эти составляющие мы видим на примере Февральской революции [12].

Начавшись как заговор безответственной элиты, революция, в свою очередь, привела Россию к неязыческой богоборческой системе (И.А. Ильин), «антисистеме» (Л. Гумилёв), которая уклонилась от духовного наследия и культуры русского мира, от укоренившегося в душе русского народа православного мирозерцания как основы его идентичности. По удачному определению генерала Л.П. Решетникова, разрушался «цивилизационный код» русской нации [14].

Но, может быть, пора уже примириться с русской революцией как с историческим фактом? Вот уже и авторитетный телеведущий с патриотической и антилиберальной ориентацией предлагает «питаться энергией революции» в созидательном творчестве (?!), озвучивает идею некоего костюмированного шествия «белых» и «красных» по Красной площади в ноябре 2017 г. в знак национального примирения. Возникла также идея создания памятника Примирения в Крыму. Место выбрано не случайно. Отсюда в конце 1920 г. из Севастопольской бухты был великий «бег» Добровольческой армии генерала Врангеля, положивший конец императорской России. Символично, что если в 988 г. в Крещении князя Владимира в Херсонесе рождалась новая православная Русь, то в 1920 г. здесь же был её «исход» в изгнание.

Или прав князь А.А. Трубецкой, который, выступая на прошлогодней конференции в Крыму, сказал, что пока не будет покаяния в виде официального осуждения большевизма и всего того, что принесла эта страшная деструктивная идеология и культ, истинного примирения и мира быть не может? И

повторил: «Никакого пока примирения, зато можно говорить о перемирии, которое позволяет единогласно смотреть на Россию, на её будущее, бороться против её многих атлантических врагов» [13]. В числе печальных последствий большевистской революции он указывает на неучастие России в победе после Первой Мировой войны из-за предательства в Брест-Литовске, на развал экономики страны, которую западные эксперты прогнозировали как самую мощную страну в мире, на варварское убийство царской семьи, что стало началом неслыханного террора, который в разной степени продолжался до перестройки. Вспоминает князь и Голодомор во время самых урожайных лет, унёсший миллионы жизней крестьян, и исход двухмиллионной русской эмиграции, породивший большое количество бесправных в Европе беженцев – людей, столь нужных для самого Отечества. Это и богоборчество, приведшее к попытке уничтожения всех религий и особенно православия. А.А. Трубецкой приводит характерные слова Ленина: «Мне на Россию наплевать, меня интересует мировая революция» [13], – цитату, которую напомнил Президент РФ В.В. Путин на встрече дискуссионного клуба «Валдай».

Не случайно многие никак не могут принять то, что в Москве, которую до 1917 г. называли храмом России, а Кремль – алтарем этого храма, находится некая гробница-музей, в которой вот уже почти столетие выставлена мумия кровавого вождя политических авантюристов Ульянова-Ленина, что с нравственной и религиозной точек зрения кощунственно.

Осознавая бесконечную сложность, многогранность и таинственную глу-

бину темы революции 1917 г. и неисчерпаемость литературы на эту тему, автор **своей целью поставил сконцентрироваться на причинах, сущности и последствиях этого события, опираясь на наследие главных представителей русской классической философии**, посвятивших всю свою пореволюционную жизнь осмыслению трагедии революции. Тем самым они готовили будущее возрождение страны, во что свято верили.

К проблеме революции русские религиозные философы подходили с духовно-нравственной точки зрения, оценивая это событие в категориях добра и зла, смысла истории. С этих позиций революция рассматривалась как проявление богоборчества, становилась «перманентной», сопровождая всю историю человечества и ведя его к концу истории, к глобальной катастрофе. Накапливаясь веками в душе народов как духовная болезнь, она началась как духовная революция Ренессанса и Реформации. Революции – это начало падения Европы. Начавшись в Англии и во Франции в XVII–XVIII вв., они докатились и до России в начале XX в.

Пожалуй, самым известным из разоблачителей революционных идей был Ф.И. Тютчев, который намного раньше (ещё в 1848 г.) К. Леонтьева и Вл. Соловьёва раскрыл суть противостояния России и Европы («Красного Запада») как непримиримой борьбы революции с христианством, от исхода которой «зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Почувствовав антихристово дыхание в Европе XIX в., он развивал мысль о появлении атеистической антицеркви: «Революция – прежде всего враг христианства!

Антихристианские идеи есть душа Революции; это её особенный отличительный характер» [16, с. 132]. Главная цель революции – этого «ополчения безбожия, охватившего уже три четверти Европы, – крестовый поход против России» [16, с. 141].

Осмысление русской религиозно-философской мыслью духовной сущности «идола революции» началось ещё в период социально-политического кризиса страны 1905–1907 гг. В знаменитой книге «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909) её авторы (С. Булгаков, С. Франк, Н. Бердяев и др.) решительно отвергли идеологию революционно-насильственных форм политической борьбы как антропологически необоснованную, а потому ложную и опасную, ведущую не к освобождению народа, а к его порабощению и самоуничтожению. В ней указывается на «сектантский», еретический и криминальный характер социалистической идеологии революционной интеллигенции, противостоящей национальной России, на ложный социальный морализм и утилитарно-потребительскую направленность (С. Франк); на религиозную (иудаистскую и атеистическую) основу, и «идейную одержимость», и, как следствие, низкую духовно-нравственную культуру, догматизм и психотипические признаки личности революционера, склонного к политическому экстремизму и терроризму (С. Булгаков, Н. Бердяев). С. Франк предвидит, что распределительная идея социализма увеличит чиновнический управленческий аппарат, превратив его в новый господствующий класс, а также число посредников, охранников, администраторов разного рода и уменьшит

число подлинных производителей [20]. Уже в эмиграции Г. Флоровский отмечает: институты управления, организации в тоталитарном социалистическом государстве приобретают «самодовлеющее значение» [20, с. 275].

Антихристианская природа коммунистической утопии уравнилительной справедливости называется Г. Федотовым идейной «беспочвенностью», «отрицательным идеалом», «отрывом» от всех органически социальных и духовных образований, которая в пределе становится нигилизмом, уже несовместимым ни с какой идейностью [18, с. 71]. Социалистическую идеологию Г. Федотов оценивал как предательство идеи социализма – идеала социально-хозяйственной жизни. Государство, базирующееся на утопической идеологии, неизбежно становится теократическим, вернее, идеократическим, тоталитарным, превращаясь в подобие церкви. После первой русской революции С. Булгаков определил «научный социализм» как модификацию ветхозаветного хилиазма [3, с. 123, 124]. Позднее Н. Бердяев этим качеством объяснил религиозный фанатизм и преследование христиан коммунистами в СССР [2, с. 309]. Б. Вышеславцев дал развёрнутую картину практической реализации атеистической религии [5, с. 77]. Общую оценку большевизма как бы подытожил Ф. Степун: атеистическая идеология западноевропейского марксизма соединилась с религиозным менталитетом русского народа [15, с. 96].

Духовную глубину революции наиболее последовательно раскрыл И.А. Ильин в своих статьях из сборника «Наши задачи», в которых он анализировал причины кризиса, привел-

шего Россию в XX в. к «мученичеству и вымиранию». Обращаясь к самому главному, остановимся на духовных основах этого кризиса, которые стали предметом особого интереса русского философа. Рассматривая его как системный, охвативший все сферы культуры, начало его он связывал с искажением и ослаблением христианской веры. Именно на вере основываются нравственность, правосознание, семья, отношение к воинскому долгу. Секуляризация привела к исчезновению духовно-нравственного содержания этих важнейших сфер жизни общества, к тому что христианство оттеснялось, как сейчас сказали бы, в субкультуру. Пользуясь богословской терминологией, Ильин лаконично выразил суть происходящего так: «Мы во Христе крестились, но во Христа не облакались» [6, с. 126].

В русской религиозной философии распространена была оценка революции и строительства социализма как *национальной трагедии, катастрофы и преступления*. Однако трагическая история России XX в. имеет высший – положительный, религиозный смысл, меняющий масштаб и ценность побед и поражений. «Узрение религиозного смысла революции, – выразил общее мнение Ф.А. Степун, – тождественно узрению греха безрелигиозной жизни и безрелигиозного творчества» [15, с. 126].

В современной социально-философской мысли понятие «русской трагедии» встречается, например, у известного философа А.А. Зиновьева для характеристики истории России в конце XX в. как «гибели» достижений революции и наказания за неё русского народа со стороны мирового «сверхобщества». Точка зрения, как видим,

диаметрально противоположная религиозной философии, в которой причина трагедии России связывалась с отказом от её религиозного призвания.

Русские философы решают сложнейшую задачу осмысления русской истории под углом Октябрьской революции как переломного события, в соотнесении с которым и последующими десятилетиями построения социализма в СССР этот **смысл раскрывался как мученичество за христианскую истину в противостоянии антихристианской коммунистической утопии**. Все русские люди прошли через горнило революционных испытаний, появились тысячи новомучеников, сохранивших верность отеческой вере. «Россия поднята на коммунистическую дыбу», – нашёл смысловой образ Г. Федотов [17] (созвучный с пушкинскими строками о Петре I, который «уздой железной Россию поднял на дыбы»). Спасшиеся от террора в эмиграции философы (Н. Бердяев, С. Франк, Г. Федотов, И. Ильин, Ф. Степун, Б. Вышеславцев, П. Струве) всю оставшуюся жизнь осмысливали это историческое событие, проследив превращение утопической теории социализма (квалифицированной ими как новой интеллигентской мировой религии антихристианского толка) в советскую тоталитарную антиутопию.

Оценивая значение революции и опыт строительства социализма, они пришли к радикальному выводу, что социализм есть нарушение законов успешного развития как экономики, так и культуры, что приводит к их упадку, к взаимному истреблению людей, общей деградации личности. Ф. Степун подчёркивает, как ему представляется, главное: нормальное эво-

люционное развитие общества основано на традиции, обеспечивающей сохранение единства национальной культуры, смысла жизни народа; разрыв этого единства сначала в сознании революционной интеллигенции, а затем в бытии народа привёл к катастрофическим последствиям. Революция, таким образом, определяется в терминах гражданской войны, вытекающей из духовного раскола, в котором противостоят друг другу не столько «антагонистические классы», сколько противоположное понимание смысла жизни человека – христианское и антихристианское. Обозревая европейскую историю, Ф. Степун приходит к выводу, что все революции были формой борьбы с христианским мирозерцанием, образом и укладом жизни: «Корни всех прометеевских “утопий” уходят в факт распада средневековой религиозной “топики” [15, с. 105].

Относительно духовных причин революции, коренящихся в мировоззрении революционно-атеистической интеллигенции, не малую ответственность он возлагает и на политическую элиту царской России, которая превратила «религиозно-национальную истину в идеологический заслон против народных требований, т. е. обездушили её» [15, с. 6]. Обращая внимание на эту сторону причины революции, обозначим начало распада единого национального мирозерцания как *фарисейство* – обесценивание христианских ценностей и святых в потребительском отношении к вере и церкви.

Отказываясь от попытки чисто рационально раскрыть смысл революции, Ф. Степун подходит к ней со стороны высшего смысла «взрыва всех смыслов», бессмысленного хаоса, в ко-

тором начало новой жизни становится «страшным судом». Субъект революции – это демонический «дух нетерпения, отчаяния, преступления, утопизма и фантастики». Социальная база для «духов революции» обретается прежде всего в лице революционной толпы, состоящей из криминализованной и атеизированной молодёжи, разорвавшей с традиционно христианским пониманием смысла как личной, так и национальной жизни. Действительно, народ, утративший веру, которой жили и побеждали предшествующие поколения, превращается в толпу, легко внушаемую и поддающуюся «звериным» инстинктам. В таком состоянии происходит утрата осмысленности действий, самоконтроля, трезвости, свободы личности.

Революция есть зло. Ф. Степун использует образ «общей братской могилы», которая хоронит как носителей ложных идеологий, так и их жертв. Разрушительный характер революции объясняется наличием в ней ложной, утопической мечты как некой «демонической игры» с её фантастичностью, «оборотничеством», химеричностью. В них отражается пустота революционного бессмыслия, растрачиваются впустую творческие силы людей, направленные не на деловое, положительное творчество, а на разрушение всех устоявшихся реальных форм жизни. Словом, проблемы создаются с тем, чтобы их героически решать. По «роковой» диалектике революции разрушаются именно те принципы, во имя которых она и начиналась, возникает ситуация бессмысленности и абсурда. И это закономерно, ибо намеченные благие цели общества всеобщего благоденствия

не достигаются разрушением реально созданного.

Анализируя причины революции, И.А. Ильин считает необходимым отказать от «дилетантского» метода: всё сводить к единичным поступкам конкретных людей или рассматривать революцию в России как результат заговора. По его оценке, это движение по пути наименьшего сопротивления, «мнимое объяснение» [7, с. 179]. Не потому, что он не видел этих влияний, но потому, что главной причиной считал болезнь целостного общественного организма. Исследование духовно-нравственных и политических причин революции И.А. Ильин основывает на сочетании трёх факторов: движущая сила – «большевизм масс» в значении криминализации, разложения правосознания с характерным максимумом притязаний и «беспеределом» в выборе средств; интеллигентская утопическая идеология и теория коммунизма; «разветвлённая и сплочённая организация интернациональных бандитов», пробирающихся во власть [7, с. 208]. Дореволюционная Россия, таким образом, представлялась ему «рыхлым» социальным организмом, который составляла масса людей в основном даровитых и добродушных, но религиозно не цельных, не централизованных осознанно на главном, в общем, не созревших как личности.

Не менее последовательно в своих работах И.А. Ильин обосновывал **«удерживающую» роль самодержавной царской власти как формы национальной государственности в организованном противостоянии стихии зла, криминализации масс.** Закономерно поэтому, что все *смуты* в русской истории сопровождали пре-

кращение механизма действия высшей власти, и крушение монархии становилось равнозначным крушению самой России. Пытаясь разобраться в причинах низвержения национально-государственной формы жизни – самодержавной власти, выражающий её смысл, И.А. Ильин отмечает в простонародье склонность к беззаконию, анархии и бунту, мечту о вольной и разгульной жизни вне государственных обязанностей и царя, без дисциплины и порядка [9, с. 33]. В русской истории, пишет он, случались «Смута, Разиновщина, Пугачёвщина, Ленинщина», когда антивласть, «лже-царь» узаконивали анархию и воровство. Эти анархо-криминальные и антимонархические настроения народа он рассматривает как базу (вернее, «дно») революционно-республиканских устремлений интеллигенции, лишённой исторической памяти, мечтавшей строить Россию без царя во главе.

Очевидно, и в наше время соблазн анархизма ещё не изжит, поскольку в учебниках по истории разрушители государства (по существу, террористы) представлены как борцы за народное счастье, в их честь называются улицы, города. Это значит, что в народной душе сохраняются «право на бесчестье» (Ф.М. Достоевский), мечта о мнимых правах на беспорядок, захват имущества, дезертирство.

Анализируя опыт социалистического проекта в СССР, И.А. Ильин полагал, что в отсутствии законной верховной власти монархию сменила не республика, но антигосударство, тоталитарный режим: «В 1917 г. русский народ впал в состояние черни; а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами

и тиранами» [10, с. 92]. Под «чернью» он имеет в виду духовно-нравственную низость, которую можно найти во всех социальных слоях.

Революция в России, положившая начало революционной эпохе, рассматривалась русскими религиозными философами как наиболее яркое проявление *религиозного кризиса* европейской цивилизации. Оглядываясь на XX в., Ф.А. Степун содержанием его считал величайшую идейную войну в мировой истории, которая напоминает ему начало новой эры, когда христианство переживало гонения со стороны языческого мира. О крушении всех привычных форм жизни и обострении религиозных исканий писали также С.Л. Франк («Крушение кумиров»), Н.А. Бердяев («Новое средневековье»), Д.С. Мережковский («Грядущий хам»), Г.П. Федотов («Трагедия интеллигенции»). И.А. Ильин суть духовного кризиса понимал как утрату «духовной очевидности» («Путь к очевидности»), пошлость целей и вседозволенность средств, отказ или подмена истинного смысла жизни человека, в конечном счёте высших ценностей – любви к Богу и к исторической России.

Наиболее наглядно духовный кризис прослежен И.А. Ильиным в фактах искажения правосознания: «государственный строй насыщается духом гражданской войны, политика становится синонимом подкупа и разврата, патриотизму противопоставляется – как высшее – классовый и личный интерес» [8, с. 160]. Если христианство даёт «аксиомы» здорового правосознания, то революция есть «экссесс больного правосознания», разрушительно действующий на саму суть права, способность его «обновляться и совер-

шенствоваться собственными, заранее сложившимися правовыми путями» [8, с. 21]. Главная опасность в том, что люди начинают воспринимать революцию как нормальный способ решения общественных проблем (в наше время отрабатывается механизм «бархатных» и «цветных» революций»). *Большевизм* в значении политического радикализма и криминального правосознания многолик, но в любом случае он коренится в кризисе христианской веры, патриотизма и правосознания. Итогом революционных экспериментов становятся криминализация масс в атмосфере вседозволенности, ослабление патриотического единства и как итог – распад государства и самоуничтожение народа.

Таким образом, отступив от христианской истины, многие люди перестали чётко различать добро и зло, утратили саму возможность нравственного исправления. Но в то же время именно русские получили уникальную возможность опытного обнаружения сатанинской силы зла. Поэтому революция в оценке И.А. Ильина есть не только попущение – наказание, но и «Божие посещение», особая милость, благодаря которой Россия избрана для просвещения и исцеления ослепшего человечества [8, с. 175]. В связи с последним утверждением следует вывод о двойственном смысле русской революции [6, с. 45].

Поскольку социальным явлениям отечественные философы стремились давать прежде всего духовную оценку, то и смысл революционных событий связывали в конечном счёте с судьбой церкви как союза верующих. Исходя из этих посылок, революционная катастрофа рассматривается как практи-

ческая проверка веры на подлинность. Советская эпоха, полагает И.А. Ильин, кладёт конец господству лжи в виде формальной принадлежности к православной церкви неверующих христиан. В живом опыте противостояния злу люди вынуждены самоопределяться, восстанавливается христианский смысл жизни – смерть ради бессмертия. Русский народ, рассуждает он, напомнил разучившемуся верить цивилизованно деградирующему человечеству, что «вера – главное в жизни, что вера – вся жизнь и сама жизнь, что она даже до смерти» [6, с. 46].

В согласии с этими взглядами Н.А. Бердяев оценивает жизнь христиан после революции как «крестоношение», очищающее церковь от корыстно-утилитарного отношения к истине [1, с. 283]. С.Н. Булгаков осмысливает революцию как разрыв с «Сергиевской эпохой» и своим историческим призванием. Россия, пишет он, «пала, и падение её было велико, как велико было и призвание. Происходящее ныне есть как бы негатив русского позитива» [4, с. 304].

Итак, критически оценивая смысл революции и строительства социализма в СССР, религиозные философы показали, что он определялся **анти-**

христианским типом советской цивилизации как совершенно особой духовно-религиозной эпохи русской истории, причудливо сочетавшей в себе рудиментарно-религиозный утопизм с партийным утилитаризмом. Процесс секуляризации, религиозная беспочвенность привели народ в гибельное состояние. Христианство должно рассматриваться не как средство решения социально-политических, экономических и иных задач, но как «самоценная цель», а всё остальное – как средство.

Разрушение советской цивилизации было крахом коммунистического плана и одновременно ознаменовало победу неолиберального проекта глобальной цивилизации, отбросившую Россию на периферийную зону капитализма и катастрофически увеличившую степень социального расслоения (если до революции оно измерялось пропорцией 1/7, то сейчас 1/27). Мы вглядываемся в наше историческое прошлое потому, что не знаем, какое государство мы строим, куда идём. Распознать смысл этих исторических эпох и избежать повторения трагедии революции помогают по-прежнему актуальные труды русских философов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
3. Булгаков С.Н. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: <http://www.odinblago.ru/pravoslavie/bulgakov> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Булгаков С.Н. На пиру богов // Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия. М.: Издательство Олега Абышко; Сатисъ, 2010. С. 227–297.
5. Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма // Вышеславцев Б.П. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 18–171.
6. Ильин И.А. Изживание социализма // Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 58–60.

7. Ильин И.А. Мировые причины русской революции // Ильин И.А. Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2001.
8. Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней // Русское возрождение. 1984. № 27 / 28. Париж. С. 15–50.
9. Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? [Электронный ресурс] // Русская идея. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/review/1952.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
10. Ильин И.А. Что есть право голоса? // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/139 (дата обращения: 15.11.2017).
11. Ильин И.А. Что нам делать? // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/301 (дата обращения: 15.11.2017).
12. Мультатули П.В. Царская Гефсимания. Свержение самодержавного строя в России. Отречение Государя Императора Николая II от престола с целью передачи его брату Михаилу (Гл. 7) [Электронный ресурс] // Московские ведомости. URL: <http://mosvedi.ru/article/20441.html> (дата обращения: 15.11.2017).
13. Пасичник Н. Залог величия России: беседа с князем Александром Александровичем Трубецким // Сегодня.ру. URL: <http://pda.segodaya.ru/print/172594> (дата обращения: 15.11.2017).
14. Решетников Л.П. Слом русского национального кода в 1917 году [Электронный ресурс] // Читальный зал: [сайт]. URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=18142> (дата обращения: 15.11.2017).
15. Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. 480 с.
16. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. 202 с.
17. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы [Электронный ресурс] // Азбука веры: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/17 (дата обращения: 15.11.2017).
18. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/tragedia_intelligencii (дата обращения: 15.11.2017).
19. Флоровский Г., прот. Метафизические предпосылки утопизма // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: <http://www.odinblago.ru/path/4/2> (дата обращения: 15.11.2017).
20. Франк С.Л. Этика нигилизма [Электронный ресурс] // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html> (дата обращения: 15.11.2017).

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History. The New Middle Ages]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002. 448 p.
2. Berdyaev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [Spirit and Reality]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 383 p.
3. Bulgakov S.N. [Apocalyptica, Sociology, Philosophy of History, Socialism]. In: *Elektronnaya biblioteka Odintsovskogo blagochiniya* [Electronic Library of the Odintsovo Deanery]. Available at: <http://www.odinblago.ru/pravoslavie/bulgakov> (accessed: 15.11.2017).
4. Bulgakov S.N. [At the Feast of the Gods]. In: Bulgakov S.N. *Intelligentsiya i religiya* [Intelligentsia and Religion]. Moscow, Publishing House of Oleg Abyshko Publ., Satis Publ., 2010, pp. 227–297.

5. Vysheslavtsev B.P. [Philosophical Poverty of Marxism]. In: Vysheslavtsev B.P. *Sochineniya* [Works]. Moscow, *Raritet* Publ., 1995, pp. 18–171.
6. Ilyin I.A. [The Eradication of Socialism]. In: Il'in I.A. *O gryadushchei Rossii. Izbrannye stat'i* [Ilyin I.A. On the Future Russia. Selected Papers]. Moscow, *Voenizdat* Publ., 1993, pp. 58–60.
7. Ilyin I.A. [The global causes of the Russian revolution]. In: *Il'in I.A. Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, *Russkaya kniga* Publ., 2001.
8. Ilyin I.A. [On the Religious Crisis of our Days]. In: *Russkoe vozrozhdenie*, 1984, no. 27 / 28, pp. 15–50.
9. Ilyin I.A. [Why Was the Russian Monarchy Broken?]. In: *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Available at: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/review/1952.htm> (accessed: 15.11.2017).
10. Ilyin I.A. [What is the right to vote?]. In: *Elektronnaya biblioteka Odintsovskogo blagochiniya* [Electronic library of the Odintsovo deanery]. Available at: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/139 (accessed: 15.11.2017).
11. Ilyin I.A. [What Do We Do?]. In: *Elektronnaya biblioteka Odintsovskogo blagochiniya* [Electronic Library of the Odintsovo Deanery]. Available at: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/301 (accessed: 15.11.2017).
12. Mul'tatuli P.V. [The Royal Garden of Gethsemane. The Overthrow of the Autocratic System in Russia. The Abdication of Emperor Nicholas II in Order to Transfer the Powers to His Brother Michael (Ch. 7)]. In: *Moskovskie vedomosti*. Available at: <http://mosvedi.ru/article/20441.html> (accessed: 15.11.2017).
13. Pasichnik N. [The Key to the Russian Greatness: An Interview with Prince Alexander Trubetskoi]. In: *Segodnya.ru* [Today.ru]. Available at: <http://pda.segodnia.ru/print/172594> (accessed: 15.11.2017).
14. Reshetnikov L.P. [The Breakage of the Russian National Code in 1917]. In: *Chital'nyi zal* [Reading Room] Available at: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=18142> (accessed: 15.11.2017).
15. Stepun F.A. *Chayemaya Rossiya* [The Expected Russia]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Academy Publ., 1999. 480 p.
16. Tyutchev F.I. *Rossiya i Zapad: kniga prorochestv* [Russia and the West: a Book of Prophecy]. Moscow, Orthodox St. Tikhon Theological Institute, 1999. 202 p.
17. Fedotov G.P. [Russia, Europe and We]. In: *Azbuka very* [The ABCs of Faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/17 (accessed: 15.11.2017).
18. Fedotov G.P. [The Tragedy of Intelligentsia]. In: *Elektronnaya biblioteka Odintsovskogo blagochiniya* [Electronic Library of the Odintsovo Deanery]. Available at: http://www.odinblago.ru/tragedia_intelligencii (accessed: 15.11.2017).
19. Florovskii G., prot. [The Metaphysical Presuppositions of Utopianism]. In: *Elektronnaya biblioteka Odintsovskogo blagochiniya* [Electronic Library of the Odintsovo Deanery]. Available at: <http://www.odinblago.ru/path/4/2> (accessed: 15.11.2017).
20. Frank S.L. [The Ethics of Nihilism]. In: *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Milestones: Collection of Articles about the Russian Intelligentsia]. Available at: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html> (accessed: 15.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алехина Евгения Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya V. Alekhina – Doctor of Philosophy, associate professor, professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алёхина Е.В. К юбилею революции 1917 г.: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 31-43

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-31-43

FOR CITATION

Alekhina E.V. To the Anniversary of the Russian Revolution 1917: History and Modern Times. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 31-43

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-31-43

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-44-51

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Володина О.В.*Петрозаводский государственный университет**185035, Республика Карелия, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается процесс гуманизации современного образования, обусловленный спросом на интеллект в XXI в., анализируются различные концепции интеллекта в истории философской мысли, а также возникновение и развитие современного представления об интеллекте, указываются актуальность и текущий запрос на интеллект в сфере образования. В работе подчёркивается императив интеллектуализации образования, нацеленной на формирование интеллектуальной культуры человека в процессе осознанного, рефлекслируемого обучения. Автор приходит к выводу, что в настоящее время спрос на интеллект связан с глобальными научно-технологическими преобразованиями и информатизацией общества. Интеллект выдвигается в качестве смыслообразующего центра цивилизационного прогресса, выполняет эволюционную функцию управления будущим.

Ключевые слова: интеллектуализация образования, интеллектуальная культура, разум, нравственность, история философии.

IDEOLOGICAL PRINCIPLES OF INTELLECTUALIZATION OF EDUCATION

O. Volodina*Petrozavodsk State University**33, Lenin ave., Petrozavodsk, the Republic of Karelia, 185035, Russian Federation*

Abstract. The article considers the process of humanization of modern education initiated by the demand for intellect in the 21st century; various concepts of intellect in the history of philosophical thought as well as the emergence and development of the modern concept of intellect are analyzed; the relevance and the current request for intellect in the sphere of education are indicated. The paper emphasizes the imperative of the intellectualization of education aimed at the formation of intellectual culture of a person in the process of conscious and reflexive learning. The author comes to the conclusion that the demand for intelligence is currently associated with the global scientific and technological changes and informatization of the society. Intelligence is promoted as the semantic center of civilizational progress and it fulfills the evolutionary function of future management.

Key words: intellectualization of education, intellectual culture, intellect, ethic, history of philosophy.

Тема *разума и антиразума* является центральной в рефлексии глобального кризиса человечества и ноосферного преобразования. Разуму приписывается эволюционное, космопланетарное предназначение в связи с необходимостью осознания, глубокого понимания ноосферно-нравственной миссии человека и образования, самопознания ради самосохранения (А.И. Субетто) [16]. Разум отождествляется с миром, а мир воплощает разум, это реальность в ранге истины, «разум есть дух» (Гегель) [3]. Разум определяет смысл жизни человека – цель существования, предназначение, содержание и значение бытия; благодаря разуму каждый атом обретает вечное благосостояние (К.Э. Циолковский) [19].

Проблема *разума, интеллекта, творчества*, волнующая мыслителей на протяжении тысячелетней истории человеческой рефлексии, актуализирована в современный период развития человеческой цивилизации в связи с научно-технической революцией и информатизацией общества, усиливающих энергетические и информационные возможности человека, выдвигает в качестве смыслообразующего центра прогресса развитие способностей, ума, энциклопедизма, интеллекта, творчества, универсальности человека, для динамики цивилизационного прогресса через восхождение интеллекта человеческого индивидуума и интеллекта общества в целом на качественно новую ступень [17].

Интеллектуализация образования в начале XXI в. как долгосрочная перспектива является компонентом смены цивилизационных парадигм и образовательно-педагогических парадигм; данный принцип образователь-

ной системы предполагает переход от формирования «частичного человека», получающего образовательные услуги, к развитию творческой, всесторонне-гармонично-универсальной личности, становлению «целостного человека». Интеллектуализация образования связана не столько с внешним воздействием – передачей информации и обеспечением учебного процесса компьютерно-техническими средствами, сколько с качественной реорганизацией образовательной деятельности с целью раскрытия интеллектуальных способностей учащихся в процессе обучения. Образовательный процесс опирается на заложенную в человеке естественную природную сущность интеллекта и организуется как рефлексированное, сознательное и осознанное обучение. Ключевыми признаками интеллектуализации образования выдвинуты: а) *фундаментализация и универсализация образования*, охватывающая систему непрерывного образования, которая направлена на космоизацию знаний, формирование единой научной картины мира, глубокое освоение естествознания и математики, проблемную организацию знаний, освоение новых парадигм организаций знаний; б) *ноосферизация образования* (на основе учения о ноосфере В.И. Вернадского), которая предполагает переход человека из состояния «разума – для – себя» в состояние «разума – для – Биосферы, Земли, Космоса»; в) *гуманизация образования*, которая нацелена на становление духовно-нравственного человека, стоящего на этических позициях Истины, Добра и Красоты; г) *креатизация образования*, которая включает использование игровых технологий, создание креативной среды;

д) *интеллектуализация образования через культуру*, что способствует становлению синтетичного и психически устойчивого интеллекта, укорененного в пространстве культуры, охватывающего язык, национально-этнические корни, национальную историю; е) *информатизация интеллектуализации образования*, что предполагает компьютеризацию и развитие программирования, но не исключительно только на потребительском уровне, провоцирующем деинтеллектуализацию интеллекта; ж) *соединение образовательного и исследовательского процессов*, предполагающее погружение учащихся в научно-исследовательский процесс познания мира, создание исследовательских университетов с целью институционализации научных исследований [16].

Две полярные максимы – «*безинтеллектуальная нравственность безнравственна*» и «*безнравственный интеллект безинтеллектуален*» [18] – предписывают интеллекту ключевую роль в системе нравственных регуляторов. Необразованность, дилетантство, невежество, погрешности и неудачи из-за непрофессионализма и некомпетентности выступают первичными категориями нравственного порицания, так же как и интеллект, не соотносящийся с этическими категориями – без добра как основополагающей ценности в глубоком и широкомасштабном понимании, без ориентации на социальную справедливость, без гуманизма, стремления раскрыть человеческое в человеке, устремленности к социоприродной гармонии с целью сохранения и дальнейшего развития цивилизации. Безнравственный интеллект, неопираю-

щийся на внутренние начала добра, не способен обеспечить адаптацию человека в изменяющихся условиях, не выполняет предписанную ему родовую функцию регулирования и управления будущим [15, с. 46].

Категория *интеллекта* связана с законом *интеллектуализации*, или «*оразумления*» *космоса*, сопровождающим в универсуме прогрессивную космическую эволюцию и обусловившим появление сначала жизни, а затем человеческого разума на Земле [16]. Эволюционное понятие интеллекта определяется как *управление будущим* при выполнении функций прогноза, планирования, проектирования, творчества, т. е. степень способности управлять будущим соответствует уровню интеллекта, а усложнение прогрессивной эволюции обуславливает рост качества и усложнение интеллектуальной системы как качества будущего творения, адаптации и управления будущим. Закон интеллектуализации сопровождает социальное развитие цивилизации и обуславливает *закон роста идеальной детерминации через общественный интеллект* как совокупный интеллект общества – уровень управления будущим обществом, реализовывающим функции нормотворчества, законотворчества, формирования общественно-необходимых (для выживания) ценностей и идеалов социума. Общественный интеллект функционирует как «*кругооборот интеллекта и знания*», где знания выступают субстанцией общественного интеллекта и индивидуального интеллекта человека, а образование – главный механизм восходящего воспроизводства общественного интеллекта и интеллекта каждого человека [16; 17].

Благодаря *разуму*, охватывающему все значимое и ценное из содержания здравого смысла, рассудка и интуиции, раскрываются и реализуются творческие способности человека на наивысшем уровне, что ведёт к зарождению особых качеств личности, инициирующих новые проявления духовной и практической деятельности. Согласно Платону, интеллектуальная деятельность на основе разума как высшего проявления мышления приближает человека к *божественному миру идей* [14].

С точки зрения Аристотеля, благодаря разуму сущность вещей в их подлинной форме становится очевидной, разум даёт адекватное видение предмета, присутствует в том, что осмысливается и отождествляется с ним. *Ум вечный* деятелен, а *ум преходящий*, присущий индивидуальной душе, пассивен, при этом единый «*чистый интеллект*» обладает вечной трансцендентальной сущностью. Только владеющий познанием, знанием в общей форме, является умным человеком; действие не выступает показателем ума. *Сознание* охватывает хранимое в памяти конкретное содержание в виде воспоминаний, идей и образов, а также свод общих правил и категорий, составляющих собственно *интеллект* [1].

Стоики в своих положениях о мировом разуме относили человеческий разум к части космического разума. Разум у *неоплатонистов* в теории о сверхразумном Едином определялся как первичный этап эманации. Разум как «*естественный свет*» постижения сущности вещей, данный человеку от рождения (философия *Нового времени*), судит о человеческих действиях чувственного и рассудочного характера (Джордано Бруно) [2]. Разум – это

уподобляющая человека Богу наивысшая духовная сила, способная к предвидению будущего (Т. Гоббс) [4], «непостижимому постижению», решению вопросов, скрытых от непосредственного понимания, проникающая в сверхчувственные глубины истины (Николай Кузанский) [11]. *Разум* характеризует осознание важности общественных связей, организованность общественных существ, понимание в результате полученного опыта того, что во благо, а что во вред интересам человека. Разум сопоставляется с предусмотрительностью, пониманием истины на основе опыта, здравомыслием и благоразумием, выдержанным темпераментом, упорядоченным контролируемым воображением (Гольбах) [5].

Проводя аналогию между Божественной Троицей и интеллектом, памятью и волей, *схоласты* (Ансельм Кентерберийский, Блаженный Августин, Иоанн Скот Эриугена) определяли Бога как *всеобщий деятельный разум*, а интеллект как разум ограниченный – это *средство познания Бога*, образ Бога в душе, не противоречащий вере (Альберт Великий и Фома Аквинский). Познание Бога происходит не только благодаря разуму, но и *откровению* (Дунс Скотт). Гносеологическое толкование интеллекта связано с постижением вечных непреходящих истин (Лейбниц), особенностью личности к определению правил метода (Декарт) [6], стремлением выявить опосредствующие идеи и вывести соответствующие выводы (Локк) и т. п.

Разум связан с сопоставлением и выявлением связи между идеями с целью определения их соответствия или несоответствия истине. Это происходит в процессе критических суждений,

постоянных сомнений рассудка, а также критической оценки плодов познания; в таком случае разум рассматривается как причина, по которой истина выдвигается естественным действием (Д. Юм) [20]. По мнению И. Канта, интеллект выполняет направляющую и контролирующую функции, систематизирует и очищает знание, выдвигается высшей познавательной способностью. Реальное применение разума связано не с заимствованием, а с порождением идей и принципов; разум может использоваться формально и логически. Разум нацелен на осуществление систематического познания; это система исследования, связывающая знания на основе единого восходящего принципа [9].

Для развития методологии и создания инновационных образовательных технологий интеллектуализации образования следует обратиться к интерпретации сведений о *познании как биологическом феномене*, возникшем в процессе эволюции в виде адаптивной деятельности организма, об *устройстве мозговых структур*, о *природе мышления*, накопленных в естественных науках, начиная с 1970–1980 гг. прошлого века (работы У. Матураны, Р. Сперри, Т. Лири, Р. Бендлера, Д. Гриндера и др.), к знаниям о функциональной специализации полушарий головного мозга, сенсорных модальностях, особенностях учения обучающихся разных полов (Т.П. Хризман, В.Д. Еремеева) [10], к результатам когнитивных исследований интеллекта животных в *зоопсихологии*, в частности к изучению способности искать и принимать решения, переносить найденные решения в иных ситуациях, умения выполнять «двухфазные зада-

чи» и т. п.; к изучению в *когнитивной психологии* физиологических коррелятов психических процессов обработки сигналов, лежащих в основе процесса мышления, способов и форм, с помощью которых сознание человека организует имеющийся опыт [10], к объяснению интеллекта в положениях *психологической концепции интеллекта Ж. Пиаже* как высшей формы адаптации и духовной сопричастности к окружающей среде, благодаря выстраиванию в короткий срок устойчивых логически обоснованных систем пространственно-временных моделей, к использованию количественных диагностических методик для изучения и определения уровня интеллекта, в частности тестов IQ (Intelligence Quotient), к работам в рамках исследовательских программ *«искусственного интеллекта»* по: а) созданию компьютеров, способных выполнять функции, традиционно относящиеся к интеллектуальным возможностям человека; б) нейрокомпьютерному моделированию мозгового субстрата интеллекта человека; в) разработке самообучающихся и эволюционирующих искусственных устройств, а также к достижениям в области лингвистики, антропологии и ряда наук о закономерностях нервной деятельности.

Одним из результатов процесса интеллектуализации образования является высокий уровень сформированности *интеллектуальной культуры* как особой категории универсальности, с которой человек воздействует на окружающий мир (И.С. Ладенко) [12; 13]. Интеллектуальная культура представлена в таких категориях, как свобода творческой мысли, процесс движения мысли, получение нового

знания, культура мышления. Интеллектуальная культура как основа общей культуры личности включает в себя требование образованности, духовного богатства, самостоятельности диалектического мышления, понимания приоритета общечеловеческих ценностей, видения явлений в противоречиях и умения оценивать их, активного стремления и умения пополнять знания, учиться учению и труду, творческому подходу к любому делу. Как сложное интегральное понятие интеллектуальная культура включает следующие составные части: культуру умственного труда, культуру рефлексивного мышления, методологическую культуру, технологическую культуру, когнитивную культуру, коммуникативную культуру, культуру творчества (Г.И. Егорова) [7]. Содержательная, целевая, процессуальная подсистемы интеллектуализации обучения строятся на компонентах: а) *вертикальной интеллектуализации* – нахождения оптимального сочетания педагогических подходов на каждом возрастном этапе обучения; б) *горизонтальной интеллектуализации* – построения всего учебного процесса с максимальным учётом интеллектуальных особенностей, способностей, склонностей обучающихся, включения в содержание обучения методологического, философского, историко-научного аспектов, направленных на формирование интеллектуальной культуры в каждой дисциплине, учебном плане; в) *концентрической интеллектуализации*,

т.е. концентричности мыслительных операций в виде целеобразования, планирования, прогнозирования, проектирования, принятия решений, обобщения и систематизации полученных результатов, обеспечивающих выработку интеллектуального стиля – особого способа постановки и решения задач [7; 8].

Таким образом, спрос на интеллект в настоящее время, связанный с глобальными научно-технологическими преобразованиями, спровоцировавшими в том числе глобальные кризисные явления, обусловил интеллектуализацию образования, предполагающую не столько внесение интеллекта извне в обучающую интеллектуальную структуру, сколько целенаправленную, систематическую установку образовательного процесса на раскрытие интеллектуальных способностей учащихся и формирование интеллектуальной культуры как способа интеллектуального взаимодействия в социокультурном пространстве, выступающем необходимым условием выживания человечества в современной ситуации. «Интеллект как управление будущим» опирается на этический принцип единства Истины, Добра и Красоты ноосферной парадигмы духовности и выполняет ключевую роль в реализации метазакона «оразумления», или интеллектуализации как механизма прогрессивно-развивающейся космологической эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Бруно Дон. Диалоги. М.: Госполитиздат, 1949. 552 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.

4. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 748 с.
5. Гольбах П. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1963. 715 с.
6. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Мысль, 1950. 712 с.
7. Егорова Г.И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза: автореф. дис. ... док. пед. наук. СПб., 2005. 50 с.
8. Егорова Г.И. Технология развития интеллектуальной культуры будущего специалиста. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 170 с.
9. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
10. Колесникова И.А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракурсы исследования // Непрерывное образование: XXI век: электронный журнал. 2013. №1. URL: <http://lll21.petsu.ru/journal/article.php?id=1941> (дата обращения: 25.11.2017).
11. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с.
12. Ладенко И.С. Интеллект и логика. Красноярск: Издательство Красноярского университета. 1985. 144 с.
13. Ладенко И.С. Развитие интеллектуальных инноваций в современном обществе. Комплексная программа исследований. Новосибирск: Наука, 1990. 61 с.
14. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 608 с.
15. Субетто А.И. Доктрина духовно-нравственной системы ноосферного человека и образования. СПб.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 100 с.
16. Субетто А.И. Интеллектуализация образования как проблема XXI века [Электронный ресурс] // Академия тринитаризма: [сайт]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120061.htm> (дата обращения: 15.05.2017).
17. Субетто А.И. Мыслители человечества об уме, интеллекте и творчестве [Электронный ресурс] // Академия тринитаризма: [сайт]. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001d/00162362.htm> (дата обращения: 15.05.2017).
18. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке: монография / под науч. ред. В.Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2010. 544 с.
19. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной // Грёзы о земле и небе. Научно-фантастические произведения. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. С. 276–279.
20. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965. 847 с.

REFERENCES

1. Aristotle. *Sochineniya* [Works. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1975. 550 p.
2. Bruno I. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, *Gospolitizdat* Publ., 1949. 552 p.
3. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 444 p.
4. Hobbes T. *Izbrannyye proizvedeniya. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1965. 748 p.
5. Holbakh P. *Izbrannyye proizvedeniya T. 2* [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, *Sotsekgiz* Publ., 1963. 715 p.
6. Decartes R. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1950. 712 p.
7. Yegorova G.I. *Intellektualizatsiya professional'noy podgotovki spetsialista tekhnicheskogo vuza: avtoref. dis. ... dok. ped. nauk* [Intellectualization of Professional Training of Technical University: Abstract of D. Thesis in Pedagogical Sciences]. St. Petersburg, 2005. 50 p.
8. Yegorova G.I. *Tekhnologiya razvitiya intellektual'noy kul'tury budushchego spetsialista* [Technology of the Development of Intellectual Culture of the Future Expert]. Tyumen, Tyumen Industrial University Publ., 2010. 170 p.
9. Kant I. *Sochineniya. T. 3* [Works. Vol. 3]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1964. 799 p.

10. Kolesnikova I.A. [Lifelong Education as a Phenomenon of the 21st Century: New Research Perspectives]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: elektronnyi zhurnal* [Lifelong Education: the 21st Century: Electronic Journal], 2013, no. 1. Available at: <http://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=1941> (accessed: 25.11.2017).
11. Cusanus N. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 488 p.
12. Ladenko I.S. *Intellekt i logika* [Intellect and Logic]. Krasnoyarsk, Publishing House of Krasnoyarsk University Publ., 1985. 144 p.
13. Ladenko I.S. *Razvitiye intellektual'nykh innovatsiy v sovremennom obshchestve. Kompleksnaya programma issledovaniy* [The Development of Intellectual Innovation in Modern Society. A Comprehensive Research Program]. Novosibirsk, Nauka Publ, 1990. 61 p.
14. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 608 p.
15. Subetto A.I. *Doktrina dukhovno-nravstvennoy sistemy noosferного человека i obrazovaniya* [Doctrine of Spiritual and Moral System of Man and Noosphere Education]. St. Petersburg, Kostroma, KSU of N.A. Nekrasov Publ., 2008. 100 p.
16. Subetto A.I. [Intellectualization of Education as a Problem of the 21st Century]. In: *Akademiya trinitarizma* [Academy of Trinitarism]. Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120061.htm> (accessed: 15.05.2017).
17. Subetto A.I. [Thinkers of Mankind about the Mind, Intelligence and Creativity]. In: *Akademiya trinitarizma* [Academy of Trinitarism]. Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001d/00162362.htm> (accessed: 15.05.2017).
18. Subetto A.I. *Noosferный прорыв России в будущее в XXI веке* [Noospheric Breakthrough of Russia into the Future in the 21st Century]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010. 544 p.
19. Tsiolkovskii K.E. [The Monism of the Universe]. In: *Gryozy o zemle i nebe. Nauchno-fantasticheskiye proizvedeniya* [Dreams of Earth and Sky. Sci-Fi Works]. Tula, Priokskoe Publishing House Publ., 1986, pp. 27-279.
20. Hume D. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 847 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володина Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, Петрозаводского государственного университета;
e-mail: volodina@petrsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Volodina – PhD in Pedagogy, associate professor, Petrozavodsk State University;
e-mail: volodina@petrsu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володина О.В. Идеологические основы интеллектуализации образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 44-51
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-44-51

FOR CITATION

Volodina O.V. Ideological Principles of Intellectualization of Education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 44-51
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-44-51

УДК 316.65

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-52-61

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ

Ильченко Д.А., Майкова В.П.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Традиционное образование строится на передаче знаний линейно, от преподавателя к учащемуся, и результатом данного действия становится новое знание ученика. В статье рассматривается проблема трансформации образования в эпоху глобализации, связанная с динамичностью социокультурных изменений, требующих от школы новых предписаний, направленных на формирование творческого мышления, творческой личности. Проведён анализ актуальной проблемы развития всей личности в целом. Такому развитию способствует целостная парадигма образования, где осуществляется нелинейное взаимовлияние между преподавателем и учащимся – изменения, происходящие в одном из них, вызывают изменения в другом. В целом статья направлена на раскрытие современных тенденций образовательных процессов и основ творческого процесса. Автор приходит к выводу, что целостное образование развивает новый подход к воспитанию детей, имея целью их счастливое дальнейшее вступление и закрепление в новом, динамично меняющемся обществе.

Ключевые слова: общественное сознание, образование, мировоззренческое сознание, профессиональные навыки, образовательно-творческий процесс, целостное образование.

THE DYNAMICS OF EDUCATIONAL PARADIGMS IN CONTEMPORARY RUSSIA AND THEIR ROLE IN SHAPING SOCIAL CONSCIOUSNESS AS A WHOLE SYSTEM

D. Ilchenko, V. Maikova

Moscow Region State University

10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation

Abstract. Traditional education is based on the linear transfer of knowledge from teacher to student, which results in the student's new knowledge. This article examines the problem of transforming education in the era of globalization associated with the dynamics of socio-cultural changes, advancing new requirements for schools aimed at forming creative thinking, creative personality. The author analyses the topical problems of the development of the entire personality. It is argued that only a holistic paradigm of education with its nonlinear interaction between the teacher and the learner leading to changes in both contributes to the personal development.

The whole article is aimed at revealing the contemporary trends of educational processes and the fundamentals of the creative process. The author concludes that holistic education is developing a new approach to the education of children, with a view to their happy future entry and consolidation in the new, rapidly changing society.

Key words: social consciousness, education, ideological consciousness, professional skills, educational-creative process, holistic education.

В целостном образовании преподаватель имеет основное значение как в самом учебном процессе, так и в моделировании сознания учеников. Преподавателю необходимо по-настоящему быть в гармонии с нравственной стороной выдаваемой им информации посредством своего собственного поведения для обоснования своих сообщений. В этом случае активизируются абстрактно-логическая и эмоционально-образная стороны психики; об этом свидетельствуют сербская школьная практика, системы В.Ф. Шаталова и М.П. Щетинина, исследование, проводимое профессором музыковедения университета в г. Осло (Норвегия) Йон-Руаром Бьёркволдом.

По мнению К. Ясперса [11], высказанному ещё в середине XX в., школе необходима свобода обучения, образование должно быть направлено на познание истины независимо от предписаний, которые могут ограничивать его изнутри и снаружи. В такой школе ученики «обладают свободой учения», но это безоговорочное устремление к приобретению знаний возможно только вследствие инициативы самих учащихся. «Способности раскрываются, прежде всего, тогда, – отмечает В.Д. Шадриков, – когда есть свобода деятельности, свобода в выборе самой деятельности, свобода в формах её реализации, в возможности творчества» [10, с. 5]. Свобода познания в обучении, мыслительная свобода определе-

ны таким искусством, которое ориентирует на процесс получения знаний, а не на механическое транслирование его содержания. Б. Ридингс [8, с. 98] усматривает в этом ключевой педагогический момент, делающий процесс приобретения знания и мышление свободными автономными видами деятельности, частью субъекта. Как считает Ш.А. Амонашвили, «личность ребёнка стала понятием чуждым для “педагогической теории и практики”» [1, с. 164].

По мнению И.С. Кона [5], во всех странах социологи и экономисты констатируют недостаточную социальную эффективность и формальность технического обучения. Стефан Коллини [4] считает, что в 1970-е гг. в образовании началась колонизация официального дискурса «экономическим языком», который наполнен идиомами и аргументами языка менеджерских школ, бизнес-консультантов и финансовой журналистики. С 90-х гг. XX в. на Западе видение образования посредством «товарного» тезауруса широко обсуждается. Коммодификация образовательной деятельности, в результате которой знание превратилось в товар, в предмет для использования в коммерческой активности, изменила способ, посредством которого организуются (бюрократия) и осмысляются образовательные практики. Появились термины «экономический прагматизм» и «коммерческий миметизм»

[3]. Если сфера образования и науки объявляется экономическим сектором, в результате возникают опасности потери самоопределения и самоидентичности образования и науки. При таком результате – предсказывают специалисты [7] – большой трансформации подвергаются также основания всей культуры и конкретно экономики, «функционирующей» на знаниях. Мышление в таких «экономических» стенах становится всё менее нужным и более затруднительным, а фигура ученика как потребителя вычерчивается всё более реально [8].

В эпоху глобализации производятся попытки разработать концептуаль-

ную базу новой системы образования, которая бы соответствовала духу современности и которая выражала бы желание всего человечества формировать новое прогрессивное общественное сознание, где проявился бы синтез научно-философского и религиозно-мировоззренческого сознания.

В результате анализа ситуации, сложившейся в современном образовании в последние десятилетия, можно выделить множество разнообразных образовательных школ, выстроенных на многообразных парадигмах, направлениях, новейших аспектах педагогического дискурса (табл. 1).

Таблица 1

Основные парадигмы образования

Традиционалистско-консервативная парадигма имеет в основе три постулата. 1. Основа образования – базовые знания и соответствующие умения и способы обучения, навыки. 2. Содержание образования, базирующееся на действительно важных и необходимых знаниях, ориентация на академические науки. 3. Гуманизм, базирующийся на общечеловеческих ценностях.	Технократическая парадигма базируется на доказанных научно обоснованных знаниях, проверенных опытом. «Знание – сила» – девиз этой парадигмы. Критерий истинности знания – практика. Ориентация в процессе воспитания, образования на идеал, эталон, норматив.	Бихевиористская (рационалистическая, поведенческая) парадигма ориентируется на психологию. Направлена на внешние стимулы – умения, способы действия. Школа ориентируется на те знания, которые формируют поведение учащихся. Адаптация к среде, культуре – основная задача бихевиористской парадигмы.	Феноменологическая (гуманистическая) парадигма ориентирована на культуру. Само-реализация, саморазвитие, творчество – основные установки этой модели. В основе сотрудничество педагога и ученика.	Эзотерическая парадигма (тайный, скрытый) ориентирована на приобщение к истине как неизменной, вечной, не поддающейся познанию, возможной только в результате озарения. Задача педагога – развитие природных сил обучающихся для выхода в «сверхзнания».
--	---	---	---	--

Помимо парадигм, обозначенных в табл. 1, в современной социо-культурной среде выделяются следующие парадигмы образования: личностно ориентированная, субъект-субъектная,

субъектно-деятельностная (контекстная), компетентностная, духовная и духовно-ориентированная, свободная, активизационная, педагогическая, андрагогическая, научно-технократи-

ческая, инструментально-технологическая, гуманитарная, эзотерическая, авторитарная, манипулятивная, знаниецентрическая (унитарная, эпистемологическая), культуроведческая (культуротворческая), этноцентрическая, поддерживающая, традиционно-формирующая, традиционно-развивающая, рационалистическая, религиозная и светская, человекомерная, образованиеведческая, медиопедagogическая и медиальная, когнитивная, полифоническая, детствоцентрическая, инклюзивная, критически-креативная (трансформационная), постмодернистская (постнекласическая), непрерывно-дистанционная, инновационная, гармонизационная, ноосферно-экологическая, цивилизационно-антропологическая, проективно-эстетичная, рефлексивно-гуманистическая, диалогическая, импровизационная, жизнотворческая, синергетическая, акмеологическая и акме-синергетическая, антропософская, тоталлогическая, суггестопедическая, фундаментализационная и знаниеинтеграционная, коммуникативная, а также и другие педагогические модели [2].

Для современной ситуации, сложившейся в образовании, необходимо выработать интегральный подход в целях утверждения образовательных задач. Этому посвятили свои работы многие учёные. Как утверждает А.И. Субетто [9], образовательным учреждениям, выступающим в качестве социальных институтов, социальной среды и культуры, необходимо научиться обеспечивать решение определённых задач по адекватному раскрытию личностей, развитию способностей и талантов молодёжи, пла-

нированию социальных заказов по духовному уровню нации, по качеству молодого поколения в целом. К стратегическим задачам образовательных социальных институтов также можно отнести максимальное приближение к действительным историческим потребностям, которые обеспечивают стране не просто выживание, а опережающее устойчивое развитие.

У человека должна быть свобода выбора своего социального места и маршрута, благодаря таким образовательным учреждениям и такой специальности, которые бы соответствовали его ценностным ориентирам, призванию, согласовались бы с его психосоматическим фенотипом, особенностям конституции, индивидуальным, личностным способностям, как врожденным, так и приобретенным.

В настоящее время в России образование переживает тяжелый кризис. Происходят поиски новых концептуальных идей по развитию образования. Коренным образом пересматриваются педагогические приоритеты, переоцениваются дидактические ценности, разрабатываются принципиально новые методы обучения и воспитания, школа активно экспериментирует. Меняется бытие всего образования. Создаются новые междисциплинарные предметные области, интенсивно интегрируются научные дисциплины, исследуются пограничные области человеческого познания.

Интенсивные образовательные процессы в современной педагогике, связанные в том числе и с интеграцией, генерируют множество модификаций в педагогической сфере, однако основная проблема образования – создание новой модели школы, отвечающей тре-

бованиям современной России, – не выработана. Современное российское образовательное пространство включает в себя следующие виды школ: массовую общеобразовательную школу, Элитарные школы, школы-академии, лицеи, школы, тип которых определяется не содержанием, а избранной технологией образования, школы европейского типа, традиционные образовательные структуры для детей с ослабленным здоровьем.

На основании результатов работы этих школ благодаря образовательной рефлексии, которая касается моделирования образа школы будущего, которая бы признавала необходимость стандартов в образовании и квалификаций, в то же время обозначилась потребность в конструировании образа педагога не только с позиции воспитателя.

Реформирование школы, современные обязанности преподавателей определяют новые профессиональные умения, навыки в результате необходимого постоянного совершенствования, ответственности и активности, а также переоценки существующих до сих пор способов работы и мышления.

В новой целостной парадигме образования особую роль играет тот, кто создаёт такую культуру знаний, которая способствует не только их приобретению, но и созданию. А если рассматривать шире, кто формирует особую специфическую духовную компетентность, способствующую «оживлению» знания.

Преподаватель из роли проповедника-священника на заре человеческой истории (осуществлявшего обучение как процесс инициации) позже становится передающим готовое знание существом. С XIX в. привилеги-

рованное состояние интеллектуала, «приобщающего к Истине», колеблется. Духовное производство переходит на уровень массового явления. Учитель и ученик становятся равными относительно истины – возникает необходимость раскрывать сам процесс зарождения знания, а не передачи готового знания. Происходит перемещение интеллектуала с позиции учителя на позицию творца.

Воспитание и обучение из «субъект-объектных» отношений преобразовываются в «субъект-субъектные», характеризующиеся холистичностью, интерактивностью образовательного акта. На первой ступени человеческого развития процесс познания мира общественным сознанием происходил на этапе мифологически-религиозного уяснения мира. Вторая ступень развития человечества сформировала уровень теоретического рационального мышления в мироуяснении. Современность как третья ступень развития человечества (процесс познания происходит спиралевидно) на более высоком уровне возвращает к своим основам. Фактор целостности в образовании осуществляется на основе «неопределенности», «дуальности», «дополнительности», «неразрешимости», выяснении пределов точности измеряемых величин, исследовании некорректных задач, разработок теории катастроф, спонтанного нарушения симметрий, бифуркации и др.

Гуманитаризация образования, происходящая в стране, преследует цель изменения характера мышления: происходит переход из фрагментарного мироуяснения к целостному мировосприятию в социально-культурном контексте.

Педагогический процесс в целостном образовании играет роль взаимопознания и формирует каждую личность: субъекты, объекты, все вовлекаемые в образовательный процесс, технология создания которого – специальная творческая развивающаяся педагогическая среда. Необходимо, чтобы вся педагогическая ситуация способствовала взаиморазвитию: и личностей как участников, и процесса как среды, созданной для формирования концепции «Я-творец профессионального своего становления» из концепции «Я-профессионал».

Такая ситуация способствует формированию каждой психологической характеристики, которая свойственна творческому человеку как потенциально наиболее социальному, профессионально и личностно адаптационному, на уровне приобретения и усвоения нового знания, умения и навыка.

Знание должно быть не только усвоено, но и присвоено. Присвоенным знание будет в том случае, когда с его помощью можно создавать индивидуальный совершенно новый продукт, а там, где мы говорим о создании, имеется в виду творческая работа. Целостная парадигма образования – это педагогика творчества, преследующая цель созидания в обстановке творчески развивающей среды, которая реагирует на любое проявление креативности как в заданном направлении, так и в любом другом.

Эти её жизненность, постоянное движение, отсутствие точно определённых параметров, принятие неожиданности развития и отрицание итоговых результатов, авторитетность мнений, сочетание интеллектуальной сферы деятельности и эмоционально-

го выражения и многое другое характеризуют педагогику творчества как особый и дальновидный подход к образовательному процессу.

Само слово «образование» этимологически восходит к творческому контексту – созданию образа. Это образ информации, создаваемый по законам психологии, т. к. создаются художественные образы или концептуальный «Я-образ». Творческое восприятие информации, апперцептивные и атрибутивные операции, идентификация и персонификация, творческое мышление на основе психологических особенностей личности, мотивация поступков, интересы, ощущения, реакции, наблюдения, эмоции, впечатления, действия – всё это включается в творческую целостную парадигму образования. В связи с этим возникает необходимость задействовать в этом процессе всевозможные каналы, способствующие восприятию и самовыражению, самореализации. Ф. Вильчек подчёркивает, что творчество появилось как аналог потерянного видового проекта или в качестве своеобразной компенсации потерянных видовых физиологических качеств.

Что есть творчество? Что является его составляющими элементами, параметрами, качествами, основой? Это необходимо знать, т. к. особенности психологии процесса творчества и являются основой образовательных технологий целостного образования, которое не предполагает давать готовые знания, оно создаёт среду для рождения знания, формируя поисковую активность человека. Целостное образование обеспечивает возможности для вариативности выбора педагогического направления, расширяя область

педагогике. В целостном образовании имеется одно важное условие: образовательная среда должна обеспечивать успешность творческой деятельности. Этот успех гарантирован и тем, что творчество априорно не является правильным или неправильным. Любое действие творца – это поиск нового пути для дальнейшей деятельности, динамичного развития.

Целостное образование стремится преодолевать традиционный для образования страх за результат работы, опасение получить неудовлетворительную оценку за свои действия (оценивание обществом, неприятие обществом), за неусвоенность каких-то знаний и т. п. Создание творческой среды стимулирует к получению информации непрерывно из больших источников, не ограничиваясь информацией, даваемой педагогом.

Творчество – это особый вид труда, где образовательные технологии, имеющие в своей основе творческий процесс, способствуют построению занятий таким образом, чтобы целью обучения были не оценки, а, следовательно, учащиеся не стремились бы к получению поощрений и трудились бы ради этого, точно выполняя задание учителя, а работали бы для более возвышенных целей в сочетании личностного и социального. Целостное образование создаёт технологии для проявления творчества любой личности и его самовыражения. Человек, познавая мир через себя и других, постоянно находится в деятельности, самореализуясь, он не просто наблюдает за этим миром со стороны. Целостное образование основано на таком творческом процессе. Здесь любое новое знание, любой бит информации явля-

ется не просто одним, а сразу множеством нового знания, потому что это знание перегруппировывается, интегрируясь с социальным опытом и личностными характеристиками в творческую активность.

Основа такого творческого процесса – индивидуальная личность с её особыми психологическими свойствами и характеристиками. База такого образования связана с целями и мотивами, которые могут быть одними и теми же, но могут находиться и на разных уровнях. К примеру, человеку, умеющему петь и желающему достичь вершины мастерства, необходимо исполнять музыкальное произведение так, как его ещё никто не исполнял. Само произведение – и основа, и цель творчества, а умение петь – и база, и цель.

Человек – это система, причём целостная система, а если говорить о системе, то можно сказать, что для целостного образования характерен объект с определёнными элементами, связями и функциями, актуализирующимися для одной цели, стоящей перед системой [6], – нахождение гармонии как основы целостности, которая выражается в обобщённом виде посредством истоков существования, его целью и условием.

Целостность личности как гармоничной системы выражается в творчестве в целом и в творчестве постижения бытия конкретно. Отражение этой действительности и освоение её человеком делятся на три уровня (табл. 2).

Целостное образование является необходимой и важной частью всех процессов, совершающихся в современной культуре. Оно формирует новый взгляд на человека: его здоровье,

духовность, его жизнедеятельность в области политики, бизнеса, экономики, сельского хозяйства, искусства. Целостное образование развивает но-

вый подход к воспитанию детей, имея целью их счастливое дальнейшее вступление и закрепление в новом, динамично меняющемся обществе.

Таблица 2

Подходы к образованию

«Парадоксально-медитативный» состоит из двух полярных стратегий: отражения и освоения действительности – художественной и мыслительной, при этом человек представляется гармоничной личностью, которая характеризуется балансом противоположностей и, как следствие, колоссальной мощью. Гармония в качестве баланса противоположностей обладает огромным напряжением, а поэтому и колоссальной мощностью.	Сегодня школа пока ещё в большей мере опирается на развитие «аналитично-дискурсивного» миропонимания, хотя и признаёт факт некоторой недооценки значения эмоционально-образных механизмов в процессе обучения.	Холистический подход к образованию идёт вне любого определённого метода обучения. Это, скорее, философская проблема, относящаяся к мировоззрению, вопросам развития человека, знания и педагогики. Мы можем сказать, что та или некоторая другая модель образования воплощает определённые свойства и качества холистического образования, но любая из них является только частью «целостного образования».
--	--	---

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Основания педагогики сотрудничества // Амонашвили Ш.А. Новое педагогическое мышление; / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1989. С. 144–177.
2. Громыко Ю.В. Проектирование и программирование развития образования. М.: Наука, 1997. 234 с.
3. Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85–96.
4. Коллини С. Зачем нужны университеты? [Электронный ресурс] // Издательский дом ВШЭ: [сайт]. URL: https://id.hse.ru/data/2016/03/09/1124256036/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 30.11.2017).
5. Кон И.С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Кон И.С. Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 471–483.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 456 с.
7. Майкова В.П. Методология педагогики и экологическое мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 289–298.
8. Ридингс Б. Университет в руинах. Минск, 2009. 229 с.
9. Субетто А.И. Онтология и феноменология педагогического мастерства. Кн. 1. Тольятти, 1999. 208 с.
10. Шадриков В.Д. Деятельность и способности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1996. 320 с.
11. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой, ред. пер. О.Н. Шпарага; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

REFERENCES

1. Amonashvili Sh.A. [Bases of the Pedagogy of Cooperation]. In: Amonashvili Sh.A. *Novoe pedagogicheskoe myshlenie* [New Pedagogical Thinking]. Moscow, *Pedagogika* Publ., 1989, pp. 144–177.
2. Gromyko Yu.V. *Proektirovanie i programmirovaniye razvitiya obrazovaniya* [Design and Programming for the Development of Education]. Moscow, *Nauka* Publ., 1997. 234 p.
3. Karpov A.O. [Commodification of Education in Terms of its Goals]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 10, pp. 85–96.
4. Collini S. [What Are Universities For?]. In: *Izdatel'skii dom VShE* [HSE Publishing House]. Available at: https://id.hse.ru/data/2016/03/09/1124256036/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (accessed: 30.11.2017).
5. Kon I.S. [Way of Life as a Subject of Interdisciplinary Research]. In: Kon I.S. *Chelovek v sisteme nauk* [Man in Sciences]. Moscow, *Nauka* Publ., 1989, pp. 471–483.
6. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow, *Nauka* Publ., 1984. 456 p.
7. Maikova V.P. [Methodology of Pedagogy and Ecological Worldview]. In: *Sotsial'no-humanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2013, no. 1, pp. 289–298.
8. Readings B. *Universitet v ruinakakh* [The University in Ruins]. Minsk, 2009. 229 p.
9. Subetto A.I. *Ontologiya i fenomenologiya pedagogicheskogo masterstva. Kn. 1* [Ontology and Phenomenology of Pedagogical Skills. B. 1]. Togliatti, 1999. 208 p.
10. Shadrikov V.D. *Deyatel'nost' i sposobnosti* [Activity and Skills]. Moscow, *Logos* Publ., 1996. 320 p.
11. Jaspers K. *Ideya universiteta* [The Idea of a University]. Minsk, BSU Publ., 2006. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильченко Дмитрий Александрович – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: ida052015@gmail.com

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: valmaykova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitrii A. Ilchenko – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: ida052015@gmail.com

Valentina P. Maikova – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: valmaykova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильченко Д.А., Майкова В.П. Динамика образовательных парадигм в современной России и их роль в формировании общественного сознания как целостной системы // Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 52-61

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-52-61

FOR CITATION

Ilchenko D.A., Maikova V.P. The Dynamics of Educational Paradigms in Contemporary Russia and their Role in Shaping Social Consciousness as a Whole System. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 52-61

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-52-61

УДК 1.30.2:379.857

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-62-68

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Майкова В.П., Захарова О.Н.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается одна из практически важных социально-философских проблем, связанных с сохранением культурного многообразия, установлением мирных отношений на планете с учётом современных социальных процессов. Показано, что сохранение национальных и этнических черт, социальная гармонизация обеспечиваются диалогическим взаимодействием. Раскрыто содержание диалога в условиях глобализации как основы сохранения мира. Представлена роль туризма в формировании межкультурной коммуникации. Авторы приходят к выводу, что туристическая сфера является одним из факторов сплочения народов.

Ключевые слова: диалог, культура, туризм, путешествие, коммуникации, культурное взаимодействие, культурный конфликт, социум.

TOURISM AS A FACTOR IN THE FORMATION OF DIALOGICAL INTERACTION IN MODERN SOCIETY

V. Maikova, O. Zakharova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article considers one of the most important socio-philosophical problems related to the preservation of cultural diversity, the establishment of peaceful relations on the planet, taking into account modern social processes. It is shown that the preservation of national and ethnic traits, social harmonization is ensured by dialogical interaction. The content of the dialogue is revealed in the context of globalization as the main condition for preserving peace. The role of tourism in the formation of intercultural communication is presented. The authors come to the conclusion that the tourist sphere is one of the factors of the rallying of peoples.

Key words: dialog, culture, tourism, travelling, communication, cultural interaction, cultural conflict, society.

Сегодня мир сложен и противоречив. Террористические и экстремистские настроения угрожают жизни всего человечества. Социальные конфликты, зачастую перерастающие в военные, разгораются во многих точках планеты. Земля стоит перед угрозой уничтожения. Формирование диалогического взаимодействия – основная задача современности. Это такой диалог, в основании которо-

го должно быть положено понимание и осознание духовного единства народов. Это диалог мировоззрений, а также мировоззрения как некоего целостного взгляда на мир. Сегодня взаимодействие разных культур является характерной чертой его развития. Наличие общего смыслового поля существует во всех сферах жизнедеятельности, поскольку диалектическим изменениям подвластны все без исключения: и каждый человек в отдельности, и общности, и страны. Люди учатся друг у друга, и это желание всегда присутствует. Проблема диалога – это своего рода социализированная диалектика Гегеля, которая лежит в основе всего мира, а, значит, диалог есть не только фактор развития, но и устойчивости, сохранности всего мирового пространства.

В условиях кризиса рациональности и деградации социальных коммуникаций поиск духовных смыслов через призму «Я» и «Другого» становится жизненно необходимым и выступает в качестве основания сохранности мира. Механизм взаимодействия личностей-культур в их концепциях вступает в диалогическую связь, которая интерпретируется учёными как форма общения отдельных людей и как способ коммуникации их с объектами культуры и искусства в исторической перспективе. Постигание собственного «Я» происходит через общение с другими людьми [1].

Диалогическое взаимодействие – это мир проникновения в личность другого и через него – в самого себя, это способ снять с «Я» субъекта диалога социальную маску, едва ли не «намертво сросшуюся» с человеком в мире «отчуждения». В диалогическом

взаимодействии человек как бы освобождает себя от власти «отчуждения» и потому становится способным к сотворчеству. Диалогическое взаимодействие как мир субъект-субъектных отношений, «вырастающий» по мере диалектического «снятия» мира отчуждения. В таком мире человек становится способным вступать в общественные отношения и выступает прежде всего как личность, как свободный субъект, творящий мир по законам истины, добра и красоты.

Диалогическое взаимодействие является не преддверием к действию, а самим действием. Оно и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже «готового» характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, кто он есть не только для других, но и для себя самого.

Переход из внутреннего диалога во внешний. Понять, осмыслить, раскрыть данный переход, исходя лишь из одного диалога, невозможно, поскольку диалог есть лишь «внешнее выражение процесса». Переход из внутреннего диалога во внешний глубоко диалектичен, и осмыслен может быть только с позиций диалектики.

Духовный диалог культур – это своего рода взаимодействие цивилизаций, каждая из которых считает необходимой постановку вопроса о собственном бытии духовно-нравственных ценностей как «завершёнными» и «целостными» перед опытом бытия ценностей других цивилизаций. В таком диалоге нет и не может быть никакого рода притязаний стать эталоном прогресса [7].

Необходимо подчеркнуть, что в основе диалогического взаимодействия

лежит особый механизм общения, обеспечивающий связь между духовно-нравственными ценностями культуры и создающий общее коммуникационное поле. Общение здесь, даже если оно вполне реально происходит между индивидами, не является полностью индивидуальным, поскольку сам индивид представляет собой продукт социокультурных обстоятельств, а культура – это понятие коллективное.

В принципе «диалогичности» проявляется «внутренняя» характеристика культуры, которая «диалогична» уже в силу наличия в ней двух находящихся во взаимодействии культур. Диалог внутри самой культуры осуществляется в оппозиционном единстве «верхней» и «низовой» культур.

Диалогическое взаимодействие – это средство формирования духовно-нравственных ценностей личности, которое определяется диалогом субъектов и обеспечивает единство и гармонизацию коллективных структур, имея конечной целью сформировать устойчивые нравственные отношения к негативным явлениям общества, групп и коллективов. Природа диалога заключена в изначальной обращённости сознания к другому сознанию, диалогу имманентно присущ принцип понимания, децентризм, поиск возможного компромисса, позволяющие реализовать диалогическое взаимодействие. Деятельностный характер, основанный на взаимопонимании и адекватной интерпретации субъектами духовно-нравственных ценностей, выделяет диалогическое взаимодействие из других коллективных отношений. Диалогическое взаимодействие имеет своим началом коммуникативную деятельность, общение, а его про-

должение реализуется в совместном действии.

Диалогическое взаимодействие осуществляется на всех уровнях духовного бытия, т. к. диалог имманентно присущ личности. Субъектами реализуется выработка стратегии совместных действий через включение их в сложившиеся коллективные отношения и процесс личностной самореализации.

Смыслы рождаются в результате диалогического взаимодействия, коммуникации, интерессубъективности, что ставит эти понятия на одно из важнейших мест среди других, которые необходимы при анализе феномена осмысленности мира, поиске фундаментальных ценностей, жизнеутверждающих констант, а также в диагностике духовной ситуации современности [6].

Построить диалог – целое искусство и наука гуманизма, справедливости, милосердия, демократии и равноправия. Это очень трудно, иногда кажется невозможным, но необходимо, а значит возможно. Диалог предполагает: во-первых, наличие общего смыслового поля, и такое поле всегда есть – территориальная целостность государства, сохранение планеты Земля; во-вторых, желание учиться у другого, посмотреть на себя как бы со стороны, другими глазами.

Перспективной в решении этой проблемы представляется туристическая сфера. Многоаспектность туристических практик, глубокая смысловая наполняемость концепта «путешественник», включение в эту сферу различных субъектов: индивидов, социально-политических, культурных общностей, социальных институтов во взаимосвязи с окру-

жающей природной и социальной средой – показали возможность формирования весьма содержательного конструктивного диалога народов как духовно согласованного, объединяющего, направленного на созидание, а не разрушение, на взаимоуважение, взаимный интерес.

Впервые осмысление аутентичности туризма с точки зрения социально-философского анализа и социологического подхода предпринял в 60-е гг. прошлого столетия Д.Дж. Бурстин. Он охарактеризовал туризм как «псевдособытие», как «бесконечную систему иллюзий» [10]. Для Д. Маккенела туризм являлся новой теорией досугового класса. Он считал, что турист – это модель современного человека «вообще» [11]. По мнению Ж. Бодрийяра и Дж. Урри, туризм инициирует создание новых туристических пространств.

Большое значение туризму как социальной практике придавал Дж. Урри. Он считал, что туристическая практика – это современный путь познания мира.

Анализируя паломнические, бродяжеские, игровые, фланерные, туристические опыты в философской интерпретации, З. Бауман пришёл к выводу, что эти практики становятся яркими парадигмальными образцами социокультурного пространства. Туризм с обочины социального действия, основанного на практике бродяж, переместился в центральную часть, став типажом деятельности. С психологической точки зрения, по мнению Ф. Пирса, мотивацией к путешествиям являются личные желания, образ жизни, ценностные ориентации, мировоззрение людей [8].

Как считает Д. Кэмпбелл, для путешествий характерно олицетворение ритуалов инициации, воспроизводство разнообразных обрядовых форм перехода из одного личностного сознания к другому. Это процесс, соответствующий пограничному состоянию, когда формируется новая личностная идентичность.

По мнению отечественных исследователей туризма Д.Н. Замятина, В.Л. Каганского, К.С. Пигрова и некоторых других учёных, туристическая деятельность – это специфический социальный опыт включения географических метаобразов в сознание в результате психологического, физического, рационального освоения новых пространств. Путешествие можно рассматривать в некоторых случаях в качестве частного случая миграции.

В теории Д.Н. Замятина туристическая практика может стать индикатором резких социальных изменений [3].

По мнению В.Л. Каганского, туризм – одна из разновидностей пространственного освоения мира, в результате которого личность самоидентифицируется. Путешествия проблематизируют через репрезентации, актуализации и соотношения границ, а также смыслообразуют определённое туристическое пространство [4].

К.С. Пигров систематизирует путешествие сквозь призму динамики развития мировой цивилизации [8].

Согласно И. Касавину, путешествие сопровождается определённой работой сознания по гештальт-переключению с одного способа видения на другой [5].

Для Б.В. Маркова туризм является формой глобализации, а путешествия появились как социальная практика

намного раньше, и поэтому необходимо разделять эти понятия: туризм и путешествия [9].

По мнению С.П. Гурина, инициацией путешествий является устремление к “Другому”. Это бесконечный поиск идеала, в том числе и с помощью образа неизвестной культуры [2].

В современной науке нет единого представления о туризме, история которого тесно переплетена с антропо- и социогенезом. Поэтому и нет единого понимания туризма, а есть попытки его осмыслить как особую форму жизнедеятельности людей, как исторически изменчивую форму познания мира. Эта такая жизнедеятельность, которая служит средством понимания и объяснения мира и содержит побуждающие к социальным действиям поведенческие установки, выражающиеся во взаимодействии культур, диалоге народов через систему общечеловеческих ценностей и норм. Это социальная практика взаимодействия разнообразных культур, динамичной внутрисущностной личностной диалектики на основе межкультурного и межличностного диалогического взаимодействия. Любые туристические перемещения, в том числе и транспортные, расширяют пространственные границы восприятия, наполняя смыслом всё пространство, в котором путешествующий готов и жаждет новых знакомств, познания иной культуры, иной социальной и семиотической реальности. Наполняются смыслом не только вещи, пространства, но даже время через смысл мгновений.

Туризм – это мощная форма социальной и межличностной коммуни-

кации, поэтому многие исследователи рассматривают туристическую сферу жизнедеятельности социума как форму межкультурной коммуникации, где включены и функционируют вербальные и невербальные средства общения. Поведение и действия, предметы и природа, всё окружающее пространство становится символом, знаком, передающим семиотику иной культуры.

Туризму характерна аккумулирующая функция через накопление ассоциативных кодов, преемственности культуры. Охранительная функция туристической сферы проявляется в сохранении и передаче культурных традиций. Межнациональный характер туристической практики тождествен гражданскому обществу как упорядоченной социальной системе гармонического существования разнородных элементов.

Как социальный феномен туризм имеет гетерогенный характер. Как бы одобряя сосуществование разных культур через индивидуальный опыт, туристическая деятельность предполагает их взаимодействие через сохранение плюрализма, как бы противодействуя глобализационным процессам приведения мира к единообразию. Мировые проблемы современности – сохранение культурного разнообразия, как национального, так и этнического, установление мировой духовной гармонии разнородного – всё это можно решить с помощью неисчерпаемых возможностей туризма, генезис которого предполагает дух толерантности, взаимное признание, интерес к иному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
2. Гурин С.П. Философия идентичности [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал: [сайт]. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения 06.05.2017).
3. Замятин Д.Н. Постгеография: Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014. 592 с.
4. Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте культуры // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3–18.
5. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РГХИ, 1999. 408 с.
6. Интерсубъективность в науке и философии / отв. ред. Н.М. Смирнова. М.: Канон+, 2014. 416 с.
7. Миронов В.В. Наука и «кризис культуры» (или затянувшийся карнавал) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1996. № 5. С. 3–5.
8. Пигров К.С. Человек осциллирующий: к исследованию контрапункта социального развития // Социальная аналитика ритма: сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 144–157.
9. Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры: коллективная монография / отв. ред. М.В. Бирюкова, А.В. Ляшко, А.А. Никонова. СПб.: ПХГА, 2014. 368 с.
10. Boorstin D. The Image. A Guide to Pseudo-Events in America. 25. ed. New-Jork: Vintage Books, 1992. 319 p.
11. MacCannell D. Empty Meeting Grounds. New-Jork: Routledge, 1999. 248 p.

REFERENCES

1. Bibler B.C. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From the Science of Learning to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions into the Twenty-First Century]. Moscow, *Politizdat* Publ., 1991. 413 p.
2. Gurin S.P. [The Philosophy of Identity]. In: *Topos: literaturno-filosofskii zhurnal* [Topos: a Literary and Philosophical Journal]. Available at: <http://www.topos.ru/article/6727> (accessed: 06.05.2017).
3. Zamyatin D.N. *Postgeografiya: Kapital(izm) geograficheskikh obrazov* [Postgeography: Capital(ism) of Geographical Images]. St. Petersburg, Humanitarian Academy Publ., 2014. 592 p.
4. Kaganskii V.L. [A Journey in the Landscape of Culture]. In: *Kul'tura v sovremennom mire: opyt, problemy, resheniya* [Culture in the Modern World: Experience, Problems, Solutions], 2001, no. 2, pp. 3–18.
5. Kasavin I.T. *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoi teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Non-Classical Problems of the Theory of Knowledge]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 1999. 408 p.
6. Smirnova N.M., ch. ed. *Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* [Inter-Subjectivity in Science and Philosophy]. Moscow, *Kanon+* Publ., 2014. 416 p.
7. Mironov V.V. [Science and the “Crisis of Culture” (or the Prolonged Carnival)] In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 1996, no. 5, pp. 3–5.
8. Pigrov K.S. [People Oscillating: the Study of Counterpoint Social Development]. In: *Sotsial'naya analitika ritma: sbornik materialov konferentsii* [Social Intelligence Rhythm. The

- Conference Proceedings]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2001. pp. 144–157.
9. Biryukov V.M., Lyashko V.A., Nikonov A.A. ch. eds. *Fenomen odinochestva. Aktual'nye voprosy gigeny kul'tury* [The Phenomenon of Loneliness. Topical Questions of the Hygiene of Culture]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Academy Publ., 2014. 368 p.
10. Boorstin D. *The Image. A Guide to Pseudo-Events in America*. New-Jersey, Vintage Books, 1992. 319 p.
11. MacCannell D. *Empty Meeting Grounds*. New-Jork, Routledge, 1999. 248 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: vaimaykova@mail.ru

Захарова Ольга Александровна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: altaidvor@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maykova – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: vaimaykova@mail.ru

Olga A. Zakharova – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: altaidvor@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова В.П., Захарова О.А. Туризм как фактор формирования диалогического взаимодействия в современном обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 62-68
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-62-68

FOR CITATION

Maikova V.M., Zakharova O.A. Tourism as a Factor in the Formation of Dialogical Interaction in Modern Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 62-68
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-62-68

УДК: 141

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-69-77

КОНЕЦ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОСООБРАЗНОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ПЕРИОДА

Песоцкий В.А.¹, Жебит В.А.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской академии наук
119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 53, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме законосообразности развития общества в условиях перехода к постиндустриальной цивилизации. Многократный анализ показывает, что участвовавшие социальные кризисы отражают ситуацию истощения возможностей общества справляться с растущим объёмом данных, что вынуждает всё больше функций передавать киберинтеллектуальным системам. Авторы приходят к выводу, что прежние закономерности уступают место новым нормам и законам, проявляя несоответствие между ними и открывающимися новыми закономерностями социального развития.

Ключевые слова: социальная эволюция, законосообразность, социальная реальность, полицентрические системы.

THE END OF ANTHROPOCENTRIC WORLD AND THE PROSPECTS FOR LAWFUL DEVELOPMENT OF A NEW PERIOD CIVILIZATION

V. Pesotsky¹, V. Zhebit²

¹Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

²The Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences
53, Leninsky ave., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of the lawfulness of the development of society in conditions of transition to post-industrial civilization. Numerous analyses show that the increasing social crises reflect the situation of the exhaustion of the capacity of society to cope with the growing volume of data, which forces more and more functions to be transferred to cyberintellectual systems. The authors come to the conclusion that the former laws give way to new norms and laws, showing a discrepancy between them and the emerging patterns of social development.

Key words: social evolution, lawfulness, social reality, polycentric systems.

Проблема законосообразности социальных изменений

Нарастающие противоречия, характерные для эпохи Нового времени, придают современным социальным системам характер непрерывно и быстро ме-

© Песоцкий В.А., Жебит В.А., 2017.

няющихся образований. Эволюционирующий социум под влиянием различных системных закономерностей и механизмов переходит в новые состояния, приобретая новые характеристики, новое качество, которые становятся необратимыми. Эти процессы сопровождаются формированием новых структур, связей и подсистем, а также изменениями в социальном и индивидуальном сознании. Всё это в своей эволюции имеет различные масштабы, направленность, протяжённость и ускорение, демонстрируя либо прогресс и новое совершенство, либо деградацию, возвращая системы к более простым формам либо ввергая в коллапс.

В предыдущие периоды в социальных исследованиях в качестве основных сил социальных перемен рассматривались факторы постоянного влияния, на основе которых можно было выстраивать некие общие закономерности. Однако подобные подходы в большой степени определялись парадигмальной позицией представителей разных школ, а, следовательно, различием в определении главенствующих факторов, определяющих характер социальных изменений. Это привело к выделению таких подходов, как механистический, биопсихологический, историко-философский, геополитический, экономический, культурологический и прочие, каждый из которых основывался на собственных приоритетах и методологиях. В частности, биопсихологический подход рассматривал в качестве определяющего фактора социальных изменений целый комплекс социальных параметров социума – расовых, наследственных, психологических. При этом исследо-

ванию подвергались динамические характеристики этих параметров с целью выделения ведущих из них.

Некоторые подходы основывались на выявлении корреляций географических, климатических и цивилизационных факторов социума с интеллектуальными, из чего выделялись основные детерминанты.

Рассматривались предположения, усматривающие определённые факторы в корреляциях социальных и космических процессов, таких как солнечные затмения, солнечная активность, фазы Луны, позиции планет, метеоритные атаки. Интерес к этой теме подкреплялся научными фактами, подтверждающими техногенные последствия таких корреляций, способных привести к глубоким социальным изменениям. В качестве примера могут служить случаи выхода из строя земных и космических электронных систем управления, вызванные одиночными вспышками на Солнце. Эти явления в силу глобальных последствий послужили важным стимулом ускоренного развития целых отраслей промышленности – оборонной, космической, микроэлектронной, новых материалов и проч.

Множественность подходов в решении этих задач неизбежно подвела к необходимости рассмотрения проблемы законосообразности социальных изменений, прежде всего исходя из противоречий, возникающих между гуманитарными подходами, предлагающими выявление закономерностей с позиции социальных отношений, и естественнонаучными подходами, основанными на утверждении тождественности социального природным законам.

Опыт универсализации законов живой и неживой природы применительно к исследованиям социальных явлений и процессов имеет достаточно давнюю историю. Такому экспериментированию с разной степенью успеха подвергались, например, законы биогенезиса, термодинамики, математических рядов и больших чисел. Подобные эксперименты каждый раз вызывали рождение новых гуманитарных концепций, предлагающих новые, более глубокие, исследовательские уровни, открывающие новые ракурсы картины социального бытия, однако из-за их разноплановости, разной масштабности и процессуальных различий связать её образы в единую систему не удавалось.

Проблема преодолевалась благодаря фрагментации аспектов, в процессе чего каждый аспект рассматривался отдельно, со всеми связями, что давало возможность свести всё к определённой структурной схеме, олицетворяющей социальную реальность.

Такой подход давал возможность исследовать достаточно крупные образования, их связи и механизмы, выйдя к новым исследовательским рубежам. Этому способствовало то, что наступившая новая эпоха в развитии европейского социума проявила тенденцию последовательного обособления общественных подсистем, что извлекло от необходимости учитывать всё множество связей и человеческого фактора, в частности.

Кроме того, к этому периоду в европейской научной традиции уже было принято рассматривать законосообразность в отрыве от природы объектов, в результате чего все исследования ограничивались рассмотрением

зависимостей между ними. Решение задач сводилось к элементарному классифицированию предметов и определению взаимозависимостей. При этом свойства этих взаимозависимостей становились критериями, определяющими степень законосообразности социальных процессов.

Таким образом, взаимозависимость подсистем и зависимость социальных участников от них становились показателями законосообразности общественного бытия. В основе формулируемых законов лежал критерий устойчивости и повторяемости явлений и свойств.

Характерным решением в оценке законов являлась оценка их соответствия законам природы, человеческий фактор мог быть рассмотрен лишь с позиции его адаптации к социальным средам.

С появлением новых подходов, востребованных в связи с необходимостью включения в рассмотрение сферы производительных сил, возникла потребность учёта человеческой деятельности. В связи с этим в дальнейшем проявилась потребность в поиске закономерностей в деятельности, связанной с экономикой и производством, в зависимости от деятельностных характеристик участников. В результате этого возник естественный интерес к деятельностной составляющей общественной жизни, что дало возможность прийти к новому пониманию законосообразности развития социального.

Новый взгляд на социальные условия с позиции деятельности дал возможность рассматривать законосообразность как объект, зависящий от социальных форм и форм деятельно-

сти. В такого рода случаях закон может проявлять себя как результат взаимного соответствия форм деятельности.

На протяжении человеческой жизни происходит соприкосновение с большим количеством законов, которые могут сочетаться или могут не сочетаться. Поскольку жизненный и деятельностный процессы протекают постепенно и поэтапно, то и соприкосновение с законами имеет свою последовательность. Этот процесс можно рассматривать в виде некоторой схемы, определяющей связь всех фаз и этапов деятельности с соответствующими группами законов. При использовании подобных моделей на каждом этапе рассматривается только отдельный фрагмент социальной реальности, соответствующий данному этапу. В соответствии с этим происходит выбор способов и средств достижения целей, а нормы деятельности заменяют собой социальные связи, выступающие на всех этапах.

При исследовании социальной деятельности в историческом аспекте важным этапом является принятие определённых элементарных моделей, в качестве которых часто выступают типовые модели. При этом каждому этапу приводится в соответствие фрагмент социального пространства, в рамках которого деятельность осуществляется при наличии необходимой ориентации с помощью определённых норм действий и моделей поведения социальных участников. В ситуациях, когда люди отчуждены от выбора форм и моделей деятельности и поведения, к использованию принимаются типовые варианты, а люди выступают в роли пассивных исполнителей.

Следует отметить, что в процессах социальной деятельности активной самореализации участников препятствует не собственно распространение типовых форм и норм, а необходимость их адаптации.

Проблема определения соотношения выбранных форм социальной деятельности с бытием участников может решаться на этапе создания общих моделей действий путём раздельного рассмотрения, что существенно упрощает этот процесс без особого ущерба. За исключением тех случаев, когда процессы рассматриваются с учётом исторического аспекта деятельности, когда учёт бытия участников осуществляется в совокупности с полным комплексом социальных связей и отношений.

Эпоха так называемого «Нового времени» была характерна ориентацией социальных законов на «объективные» законы природы, чему способствовало доминирование в социальной жизни промышленного производства и производственных отношений, в науке – механистических представлений о природе процессов, что во многом отразилось на социальных законах. Так, например, природные процессы принято было рассматривать преимущественно с позиций однозначного соответствия, прямой причинно-следственной связи и линейных зависимостей, в результате социальные закономерности были уподоблены тем же принципам существования, что позволяло легко встраивать их в практику производственных отношений [3].

Такой подход себя оправдывал в тех сферах деятельности, где были возможны разного рода упрощения и формализация: производство, экономика и право, наука и технологии. Это

давало простор созданию многочисленных моделей, теорий и экстраполяций, отражающих различные социальные процессы с учётом их высокой предсказуемости [3].

Наступление постиндустриальной эпохи XX в., которую принято называть «Новейшим временем», поставило перед необходимостью поиска иных подходов. Многочисленные новые закономерности, выявленные в динамике экономических, политических и социальных процессов, потребовали ухода в сторону «нелинейных» представлений, которые могли бы учитывать неравновесный характер социальных систем, рекурсивность изменений мировой конъюнктуры, роль человеческого фактора с учётом мотивационного многообразия социальных участников. Всё это не укладывалось в натуралистические рамки прежних представлений о мире, открывая новую реальность, где неопределённость играет конструктивную роль в конъюнктуре экономики и финансовых рынков, волевые факторы – в политической конъюнктуре, а хаос и непредсказуемость вносят креативное начало в процессы социальных перемен.

Новая эпоха позволила сформировать новые представления о закономерностях социального развития с позиции тенденций, развивающихся в соответствии с результатами и условиями социальной деятельности. Прежние закономерности постепенно утратили смысл, уступая место многообразию новой социальной реальности, проявляя несоответствие прежних норм и законов и открывающихся новых закономерностей социального развития.

В этот период проявили себя противоречия между стратегиями соци-

ального развития и субъектами развития, обусловленные ускоряющимся характером эволюции общества, прежде всего из-за стремительного развития технологий, и отставанием социальной периферии.

Эволюция постиндустриального общества продемонстрировала многие другие специфические свойства, в частности невозможность изменения социальных систем без связи с индивидуальными участниками, в силу органичности такой связи, нарушение которой неизбежно приведёт к тяжёлым последствиям.

Опыт социальных трансформаций проявил связь и обусловленность кризисов особенностями социальной жизни, отсутствие опоры на эти факторы лишает устойчивости любые социальные изменения.

Социальные преобразования несут эволюционный смысл в случаях, когда накопленный деятельностный потенциал в процессе бытия социальных участников превращается в потенциал социальных трансформаций, реализуемый в виде целого спектра разнообразных социальных форм, обладающих органичными связями с процессами, присущими интересам самореализации участников.

Уход от концепции, провозглашающей зависимость социального бытия от доминирующих социальных форм в сторону концепции, утверждающей обусловленность социальных форм и преобразующих их процессов эволюционными процессами социальной жизни, знаменует собой приход новой парадигмы, устанавливающей ведущую роль социальных участников в процессах преобразования общества. Однако этот вывод нельзя рассматри-

вать столь однозначно, учитывая развивающиеся новые тенденции.

Перспективы законосообразной эволюции

Процессы нарастания потоков информации, влекущих столь же ускоренное развитие средств их обработки, обуславливают необходимость изменений в инфраструктурах управления, что неизбежно приводит к реформированию социальных и государственных институтов, фактически к изменениям экономического и государственного устройства. Учитывая это, социальную эволюцию можно также связать с эволюцией социальной коммуникации, связанной с развитием социальных образований и социальных отношений.

Наблюдаемое в настоящее время развитие различного рода кризисов можно квалифицировать как следствие исчерпания возможностей общества справляться со стремительно растущим объёмом информации, а также быстрое перетекание интеллектуальных функций в сферу киберинтеллекта.

Всё это символизирует не только переход в постиндустриальную эпоху, а скорее конец эпохи антропоцентрической цивилизации и начало вступления в эпоху коммуникационного общества. В соответствии с этим можно сформулировать некоторые обобщения [1].

Коммуникационная революция привела к развитию следующих тенденций:

1. Появление новых коммуникационных технологий дало начало новым социальным образованиям, осно-

ванным на использовании глобальных средств коммуникации.

2. В результате этого последовали процессы формирования глобальной системы мирового хозяйства, основанной на унифицированных технологиях обработки, хранения и передачи данных.

3. Эти процессы сопровождаются формированием региональных и национальных систем, интегрированных с глобальными, но обладающих спецификой строения и целеполагания.

4. Появляются социальные формы и образования, сформированные на основе профиля деятельности или эксплуатационных интересов, имеющие сетевой характер.

5. Появляются новые социальные формы, построенные по принципу полицентрических систем. Их функции связаны с целями формирования новых социальных образований, складывающихся в систему, параллельную существующей [1].

Развитие перечисленных тенденций сопровождается возникновением самоорганизующихся систем в виде различного рода сетевых сообществ, не связанных рамками географических, страновых или этнических условий, несущих новые социальные смыслы.

Приход новых моделей социальных систем, равно как и принципов управления такими системами, не связанных идеологизмами прежней парадигмы, породил проблему поиска новой современной методологии.

Технократическая парадигма прошлого века предполагала технологический подход в рассмотрении социальных процессов в сочетании с проектным подходом в управленче-

ских решениях. На этих принципах основывалась вся сфера интеллектуальной деятельности. Новая реальность привела не только к необходимости включения в рассмотрение новых аспектов социальной жизни, но и к необходимости нового мышления.

Новое мышление сформировалось не только на новых мировоззренческих позициях, но и на отходе от технологизированного знания и столь же технологизированных способов его освоения. В качестве образцов можно рассмотреть ряд примеров сфер интеллектуальной деятельности, в которых произошли глубокие изменения.

В сфере *знания* до сих пор остаётся рудиментарная проблема, связанная с проектно-плановым характером его освоения и формированием соответствующего представления о его применении. По этой причине *знание* не является предметом с точки зрения онтологии, а выступает только в качестве элемента того социального образования или системы, для которых оно создавалось. В результате в дальнейшем оно специализируется и фигурирует в виде отдельных образований: информационной, информационно-этимологической и информационно-технологической.

Эти три формы комбинируют в зависимости от решаемых задач, создавая базы данных и соответствующие поисковые системы. В результате *знание* теряет свою первоначальную системную суть, технологический характер его приобретения, передачи и контроля отдаляет его от сферы мыслительной деятельности, а структура *знания*, ориентированного на определённые социальные объекты, делает его слабофункциональным в условиях

быстро трансформирующейся среды [2].

В сложившихся условиях особое значение приобретает сфера *понятий*, связанная с деятельностью больших и малых групп, выполняющих определённые социальные функции.

Для решения общих задач участники обязаны обладать универсализированными представлениями о способах достижения целей. Универсализация осуществляется путём трансляции соответствующего *знания* посредством информационных технологий, в результате чего создаётся общее понятийное поле, на основе которого становится возможным управление деятельностью групп.

Тем самым *понятия* приобретают форму терминологических систем, выполняющих роль коммуникационного инструментария, что выводит их из сферы мыслительной деятельности в сферу коммуникационную, коммуникационно-организационную, коммуникационно-идеологическую.

В развитии сферы мыслительной деятельности большую роль сыграло влияние технологизма. Использование новых методологических решений привело к возможности создания так называемых *онтологических матриц* для использования в деле формирования новых *знаний*, учебных дисциплин и научных направлений [2].

Отсутствие единой онтологической основы в сложившихся условиях неизбежно создаёт проблему неинтегрированного знания, являющуюся препятствием при решении разнообразных задач.

Попытка создания некой базовой методологической матрицы, от которой отстраивались бы другие сферы

знания, успеха не принесла, акцентировав лишь возможность универсализации системных подходов. Но был найден путь решения, основанный на идее интеграции знаний в формах временных образований, создаваемых под определённую задачу [2].

Интеграция знаний в формах коллективного интеллекта позволила не только открыть пути формирования многочисленных междисциплинарных форм объединения знания, но и создать новый исследовательский инструментарий для передовых научных направлений.

Результаты деятельности, полученные как на основе системных подходов, так как и с помощью методов коллективного мышления, встречают определённые препятствия, поскольку не всегда находятся в рамках соответствующей социальной организации. Эта проблема ставит во весь рост необходимость соответствующих изменений в социальных организациях, изменений социального мышления и,

возможно, изменения в социальном сознании.

На текущем этапе социальной эволюции в сфере мыслительной деятельности концентрируются большие объёмы знаний, представляющие собой особые формы образований, организующиеся по технологическому принципу. Социальная деятельность, имеющая отношение к этим образованиям, уже не несёт характера мыслительных процессов, а, скорее, напоминает процессы технологического типа. В процессе этой деятельности производится новая реальность, являющаяся особой символической реальностью, постепенно вытесняющей прежнюю.

В становящемся мире новой виртуальной реальности рождаются новые самоорганизующиеся социальные образования – институты, корпорации, социальные индивиды. Познавание этого мира доступно только в тех случаях, если исследователь перейдёт из позиции наблюдателя в позицию активно коммуницирующего участника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Затуливетер Ю.С. Информационная природа социальных перемен. М.: СИНТЕГ, 2001, 132 с. Информация и Социум.
2. Попов С. Методология организации общественных изменений // Кентавр. 2001. № 26. С. 2–13.

REFERENCES

1. Zatuliveter Yu.S. [Information Nature of Social Change]. A Series of "Information and Society". Moscow, SINTEG Publ., 2001. 132 p.
2. Popov S. [Methodology of Social Change Organizing]. In: *Kentavr* [Centaur], 2001, no. 26, pp. 2–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

E-mail: vlad2008@yandex.ru

Жебит Владимир Александрович – кандидат психологических наук, Физический институт имени П.Н. Лебедева РАН
E-mail: zhebit@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
E-mail: vlad2008@yandex.ru

Vladimir A. Zhebit – PhD in Psychology, project director, The Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences;
E-mail: zhebit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Песоцкий В.А., Жебит В.А. Конец антропоцентрического мира и перспективы законосообразного развития цивилизации нового периода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 69-77
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-69-77

FOR CITATION

Pesotsky V.A., Zhebit V.A. The End of Anthropocentric World and the Prospects for Lawful Development of a New Period Civilization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 69-77
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-69-77

УДК 004.94 316.6

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-78-85

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ*

Пую Ю.В.¹, Кузнецова Е.А.²

¹Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросу манипулятивного воздействия политической рекламы на общественное сознание. В ходе исследования проводится анализ метода профильного, или поведенческого таргетирования, цель которого заключается в получении и обработке информации о действиях потенциального избирателя в сети Интернет, с помощью которой манипулятор способен выявить основные особенности объекта манипуляции: привычки, страхи, пристрастия, т. е. такие мишени манипулятивного влияния, на которые направляется психологическое воздействие. В результате делается вывод, что, обладая нужной информацией о личности, манипулятор создаёт условия, при которых человек изменяет свои политические идеи и ориентиры.

Ключевые слова: политическая реклама, информация, манипулирование, манипулятивные технологии, большие данные, профильное таргетирование.

EFFECTIVE METHODS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN POLITICAL ADVERTISING

Yu. Puyu¹, Ye. Kuznetsova²

¹Herzen State Pedagogical University of Russia
48, the Moyka embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

²St. Petersburg State University of Economics
21, Sadovaya st., St. Petersburg, 191023, Russian Federation

Abstract. The article addresses the subject of manipulative influence of political advertising on collective consciousness. The study analyzes the method of profile or behavioral targeting which aims at obtaining and processing the information about the actions of a potential voter on the Internet, through which the manipulator can identify the main features of the object of manipulation: habits, fears, addictions – targets of manipulative influence at which the psychological impact is directed. As a result, it is concluded that having the necessary information about voters, the manipulator creates conditions under which they changes their political ideas and landmarks.

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10735 «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании» / The study is supported by grant RGNF 15-06-10735 “Socio-philosophical analysis of manipulative technologies in education”

© Пую Ю.В., Кузнецова Е.А., 2017.

Key words: political advertising, information, manipulation, manipulative technologies, big data, profile targeting.

Сегодня процесс развития общества происходит гигантскими темпами. Масштабные социально-политические преобразования российского общества последних десятилетий, распад прежних властных структур, тотальное переосмысление и трансформация общественных идеалов и ценностей актуализируют изучение институтов, оказывающих влияние на общественное сознание. Формирование новых отношений власти – подчинения и активное участие широких слоев населения в принятии политически значимых решений обуславливают необходимость совершенствования коммуникационных структур и механизмов передачи информации.

Меняются знания и понимание многих важных для жизни общества понятий. Так произошло и с понятием «информация», которое качественно изменилось с момента его возникновения. Информация, с которой мы имеем дело сегодня, есть двигатель общественного и технического прогресса. Основными признаками данного понятия, которые человечество выделило за время многовекового освоения и использования, являются: неисчерпаемость, неограниченность в распространении, многократность использования, физическая неотчуждаемость информации от её создателя, ценность и полезность, лёгкость распространения и нелокализованность в пространстве [2]. Однако роль, которую играет информация в обществе, неоднозначна: она может быть использована человеком в различных целях, в том числе и для выполнения манипулятивных

действий в отношении общественного сознания.

Феномен манипулирования, согласно Ю.В. Пуу, есть «вид сложного психологического взаимодействия, направленного на неявное побуждение другого человека к совершению нужных для манипулятора действий» [3, с. 29]. Основными чертами, характеризующими манипулятивное воздействие, являются:

- 1) использование информации как главного средства воздействия;
- 2) направленность на характерные особенности человека: интересы, потребности, склонности, привычки, умения, навыки и т. д.;
- 3) скрытый характер воздействия субъекта манипуляции на объект [5, с. 59].

Как мы видим, основная составляющая процесса манипулирования есть информационная сторона. Тем не менее стоит отметить, что информация может быть не только направлена на объект манипулятивного воздействия, но и особым образом получена субъектом манипулирования для достижения цели.

Сферой, где наиболее часто используются манипулятивные практики, является институт политической рекламы, главная задача которого заключается в побуждении электоральной аудитории к выполнению необходимых решений в отношении определенного политического кандидата. Для этого применяются различные технологии по продвижению «деятели политики», в том числе и манипулятивные, такие как «наклеивание ярлыков», вне-

дрение необходимого имиджа политического персонажа, «принцип слогана» и т. д. [5, с. 59].

Совершенно инновационным примером применения современных техник манипулирования в политической рекламе может послужить предвыборная кампания Дональда Трампа, выигравшего президентские выборы в Соединенных Штатах Америки в 2016 г.

Согласно научным исследованиям, механизм манипулятивного воздействия политической рекламы строится на:

1) направленности на массовые, целевые аудитории;

2) использовании различных каналов распространения рекламных сообщений и методов психологического воздействия;

3) внедрении качественных изменений или закреплении в общественном сознании определённых политических взглядов и идей [5, с. 59].

В данном случае были выполнены все три условия построения успешного рекламирования политического кандидата. Как правило, политическая реклама направлена на целевые аудитории, представители которых тем или иным образом придерживаются идейных представлений политического деятеля. Воздействие же политической рекламы Дональда Трампа было направлено на всех граждан США, способных «отдать свой голос». Выполнено это было при помощи изучения портрета личности каждого совершеннолетнего, проживающего в данной стране, посредством метода «большой пятёрки», или на английском языке «Five Factors Model». Данный метод был разработан Уорреном Норманом в 1963 г. Согласно данной теории, модель предполагает, что

определение личности человека возможно при помощи изучения следующих пяти факторов:

1) «Открытость опыту» («Openness to experience»);

2) «Сознательность / Добросовестность» («Conscientiousness»);

3) «Экстраверсия» («Extraversion»);

4) «Доброжелательность» («Agreeableness»);

5) «Невротизм» («Neuroticism») [9].

Данный метод был использован в исследованиях Михаила Козинского, работавшего в Кембриджском университете, посредством проведения психометрического онлайн-тестирования с помощью медиа-приложения «myPersonality» в крупнейшей социальной сети в мире *Facebook* [8]. В вопросы теста входили 100 пунктов международного вопросника IPIP (International Personality Item Pool), отражающего пятифакторную модель личности. Кроме того, во внимание брались не только измерения данных онлайн-тестирования, но и данные о принадлежности человека к культуре и расе, а также половозрастной фактор, активность в социальных сетях, т. е. «лайки и репосты», «количество друзей», «любимые сообщества» и т. д. [7]. В результате на вопросы теста ответило более чем 6 млн человек, из которых 59% являлись жителями Соединенных Штатов Америки. Само исследование было начато в июне 2007 г. и закончено в 2012 г. [10].

Однако в июне 2016 г. американский бизнесмен Дональд Трамп в качестве компании по продвижению политического имиджа пригласил небольшую британскую компанию *Cambridge Analytica*, которая использовала совершенно инновационные методы

«манипулятивного рекламирования» политического деятеля, среди которых метод поведенческого или же профильного таргетирования. Данный метод был основан на анализе так называемых «Больших данных», или же на английском языке «Big Data».

Термин «Большие данные», или же Big Data, появился относительно недавно, однако в сфере информационных технологий определяется как «совокупность подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов» [1].

Основными характеристиками, определяющими данное понятие, являются три слова, начинающиеся на «V»:

- 1) объём (англ. Volume);
- 2) скорость (англ. Velocity);
- 3) многообразие (англ. Variety) [1].

Согласно мнению основателя компании *Cambridge Analytica* Александра Никса, «Большие данные», или Big Data, есть совокупность информации, которая может быть разделена на три составляющие:

1) *Демографические / географические характеристики*: возраст, пол, этническая принадлежность, религиозная принадлежность, образование, доход, социально-экономический статус, географические факторы;

2) *«Психографические характеристики»*: «Отношение к рекламным сообщениям»; «Потребительская информация»; «Информация об экономической стабильности»; «Информация о стиле жизни»; «Стиль покупательской активности»; «Гражданские и политические убеждения»; «Принадлежность к сотовой связи»;

3) *«Персональные характеристики»*:

1. Психологические черты: «Открытость опыту» («Openness to experience»); «Сознательность / Добросовестность» («Conscientiousness»); «Экстраверсия» («Extraversion»); «Доброжелательность» («Agreeableness»); «Невротизм» («Neuroticism»);

2. Личные черты: взаимодействие; недостатки; влияние; страхи; социальная устойчивость [9].

Именно таким образом выглядит «Big Data», т. е. та самая информация, на основе которой проводился анализ всех 220 млн совершеннолетних граждан США. Добывались соответствующие данные путём покупки из всевозможных источников: «кадастровые списки, бонусные программы, телефонные справочники, клубные карты, газетные подписки, медицинские данные» [6]. Более того, были совмещены данные по спискам зарегистрированных сторонников Республиканской партии с данными по «лайкам и репостам» в социальной сети *Facebook*, из которых выстраивался психологический портрет каждого гражданина США по методу «Большой пятёрки». В соответствии с получившимися портретами личностей возникает картина, где мы видим людей с определёнными взглядами и интересами, страхами и предпочтениями, т. е. мишенями манипулятивного воздействия.

Второе условие успешности политической рекламы состояло в использовании действующих каналов распространения рекламы и способов психологического воздействия. Существуют самые различные способы передачи рекламного сообщения, такие как телевидение, газета, радио, листовки, баннеры и т. д. [3, с. 38]. В данном

случае основным методом передачи политической рекламы была технология, которой пользуется сегодня человечество всего мира, – всемирная сеть Интернет. Осуществлено это было посредством пересылки персонализированной таргетированной политической рекламы с учётом поведенческих особенностей человека, т. е. такой рекламы, которая будет максимально близко подстраиваться под характер отдельного персонажа. Так, например, если человек будет придерживаться консервативных взглядов, ставить в приоритет свою семью, реклама будет отражать именно семейные ценности, будут использованы соответствующие цвета, это может быть аудио-призыв, картинка или видео-сообщение в зависимости от предпочтений человека, на которого направлена манипуляция. Данный вид политического рекламирования именуется поведенческим, или профильным таргетированием. На сегодняшний день это самое перспективное направление в сфере рекламы. Суть данного метода сводится к внедрению механизма сбора и обработки информации о действиях пользователя в Интернете. Собранная информация может содержать данные о просмотренных сайтах, поисковых запросах, покупках в интернет-магазинах и т. д. Посредством такой информации мы с лёгкостью можем себе представить профиль объекта, на который направляется воздействие, зная его слабые стороны, привычки и пристрастия – т. е. третье условие построения успешной политической рекламы. Как сказал основатель *Cambridge Analytica* Александр Никс: «Мои дети не смогут больше объяснить, что значит рекламный плакат с одинаковым

сообщением для всех и каждого» [6], – именно так можно описать рекламу, с которой мы уже сталкиваемся в повседневной жизни.

Заявить, что победа Дональда Трампа на президентских выборах в Соединённых Штатах Америки в 2016 г. была обеспечена посредством создания политической рекламы, с абсолютной уверенностью нельзя. Тем не менее можно сказать, что метод построения рекламы политического деятеля был совершенно инновационным и содержал следующие составляющие:

- 1) психологический поведенческий анализ на модели «Большой пятёрки», или «Five Factors Model»;
- 2) анализ «Больших данных», или Big Data;
- 3) внедрение таргетированной рекламы, основанной на изучении профиля объекта, на который направлено манипулятивное воздействие.

Однако, таким образом, можно сделать вывод, что сегодня мы можем иметь информацию о каждом из нас, предугадывать желания и предпочтения и соответствующим образом оказывать манипулятивное влияние, исходя из собственных интересов. Главной целью манипулятивного воздействия политической рекламы является формирование «иллюзии» выбора, создание таких условий, в которых человек изменит свои представления и ориентиры. С помощью таких мощных инструментов, как анализ «Больших данных», поведенческий, или профильный анализ на основе психометрических моделей и также введение поведенческого таргетирования, не составляет труда создать новые, подходящие, ранее не существовавшие в общественном сознании взгляды и мне-

ния, которые стали бы аналогичными целям субъекта манипулятивного воздействия, что говорит о необходимости изучения феномена «манипулирования» и роли политической рекламы в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабурин В.А., Яненко М.Е. Технологии Big Data в сервисе: новые рынки, возможности и проблемы [Электронный ресурс] // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1 (27). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-big-data-v-servise-novye-rynki-vozmozhnosti-i-problemy> (дата обращения: 17.03.2017).
2. Боев В.М. К вопросу о понятии, признаках и юридических свойствах информации [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-priznakah-i-yuridicheskikh-svoystvah-informatsii> (дата обращения: 27.03.2017).
3. Пую Ю.В. Философия манипулирования. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2009. 243 с.
4. Пую Ю.В., Кузнецова Е.А. Сущность и способы ограничения политического манипулирования // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии: сборник научных трудов. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2015. С. 36–39.
5. Пую Ю.В., Свиридкина Е.В., Кузнецова Е.А. Современные манипулятивные технологии политической рекламы // Научное мнение. № 12. С. 58–62.
6. Расследование Das Magazin: как Big Data и пара учёных обеспечили победу Трампу и Brexit [Электронный ресурс] // The Insider: [сайт]. URL: <http://theins.ru/politika/38490> (дата обращения: 17.03.2017).
7. Kosinski M., Matz M.S., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a Research Tool for the Social Sciences: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations, and Practical Guidelines [Электронный ресурс] // American Psychologist. September 2015. Vol. 7. Iss. 6. URL: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/facebook-research-tool-social-sciences-opportunities-challenges> (дата обращения: 17.07.2017).
8. Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool [Электронный ресурс] // Monitor on Psychology. 2016. Vol. 47. Iss. 3. URL: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/facebook-research-tool> (дата обращения: 17.07.2017).
9. Kosinski M., Stillwell D., Kohli P., Bacharach Y., Graepel T. Personality and Website Choice [Электронный ресурс] // Stanford Business: [сайт]. URL: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/personality-website-choice> (дата обращения: 17.07.2017).
10. MyPersonality Project [Электронный ресурс]. URL: <http://mypersonality.org/wiki/doku.php> (дата обращения: 17.07.2017).

REFERENCES

1. Baburin V.A., Yanenko M.E. [Big Data Technologies: New Markets, Opportunities and Challenges]. In: *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa* [Technical and Technological Problems of Service], 2014, № 1 (27). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-big-data-v-servise-novye-rynki-vozmozhnosti-i-problemy> (accessed: 17.03.2017).
2. Boer V.M. [To the Issue of The Concept, Characteristics and Legal Attributes of Information]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-priznakah-i-yuridicheskikh-svoystvah-informatsii> (accessed: 27.03.2017).

3. Puyu Yu.V. *Filosofiya manipulirovaniya* [Philosophy of Manipulation]. St. Petersburg, Publishing House of Polytechnic University Publ., 2009. 243 p.
4. Puyu Yu.V., Kuznetsova E.A. [The Essence and Ways of Limiting Political Manipulation]. In: *Territoriya detstva: obrazovatel'nye praktiki i manipulyativnye tekhnologii* [The Territory of Childhood: Educational Practice and Manipulative Technology]. St. Petersburg, Publishing of Polytechnic University Publ., 2015, pp. 36–39.
5. Puyu Yu.V., Sviridkina E.V., Kuznetsova Ye.A. [Modern Manipulative Techniques in Political Advertising]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2016, no. 12, pp. 58–62.
6. [Investigation Das Magazin: How Big Data and a Pair of Scientists Ensured the Victory of Trump and Brexit]. In: *The Insider*. Available at: <http://theins.ru/politika/38490> (accessed: 17.03.2017).
7. Kosinski M., Matz S.M., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a Research Tool for the Social Sciences: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations, and Practical Guidelines. In: *American Psychologist*, September 2015, vol. 7, iss. 6. Available at: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/facebook-research-tool-social-sciences-opportunities-challenges> (accessed: 17.07.2017).
8. Kosinski M., Sandra C. Matz, Samuel D. Gosling, Popov V., Stillwell D. Facebook as a Research Tool. In: *Monitor on Psychology*, March 2016, vol. 47, issue 3. Stanford Business. Available at: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/facebook-research-tool> (accessed: 17.07.2017).
9. Kosinski M., Stillwell D., Kohli P., Bacharach Y., Graepel T. Personality and Website Choice. In: *Stanford Business*. Available at: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/personality-website-choice> (accessed: 17.07.2017).
10. MyPersonality Project. Available at: <http://mypersonality.org/wiki/doku.php> (accessed: 17.07.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пую Юлия Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;
e-mail : dgudi-spb@yandex.ru

Кузнецова Екатерина Андреевна – студент Института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
e-mail: mitrofanekaterina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Iulia V. Puiu – Doctor of Philosophy, associate professor, professor at the Department of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: dgudi-spb@yandex.ru

Yekaterina A. Kuznetsova – student at the Institute of Master's Studies, St. Petersburg State University of Economics;
e-mail: mitrofanekaterina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пую Ю.В., Кузнецова Е.А. Эффективные методы манипулятивного воздействия в политической рекламе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 78-85

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-78-85

FOR CITATION

Puyu Yu.V., Kuznetsova E.A. Effective Methods of Manipulative Influence in Political Advertising. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 78-85

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-78-85

УДК 316.77

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-86-92

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Шаброва Л.Е.*независимый исследователь*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия и связь виртуальной реальности и виртуальной коммуникации в современной социально-коммуникативной среде. Автор анализирует виртуальную среду, которая способствует появлению своеобразной формы коммуникативных связей – виртуальной коммуникации. Данный вид коммуникации определяется по установленному каналу приёма и передачи информации, по способу не только создания, но и обработки сообщения (т. е. создаёт виртуальные образы). В таком коммуникативном пространстве преобладают именно те образы, которые рождает виртуальная коммуникация, выражающаяся в насыщенном образовании виртуальной личности и в выработывании глобальных сообществ. Автор приходит к выводу, что происходят изменения в социально-коммуникативной среде жизни, которые приводят к замене настоящих человеческих взаимоотношений их придуманными аналогами.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, информационное общество, виртуальные образы, картина мира, межкультурный характер, процесс глобализации.

VIRTUAL COMMUNICATION OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY

L. Shabrova*Independent researcher*

Abstract. The article deals with the concept and relationship of virtual reality and virtual communication of the modern social and communicative environment. The author analyzes the virtual environment which contributes to the emergence of a unique form of communication – virtual communication. This type of communication is determined by the established channel for receiving and transmitting information, by the method of not only creating, but also processing the message (i.e. creating virtual images). In such a communicative space, the images that are generated by virtual communication, expressed in the saturated formation of a virtual personality and in the development of global communities, predominate. The author comes to the conclusion that there are changes in the social and communicative environment of life that lead to the replacement of real human relationships with their invented counterparts.

Key words: virtual communication, information society, virtual images, world view, intercultural character, the process of globalization.

Коммуникативное пространство постиндустриальной эпохи претерпело коренные изменения, что не только привело к определённым разрушениям границ этнокультурной идентичности, мозаичности жизненной сферы современного

© Шаброва Л.Е., 2017.

человека, системы порядка коммуникационных процессов и многого другого, но и определяется именно спецификой такого явления, как глобализация. Она, в свою очередь, способствует формированию такого понятия, как виртуальная реальность и виртуальная коммуникация в обозначении философов эпохи постмодернизма.

Такой вид описанной реальности демонстрирует взаимодействие человека не с другим человеком и с вещами, а именно с образами, в основе которых чаще всего находятся субъекты и объекты, которые не имеют в реальном современном мире аналогов. Обращаясь к данным явлениям, Э. Тоффлер отмечал, что новые технологии медиа существенно преобразуют и увеличивают количество кодов, благодаря которым осуществляется информационный обмен между людьми. Таким образом и происходит создание картины мира, исходя из самих образов этой современной кодированной информации, с использованием определённых средств языка.

«Большая часть нашей системы образов строится на основе информационных сообщений, созданных человеком, а не на основе личных наблюдений “некодированных” явлений» [13, с. 203], – так об этом процессе писал Э. Тоффлер. Исходя из вышесказанного, следует, что именно сокращение некодированной информации значительно влияет и изменяет восприятие человеком окружающего его мира, переносит при этом не только жизненные установки, ценностные приоритеты и сами нормы поведения, сформированные под влиянием «кодированной информации» (а точнее,

симулякров) на реальные жизненные ситуации. Именно в данной виртуальной среде и появляется такая своеобразная форма коммуникативных связей, как виртуальная коммуникация, которая и определяется по установленному каналу приёма и передачи информации, по способу не только создания, но и обработки сообщения (т. е. создание виртуальных образов). Глобальная сеть – Интернет – и является тем информационным полем, которое осуществляет виртуальную коммуникацию. Подчеркнём, что именно глобальный межкультурный характер виртуальной коммуникации, имеющей такую специфическую черту, как дистантность, и относительную свободу от определенных социально-нормативных аспектов идентичности, является очень привлекательным для референтных групп.

Интернет-технологии предоставили возможность для постоянной связи как между людьми, относящимися к одной социокультуре, но далёкими друг от друга в пространственном отношении, так и между представителями разных социокультур.

У. Эко отмечал, что «визуальные коммуникации должны сосуществовать с вербальными», учитывая, что при этом «не следует противопоставлять эти виды коммуникации» [14].

Виртуальная коммуникация, развиваясь, способствует ориентированию на зрительный образ, тем самым, и сама современная цивилизация становится *image-oriented*, приводя к возникновению информационно-коммуникативной среды, о чём говорил в своих исследованиях М. Маклюэн [10].

Виртуальная реальность, являющаяся определённой частью комму-

никативно-информационной сферы, существует, образовывается и поддерживается именно Интернетом как глобальной сетью. Т. е., отметим, именно так и возникает разно- и многообразие информационных ситуаций, символов и образов, которые создаются искусственным путём самой сетью Интернет, различными как компьютерными, так и другими современными коммуникационными технологиями.

Отмеченная нами проблема подстегивает интерес к её дальнейшему изучению, поскольку большинство массмедиа изобилуют такими формулировками, как «виртуальное пространство», «виртуальное государство», «виртуальный магазин и виртуальный кошелек» и «виртуальные деньги» – биткоины.

В таком коммуникативном пространстве преобладают именно те образы, которые и рождает эта виртуальная коммуникация, они сами часто оторваны от действительности или, как симулякры, ничего общего не имеют с вещественно-предметной средой. Получается, что человек находится в мире только виртуальных образов, сам их как создаёт, так и потребляет, тиражирует, не понимая и собственно забывая настоящие прототипы самих образов. Отсюда и рост как социальных, так и психологических катастроф, к примеру, всевозможных форм девиантного поведения, социальной аномии и лудомании. Данные явления как своеобразные феномены информационно-коммуникативной среды бесконечно не только влияют на организацию самого образа жизни индивидов, а также социальных групп, на изменение жизненного мира каждого человека, но и приводят к изменению

в отношениях с реальной действительностью. Можем отметить, что в социально-коммуникативной среде современного мира неотъемлемой частью являются как образы виртуальной реальности, так и множество образов самой предметно-вещественной среды.

Именно компьютерные технологии и компьютер стали орудием как для создания, так и для их переработки самих образов, преподнося определённую информацию в виде лаконичных сообщений, своеобразных иконок, всевозможных инструкций, которые наполнены образами.

Н.А. Носов первый в России проанализировал, какую роль играют компьютеры в социуме, также показал основания для так называемой киберкультуры, или виртуальной культуры [11, с. 196].

Основательное исследование такого проекта, как «Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты» [2, с. 304], которое направлено на осмысление философских вопросов проявления виртуальной реальности, принесло свои результаты и выявило методологическую эффективность концепции виртуальных миров для научного познания [6, с. 307]. Исходя из данной концепции, философское восприятие виртуальных миров неразрывно с гносеологической трактовкой, т. е. это абсолютно новое «измерение», которое образуется в головах людей, создавая именно с помощью компьютеров свои идеальные образы.

Виртуальная реальность в работах В.А. Кутырева [8; 9] показывается в виде новой информационно-компьютерной реальности, т. е. «бытийствующей», а именно реальности отноше-

ний, а не вещей. На современном этапе развития цивилизации, как отмечает данный учёный, «сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, раздвинула её границы и стала определяться достигнутой мощью разума» [7, с. 221], а также что человеческой цивилизации как таковой более не существует – на её место пришла цивилизация постчеловеческая, в которой «человек становится элементом, “фактором”, агентом чего-то им созданного и более сложного» [7, с. 222]. Человек попадает в проблемную ситуацию познания самого мира «второй и третьей природы» [7, с. 223], сложной как искусственной, так и многомерной реальности, которая всё сильнее обуславливает его жизнь. В таком вот техническом и бесприродном мире, по мнению Кутырева, информация не является «информацией» [9, с. 138], т. е. определённым отражением, информация преобразовалась в независимую сущность, наравне с энергией и веществом. Происходит трансформация не только мира, но и общества в своеобразную «социотехническую систему» коммуникаций за счёт как информации, так и компьютерных технологий. Таким образом, человек попадает в обстоятельства «переворота миров» – тела и вещи оказываются вторичными относительно информации, сообщения, знания [8, с. 140].

Рассматривая виртуальную реальность как социологическую модель, Д.В. Иванов [4, с. 35] обосновал теорию «общества виртуализации» или «общества так называемого киберпротезирования». В данной концепции во всех существенных институциональных сферах совершается замена настоящих вещей образами (т. е. си-

муляциями), которые предстают как главная характеристика виртуальной реальности всякого рода. В данных исследованиях учёного особо уделяется внимание индивиду как самой виртуализированной личности¹, которой возможно проводить эксперименты со своей идентичностью. Следовательно, отмечает Д.В. Иванов, в социуме виртуального не происходит взаимодействия самого реального человека с другим человеком, а действуют его симулякры, созданные им образы.

В виртуальной коммуникации большинство участников применяют псевдонимы или, как их называют, никнеймы, а также аватары вместо собственных фотографий. Таким образом, изменение имени демонстрирует определённый отказ от настоящей личности и выход из существующего социума [5; 4, с. 35]. Итак, взаимодействие личностей в аспекте виртуального современного пространства коммуникации сравнимо с карнавалом в Средние века, когда люди прятали свои лица под масками, играли роли, которые им непривычны в жизни, которые не отвечают как их поведению, так и привычным жизненным ситуациям [1, с. 262; 12]. Участники современной виртуальной коммуникации, прячась за определёнными никнеймами, предпочитают её как определённую зону

¹ Т. е. субъекту виртуальной коммуникации, использующему всевозможные идентификаторы для входа в компьютерную систему (user name, nickname), прозвища или псевдонимы, использующиеся для идентификации пользователя в коммуникативных электронных средах, таких как чат, многопользовательские ролевые игры, блоги, виртуальные социальные сети, например, «Одноклассники», «ВКонтакте» и т. п., аватары (изображения, которые заменяют лицо пользователя в виртуальном мире) и прочее – прим. автора статьи).

свободы. Вследствие этого именно виртуальная коммуникация проявляет свою статусность, что рождает обусловленное неприятие утверждения о «свободной зоне или территории свободы», где поддерживают социальное неравенство факторы виртуального мира, такие как коммуникативные умения самого участника, а именно письменные, и, конечно, виртуальные деньги и своеобразный электронный кошелек. Всё это приводит к потере последовательности коммуникативных барьеров, которые отражаются во всех внешних данных человека, таких как привлекательность, одежда; в результате человек теряет свою настоящую личность.

Многие учёные-исследователи обозначают формирование такого процес-

са понятием «новая мифологизация» [3, с. 56], выражающимся в насыщенном образовании как виртуальной личности, так и в выработывании глобальных сообществ.

Происходят изменения в социально-коммуникативной среде жизни, которые приводят к замене настоящих человеческих взаимоотношений их придуманными волнениями. Таким образом, «сформировалась ситуация, во время которой все меньше становится времени, а также все меньше места, при которых человек может быть целостным духовно-телесным существом. За пределами жизни оказывается живое, тело покидает дух – это глубинная основа кризиса бытия человечества, вопросов “гуманизма и экологии” [11, с. 223].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса: монография. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
2. Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты: монография / С.В. Степин и др.; отв. ред. И.А. Акчурин. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 383 с.
3. Генезис категории виртуальная реальность: материалы Международной научной конференции, Саранск, 25–26 июня 2009 г. / под ред. А.В. Захряпин и др. Саранск, Рузаевка: Рузаевский печатник, 2009. 316 с.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0: монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
5. Иванов Д.В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 32–40.
6. Концепция виртуальных миров и научное познание / отв. ред.: И.А. Акчурин, С.Н. Коляев. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000. 317 с.
7. Кутырев В.А. Исторические предпосылки постмодернизма // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 220–234.
8. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 240 с.
9. Кутырев В.А. Пост–пред–гипер–контр–модернизм: концы и начала // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 135–143.
10. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга [Электронный ресурс] // ЛитМир: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=106813&p=1> (дата обращения: 19.11.2017).
11. Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: Транспорт, 1994. 196 с.
12. Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 261 с.

13. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 557 с.
14. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст: отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 // Выкидалка.ру. URL: <http://vikidalka.ru/1-50637.html> (дата обращения: 19.11.2017).

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa* [The Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Imaginative literature Publ., 1990. 541 p.
2. Stepin S.V. *Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty* [Virtualistics: Existential and Epistemological Aspects]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 383 p.
3. Zakhryapin A.B., ed. *Genezis kategorii virtual'naya real'nost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Saransk, 25–26 iyunya 2009 g.* [The Genesis of the Category of Virtual Reality: Proceedings of the International Scientific Conference, Saransk, June 25–26, 2009]. Saransk, Ruzaevka, Ruzaevskii pechatnik Publ., 2009. 316 p.
4. Ivanov D.V. *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0* [Virtualization Companies. Version 2.0]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 2002. 224 p.
5. Ivanov D.V. [Critical Theory and Virtualization Companies]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1999, no. 1, pp. 32–40.
6. Akchurin I.A., Konyaev S.N., eds. *Kontseptsiya virtual'nykh mirov i nauchnoe poznanie* [The Concept of Virtual Worlds and Scientific Knowledge]. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanities Institute Publ., 2000. 317 p.
7. Kutyrev V.A. [The Historical Background of Postmodernism]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2006, no. 1 (43), pp. 220–234.
8. Kutyrev V.A. *Kul'tura i tekhnologiya: bor'ba mirov* [Culture and Technology: The Fight of the Worlds]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 240 p.
9. Kutyrev V.A. [Post–Pre–Hyper–Counter–Modernism: the Ends and the Beginning]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1998, no. 5, pp. 135–143.
10. McLuhan H.M. [The Gutenberg Galaxy]. In: *LitMir* [Literary World]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=106813&p=1> (accessed: 19.11.2017).
11. Nosov N.A. *Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti* [Psychological Virtual Reality]. Moscow, Transport, 1994. 196 p.
12. Savrutsкая E.P. *Obraz zhizni i istoricheskie formy obshcheniya* [Lifestyle and Historical Forms of Communication]. Kazan, Publishing House of Kazan University Publ., 1989. 261 p.
13. Toffler A. *Shok budushchego* [The Shock of the Future]. Moscow, AST Publ., 2001. 557 p.
14. Eco U. [From Internet to Gutenberg: Text and Hypertext: Excerpts from the Public Lecture By Umberto Eco at the Economic Faculty of Moscow State University on 20 May 1998]. In: *Vykidalka.ru*. Available at: <http://vikidalka.ru/1-50637.html> (accessed: 19.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаброва Людмила Евстафьевна – кандидат философских наук, доцент;
e-mail: Z444Z@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila Ye. Shabrova – PhD in Philosophy, associate professor;
e-mail: Z444Z@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаброва Л.Е. Виртуальная коммуникация современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 86-92
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-86-92

FOR CITATION

Shabrova L.Ye. Virtual Communication of the Modern Information Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 86-92
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-86-92

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)+122+14+16

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101

НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 2)

Колесниченко Ю.В.

Институт деловых коммуникаций

125323, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье продолжается изучение метафизической основы шпетовского знания. Обозначенная проблема, не получившая до настоящего времени своего решения в отечественной историко-философской литературе, является одной из ключевых в определении принадлежности философии выдающегося мыслителя Г.Г. Шпета к русской философской традиции. Результаты исследования материалов обширной базы источников, а также применение герменевтической техники исследования, использование исторического, аналитического, синхронического, диахронического, идеографического и номотетического методов, некоторых приёмов психолингвистического анализа дают возможность причислить философа Шпета к поколению отечественных философов, имевших глубинной (неявленной) основой своего творчества субстанциональное единое – личность, понимаемую как личностность, как основу онтического, конкретного бытия.

Ключевые слова: Шпет, личность, личностность, онтическое бытие, субстанциональность, метафизика, феноменология, герменевтика, социальная психология, затекст.

THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1)

Yu. Kolesnichenko

Institute of Business Communications

4, Pudovkina st., Moscow, 125323, Russian Federation

Abstract. The article is an approach to solving an important historical philosophical task of defining the specifics of G. Spet's metaphysics. The mentioned problem that has not been yet solved in the national philosophical literature seems to be the most important task in defin-

ing the affiliation of Spet's philosophy with the Russian philosophical tradition. Being based on vast historical data, accomplished with historical, hermeneutical, analytical, ideographical and nomothetical research methods, followed by certain psycholinguistics techniques ("off/text- concept" definition) the research allows us to associate G. Spet with other philosophers of the Russian philosophical tradition of the 1920–1930-s. It also allows us to qualify Spet's philosophy as deeply centered on an unmanifested concept of the substantiality of "litchnost" (taken as "litchnostnost") – the basis for the ontic concrete Being.

Key words: G. Spet, litchnost', litchnostnost', ontic Being, substantiality, methaphysics, phenomenology, hermeneutics, social psychology, off-text.

Прежде всего, необходимо представить себе здесь Г.Г. Шпета не только немецким философом, учеником Э.Г. Гуссерля и сторонником западного стиля философствования (что, безусловно, было явлено им в своих многочисленных трудах), но также и как последователя философии всеединства В.С. Соловьева, глубинную метафизику которого Шпет положил в затекст всех своих явленных форм «очевидного» философствования. Оставаясь верным своему научному подходу к философской конкретике, манифестирующей стороне философского творчества, Шпет тем не менее всегда интересовался его метафизической, субстанциональной, «положительной» стороной. Соприсутствующая субстанциональность – в неявленной форме – порой определяла собой всю логику повествования той или иной его работы на конкретно-философскую тему. Отсюда, как нам представляется, те самые необъяснимые с точки зрения логики самого предмета исследования пассажи Шпета в адрес индивидуальности, буквально прорывающие плотную ткань безукоризненной логики изложения феноменологической проблемы, ломающие её и предлагающие объяснительную схему, основанную на иной логике, доселе в произведении не присутствовавшей

вовсе [5, с. 112]. Так, в работе «Искусство как вид знания» с целью «перейти от симпатического (психологического) понимания индивида к уразумению индивидуальности его смыслополаганий», по мнению Н.С. Плотникова, философ стремится «рассмотреть *лицо* как отдельный *предмет* нашего понимания, который и становится носителем смысла». «Иначе говоря, – продолжает исследователь Шпета, – необходимо воздержаться от личного отношения к “лицу”, чтобы уразуметь его как воплощения смысла» [5, с. 112]. От понятия «лица» Шпет переходит к понятию «личность», отчётливо давая понять, что именно он понимает под личностью. И это не только герменевтическое или даже социально-философское его толкование, но онтогносеологическое. Вот как сам философ понимает термин личность: «Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, *онтические*, *логические* (курсив мой – Ю.К.) и поэтические формы» [12, с. 286]. Для нас принципиально важно подчеркнуть здесь два главных момента концепта личности, отмеченные Шпетом как обязательные для понимания его сути, а именно: онтичность и особенность логики постижения её сущности. Эти два момента относятся к онтогносеологическому направле-

нию творчества Шпета как общефилософскому контексту его творчества, стягивающему полю, философскому гештальту его метафизики. Представляется, что именно в таких моментах творчества якобы неожиданно Шпет проявляет себя не как правоверный гуссерлианец (общее место историко-философской рецепции его творчества) и даже не как последователь философии жизни В. Дильтея, но как последовать философии всеединства Вл. Соловьёва, предполагающего к субстанциональности «положительной» философии (классификация самого Шпета) «второе абсолютное», а именно личность, понятую как субстанциональность, как личностность. Не индивид, не психологическое «Я», не тем более субъект (как ограничено-функциональные понятия) положены к субстанциональности, но личность. Как считает О.Г. Мазаева, «на роль “первой философии”, согласно Шпету, вполне могла бы притязать феноменология, которую, по мнению одних (толкователей Шпета – Ю.К.), можно считать единой и постоянной основой его исследовательских проектов, по мнению других, феноменология является только исходной, но исчезающей основой в развитии его идей, от феноменологии он переходит к герменевтике и т. д.» [6, с. 139]. В 20–30-х гг. XX столетия феноменологическая составляющая философии Шпета действительно исчезает, но в совершенно определённом смысле – исчезает как философская парадигма. На её место во всё более явной форме встаёт нечто затекстовое, нечто бесспорно стягивающее его творчество в единое метапроизведение положительной философии на русской почве, и это есть

метафизика личностного бытия, личности – субстанциональной величины самого конкретного живого бытия.

Г. Шпет, отказывая субъекту в субстанциональности, делает это в силу ограниченной функциональности данного понятия. Личность же по умолчанию незримо, порой в очевидной форме сопричастствует его размышлениям там и тогда, когда речь идёт о необходимости поиска конечных оснований знания, конечных оснований бытия. Так, В.И. Молчанов, на наш взгляд, справедливо предполагает, что Шпет был ближе к Гегелю, а отнюдь не к феноменологу Гуссерлю, на том основании, что искал, «как категории могут соотноситься с реальностью» [2], что у Шпета доминирует вопрос: «Как возможно понятие, которое выражает живую жизнь?» [2]. Согласившись с Молчановым в первой части утверждения, сделаем замечание по второй, а именно по «основному вопросу» философии у Шпета. Представляется, что ответ на этот вопрос был Шпету известен и что он ответил на него утвердительно, определив тем самым свою философию в ранг положительных учений. Кроме того, он использовал это понятие (личность, понятую как абсолютную основу социального бытия) в арсенале своих познавательных средств. Представляется, что это понятие было не только инструментарием, но также базисом его философствования в целом. Как справедливо отмечает И.М. Чубаров, Шпет «чётко отличает личность от индивида, а тем более от психологического субъекта познания» [2].

В связи с вышесказанным, мы согласны с венгерской исследовательницей творчества Г. Шпета Анной Хан,

утверждающей, что “герменевтическая коррекция” феноменологии Гуссерля была представлена Шпетом именно в духе экзистенциальных и философских потребностей современной ему русской культурной ситуации начала XX в. <...> Но поскольку действительность ... у Шпета всегда понимается в своём социально-историческом измерении ... его философские поиски были направлены в сторону опыта построения *социальной онтологии...*» [2]. А. Хан замечает, что «вполне в духе платонизма (мы бы добавили, и в русле традиций русской философии – Ю.К.?) мысль Шпета направлена на поиски “онтологического всеединства...” [2]. Основную свою исследовательскую задачу Шпет, таким образом, видел в изучении бытия познающего субъекта, в развиваемой им феноменологии не как теории познания, но как теории самого бытия. В отличие от Гуссерля, Шпет выделял социальное бытие как особый тип и видел своей задачей, как и задачей феноменологии в целом, борьбу с гносеологическим субъективизмом и психологизмом (уплощающим и упрощающим, по мнению Шпета, понимание сложной предметности наличного бытия).

Подвергая ретроспективному анализу работы Шпета на наличие «личностного бытия», отметим, что ещё в таких философских работах, как «Явление и смысл», а также «Сознание и его собственник», приверженец строгой философии как науки (феноменологии) тем не менее обращается к теме конечного оправдания знания как конкретного живого бытия, полагая, что «феноменология как основная наука в сущности конкретного единичного встречает низший вид как предел, за

которым начинается *чистая жизнь*» [8]. Прав А.Э.Савин, подчёркивая, что «проблема “я” как личности, как ансамбля общественных отношений становится ключевой» [2]. Феноменология по Шпету, таким образом, «находит свой предел во всякого рода индивидуации» [8].

Здесь мы сталкиваемся с интересным моментом, который получит в творчестве Шпета дальнейшее развитие, но уже в области социальной философии. Дело касается одного из центральных понятий классической феноменологии, а именно понятия “чистого Я”. Г. Шпета небезосновательно волнует вопрос о том, «каким образом то, что чистое Я, как некоторая трансцендентность, не подвергается тем не менее редукции, согласуется с самой постановкой проблемы: произвести феноменологическую установку на одно абсолютное, имманентное, и редуцировать всё трансцендентное, как не абсолютное, а обусловленное, мотивированное, относительное? Строгость метода требовала, чтобы мы редуцировали даже абсолютное трансцендентное, как Бог, почему же мы оставляем другое трансцендентное, которое тоже должно быть абсолютным, но всё же оно подобно первому *трансцендентному*» [8]. Это суждение содержит аллюзии «второго абсолютного» Вл. Соловьёва, по сути, из его феноменологической «Теоретической философии» [3] с той лишь разницей, что Соловьёв сущностно обозначал субстанциональность этого «второго абсолютного», а именно человеческой личности, в отчётливо явленной форме. Шпет же, погружённый в чистоту феноменологического пространства, вынужден на этапе предельных границ

этого знания уйти в иную область понятийных определений, «предполагая не столько решение проблемы, сколько намечая тот путь, в направлении которого она должна быть решена» [8]. Г. Шпет отмечает трансцендентность абсолютного «Я» «в первом его значении», т. е. в абсолютном основании всякого сознания. Здесь философ делает следующий важный онтогносеологический вывод относительно возможности всякого феноменологического, т. е. истинно научного, по его мнению, знания. Характеризуя трансцендентное «Я» в своем первом (изначальном, фундаментальном – Ю.К.) значении, Шпет подчёркивает: «Его бытие принадлежит к его собственной сущности, – истинное, подлинное бытие, бытие по существу, но бытие не коррелятивное бытию сознания, как всякое другое трансцендентное, эмпирическое или идеальное бытие, а бытие абсолютное, по отношению к которому только, поскольку оно выражается актуально в сознании, *есть* и всё остальное, это – бытие самого же имманентного сознания» [8].

Видится, что именно здесь Шпет-феноменолог оправдывает положительный статус своей философии попыткой уяснения характера субстанциональности живого бытия, чистой жизни: «Бытие как таковое, абсолютное бытие, относится к сущности Я» [8], т. е. к познающему инварианту бытия личностного.

Необходимо тем не менее оговориться, что применительно к философии Шпета субстанциональность в строгом метафизическом плане была бы, по нашему мнению, точнее выражена философско-психологическим понятием *Gestalt*, отражающим со-

бой структуру, образ, а также в определённом смысле и личность как образность, как отдельный персонаж¹. Термин *Gestalt*, которым периодически пользовался в своих работах Шпет (например, в работе «Внутренняя форма слова»), является, пожалуй, наиболее адекватным для обозначения основания феноменологического по форме, но социально значимого, личностного бытия. Это понятие есть ёмкое, многогранное понятие немецкого языка, лежащее на грани семиотики, философии, психологии [8]. *Gestalt* – стяживающее условие личностно-онтического, индивидуального в едином, конкретном живом бытии.

Не менее важную роль в прояснении онтогносеологической роли личности в философии Шпета сыграют исследования его трудов по философии искусства. В работе «Место абсолютного субъекта» философ пишет о понятии внутренней формы, о том, что есть абсолютный субъект, что есть единственный предикат в онтологическом кантовском смысле. «Шпетовское понятие абсолютного субъекта попадает в поле гносеологии и синтагматики культуры» [1, с. 23].

В перегруженных эмоциональными сентенциями трудах Г. Шпета понятие «личность» в явленной форме встречается неоднократно, порой в значениях, окрашенных разными эмоционально-волевыми тонами (по М.М. Бахтину), нашедшими своё применение по случаю определённых философских событий, волновавших

¹ Gestalt – форма, образ, (общий) вид, облик, личность (нем.). Цит. по: Зайцева З.Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 82.

автора. Если в работе «Введение в этическую психологию» Шпет подчёркивает, что «личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет чувственные, онтические (что у Хайдеггера, есть Dasein, означает именно наличное «тубытие» (термины Вл. Соловьёва и Г. Шпета – Ю.К.), логические и поэтические формы» [8; 10; 11; 12]; то на страницах «Эстетических этюдов» автор делает неожиданное признание в том, что психологи не находили «седалища» человеческой души внутри человека лишь только потому, что она – снаружи. «Вся душа есть внешность. Человек живёт, пока у него есть внешность. И личность есть внешность» [8]. Проблема бессмертия для него есть проблема исключительно телесная (названная Шпетом проблемой «бессмертного овнешнения» [7, с. 106]). Разбирая тему субъекта, Шпет специально (и как всегда крайне эмоционально) подвергает разбору понятие субъекта психологического. Категорически отказываясь принять это понятие за имеющее право на объективность, Шпет утверждает, что «психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют» [8]. «Всамделишный» (термин Шпета – Ю.К.) субъект для него есть конкретная живая личность, духовно-телесное единство. И именно в этом смысле «лицо субъекта выступает как некоего рода *репрезентант*, представитель, “иллюстрация”, знак общего смыслового содержания» [9, с. 286]. Необходимо специально подчеркнуть, что Шпет совершенно недвусмысленно относится к идее

разграничения понятийного и концептуального арсенала исследовательских средств философии и психологии. Он настаивает на том, что при «таком (психологическом – Ю.К.) подходе к проблеме ... яснее видна недопустимость субстанционального носителя коллективной души» [9, с. 122] и что «характеристика “носителя” коллективной души как типа, как идеального образования, утверждает принципиально описательный характер соответствующего исследования» [9, с. 122]. Шпет против придания статуса всеобщности понятию ограниченной функциональной полноты, коим является понятие субъекта, чётко разделяя «субстанционального субъекта» и «субъекта идеально-типического» [9, с. 124].

Мысль Г.Г. Шпета с очевидностью движется здесь в русле логики индивидуального объёма (как мы отмечали выше, особого инварианта органической логики Вл. Соловьёва). Он, в частности, утверждает, что «каждый индивид мог бы или должен бы составлять ... своё личное эстетическое уравнение, и с его помощью вносить поправку в субъективное переживание, возвращая ему его объективно-предметное значение» [8]. По поводу таким образом применяемой логики единичного объёма исследователь Л.А. Микешина пишет, что логика у Шпета есть логика «экземплярная», логическая «необобщаемость» индивидуального “Я”, которое одновременно – по-гегелевски – «содержит в себе всё» [4, с. 32].

Область предметного, область объективного существует посредством и благодаря личностной активности, непричинно, но сущностно образуя

собой основу конкретного живого бытия. И здесь, как нам представляется, Шпет демонстрирует не столько своё новое увлечение идеями Дильтея, сколько глубинное философское понимание личностной субстанциональности в традициях русской философии, как она сложилась в 20–30-х гг. XX в. у М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, М.М. Рубинштейна и других мыслителей. От феноменологии – в движении через герменевтику – понятие личности находит свою законченную «авторскую» полноту в социальной психологии, где «лица» – предметы изучения психологии индивидуальной, дифференциальной (характерологии), или там, где предполагается коллективное лицо, коллективный субъект и носитель переживаний – психологии этнической, социальной, коллективной» [8].

Таким образом, историческое движение философской мысли Г.Г. Шпета от чистой феноменологии через герменевтику к построению в 1920-х гг. социальной философии личности говорит, на наш взгляд, о том, что философское творчество Шпета, встроенное в общую канву развития философии личности «второго абсолютного» (философии «всеединства»), обеспечивало существование положительной философии на русской почве, существование пусть в преобразованном новыми философскими открытиями виде, но всё же в традиции философии цельного знания, философии личности В.С. Соловьёва, в которой именно личность играет роль центрального системообразующего концепта онтического, живого конкретного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грюбер Р. «Красноречивей слов иных / Немые разговоры». Понятие формы в сборнике ГАХН «Художественная форма» (1927) в контексте концепции Густава Шпета, русских формалистов и Михаила Бахтина // Логос. 2010. № 2 (75). С. 11–34.
2. Книга «Явление и смысл» Густава Шпета и её значение в интеллектуальной культуре XX века: материалы конференции – круглого стола [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2014. № 5: [сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=960&Itemid=52&option=com_content&task=view (дата обращения: 15.11.2017).
3. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодолённая феноменология. Вл. Соловьёв и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.
4. Культурно-историческое сознание учёных-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: опыт федеральных университетов: материалы круглого стола – онлайн-конференции». Участники: Б.И. Пружинин, Ф.Е. Ажимов, В.В. Балановский, В.Х. Гильманов, О.Л. Грановская, И.Н. Грифцова, И.С. Кузнецова, Л.А. Микешина, В.И. Повилайтис, Д.В. Полянский, В.С. Попова, Р.Ю. Сабанчеев, Г.В. Сорина, В.А. Чалый, И.О. Щедрин, Т.Г. Щедрин, А.В. Юров, С.Е. Ячин // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 5–37.
5. Плотников Н.С. От романтической герменевтики к феноменологии языка: Фридрих Шлейермахер – Павел Флоренский – Густав Шпет // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 107–113.
6. Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет // Comprehensio. Шестые Шпетовские чтения: сборник статей и материалов международной научной конференции, Томск, 1–7 июля 2015 г. / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Издательство Томского университета, 2015.

7. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 179 с.
8. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Научное наследие России: электронная библиотека. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10080437> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.
10. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.
11. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 376 с.
12. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 524–677.

REFERENCES

1. Gryuber R. ["More Eloquent than Words. Silent Conversations". The Concept of Form in the Collection of State Academy of Arts "Art Form" (1927) In The Context of the Concept of Gustav Spet, Russian Formalists and Mikhail Bakhtin]. In: *Logos*, 2010, no. 2 (75), pp. 11–34.
2. [The "Appearance and Sense" by Gustav Spet and its Importance in the Intellectual Culture of the Twentieth Century: proceedings of the Round Table Conference]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2014, no. 5. Available at: http://www.vphil.ru/index.php?id=960&Itemid=52&option=com_content&task=view (accessed: 15.11.2017).
3. Kolesnichenko Yu.V. [The philosophy of personality as a overcome phenomenology. Vl. Soloviev and M.M. Bakhtin]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
4. Pruzhinin B.I. et al. [Cultural and Historical Consciousness of Scholars in Humanities in the Context of Modern Trends in Science: the Experience of Federal Universities. Proceedings of the Round Table Online Conference]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2015, no. 11, pp. 5–37.
5. Plotnikov N.S. [From Romantic Hermeneutics to Phenomenology of Language: Friedrich Schleiermacher – Pavel Florensky – Gustav Spet]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2009, no. 4, pp. 107–113.
6. [Phenomenological and Ontological Conception of G.G. Spet and Humanitarian Projects of the 20th–21st Centuries: G.G. Spet]. In: Mazayeva O.G., ch. ed. *Comprehensio. Shestye Shpetovskie chteniya: sbornik statei i materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tomsk, 1–7 iyulya, 2015 g.* [Comprehensio. The Sixth Readings Dedicated to G.G. Spet: A Collection of Articles and Materials of the International Scientific Conference, Tomsk, July 1–7, 2015]. Tomsk, Tomsk State University Press Publ., 2015.
7. Feshchenko V.V., Koval' O.V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [The creation of the sign: essays on lingvistic and semiotics of art]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2014. 179 p.
8. Shpet G.G. [Introduction to Ethnic Psychology]. In: *Nauchnoe nasledie Rossii: elektronnaya biblioteka* [Scientific Heritage of Russia: electronic Library]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10080437> (accessed: 15.11.2017).
9. Spet G.G. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Form of Knowledge. Selected Works on Philosophy of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 712 p.
10. Spet G.G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p.
11. Spet G.G. *Filosofskie etyudy* [Philosophical Studies]. Moscow, Progress Publ., 1994. 376 p.
12. Spet G.G. [Phenomenon and Meaning. Phenomenology as Fundamental Science and Its Problems]. In: Spet G.G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 524–677.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, head of the Department of Philosophy, Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Неявленная субстанциональность философии Г.Г. Шпета (часть 2) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 93-101
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu.V. The Unmanifested Substantiality of G. Spet's Philosophy (part 2). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 93-101
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-93-101

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1:167; 30: 303.01; 101.1: 316
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-102-113

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗЕРКАЛЬНЫХ НЕЙРОНОВ: К ТЕОРИИ МАСС-МЕДИА

Мурейко Л.В.

*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I
190033, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В условиях увеличивающейся в обществе роли масс-медиа растёт и актуальность проблемы онтологической достоверности широко транслируемых в них представлений о реальности. Для уточнения способности масс-медиа к созданию имитированной копии реальности автор обращается к данным современной нейронауки о так называемых зеркальных клетках мозга. Цель автора – осуществить соотносительный анализ двух феноменов, для которых ведущей является функция обеспечения коммуникации: копирующей и самокопирующей деятельности зеркальных нейронов мозга и конструирования имитации копии, имитированной реальности посредством массмедиа, зеркально замкнутых на собственное воспроизводство через вариативное повторение. Задачи исследования: уточнить нейрофизиологические факторы возможности *широкой* социальной коммуникации; выявить проблемное звено в понимании коммуникативной функции зеркальных нейронов в нейронаучных исследованиях; установить категориальную основу междисциплинарных связей в исследовании проблемы имитации копии реальности и определить роль философии в формировании междисциплинарной методологической базы для поиска решения указанной проблемы. Основные методы исследования – метод аналогии, методы сравнительного и междисциплинарного анализа. Основной вывод исследования: базовой для междисциплинарного исследования проблемы имитации копии реальности может стать философски осмысленная категория «формальная семиотическая матрица».

Ключевые слова: зеркальные нейроны, эмпатия, формальная семиотическая матрица, социальная коммуникация, масс-медиа.

COMMUNICATIVE FUNCTION OF MIRROR NEURONS: TO THE THEORY OF MASS MEDIA

L. Mureyko

Alexander I St. Petersburg State Transport University

9, Moskovskiy ave., St. Petersburg, 190033, Russian Federation

Abstract. In the conditions of the growing role of mass media in the society the relevance of a problem of ontologic reliability of widely broadcast ideas of reality also grows. To specify the mass media ability to create the imitated copy of reality the author addresses the data of modern neuroscience on the so-called brain mirror cells. Neuroscientific research shows that at multiple socially approved repetitions the brain can confuse the real object of reflection with its imitation. The author's purpose is to carry out a correlative analysis of the two phenomena for which the function of ensuring communication is the leading one. They are the following: (1) copying and self-copying activity of mirror neurons of the brain and (2) construction of an imitated copy of the reality by means of the mass media which are tuned to their own reproduction through variable repetitions. Such an approach to the research of the imitating properties of mirror neurons of the brain and the actions of mass media is rather new. The sharpness of the relevance of this research is determined by the fact that artificially designed welfare representation which is constantly repeated in communication is capable of providing changes in cortical representation (Turner, Whitehead, 2008; Burton, 2013). The research problems are (1) to specify neurological factors of the possibility of broad social communication; (2) to reveal a problem link in understanding the communicative function of mirror neurons in neuroscientific research; (3) to establish a categorial basis of cross-disciplinary communications in the research of the problem of imitation of the copy of reality and (4) to define a role of philosophy in forming a cross-disciplinary methodological base for search of the solution of the specified problem. The main conclusion of the research is that the philosophical category "formal semiotic matrix" can be the basis for cross-disciplinary research of the problem of imitation of the copy of reality. The matrix contains the understanding of transformation of specifically biological mechanisms of imitation of reality (in the form of mimicry and recursion) that, being transferred into human communication, have to consider the fundamental social and anthropological bases of practical rationality of a person which are not covered by narrow scientism with its principles of empiricism and economy of resources by all means. The main methods of the research are analogy method, methods of comparative and cross-disciplinary analysis. The theoretical value of this research consists in the specification of the connection between neurological and social conditions of social communication, mass media. Such direction of the research also creates new prospects in studying the potential of consciousness, reflection. The practical application of this research is in strengthening the opportunities of self-checking and public management of the growing tendency of artificial imitation of the reality extending due to technologies of neuromarketing.

Key words: mirror neurons, empathy, formal semiotic matrix, social communication, mass media.

Феномен зеркальных нейронов связывают с особым нейрофизиологическим процессом мимикирии, которой

присущи свойства не только копирования внешней реальности, но и копирования в виде самопроекции нервной

системы. Зеркальные нейроны обеспечивают сходные копии нейронной деятельности как разных индивидов, так и внутренних состояний мозга отдельного существа. Тема зеркальных нейронов раскрывается в трудах М. Арбиба и Дж. Риззолатти [14], У. Матураны и Ф. Варелы [4], Т. Черниговской [10], Х. Томпсона [21], М. Либермана [18], М. Якабони [17] и др.

Открытие «зеркальных нейронов» и «зеркальных систем» связывают с именами М. Арбиба и Дж. Риззолатти. Нейробиолог из Италии Дж. Риззолатти в конце 1980-х гг. изучал с коллегами электрическую активность отдельных клеток премоторной коры лобной доли макаки, когда она брала пищу. Было выявлено, что те же самые клетки мозга активируются и когда обезьянка только наблюдает за кем-то, кто тянется за едой. *Эти-то клетки, регистрирующие движения других, аналоговые собственным, и были названы «зеркальными нейронами» и «зеркальными системами».*

В 2010 г. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе Р. Мукамел с коллегами выявили, что клетки медиально-височной области мозга активируются примерно одинаково не только при собственных сильных переживаниях с соответствующей мимикой лица и при наблюдении сходных эмоциональных выражений других лиц, но и когда испытуемый *лишь имитировал* на своём лице соответствующие эмоции. Исследование Мукамела было представлено научной общественности как открытие непосредственной связи зеркальных нейронов и эмпатии [21].

В целом зеркальные нейроны характеризуются большинством их они

выделяют и задействуют только ту информацию, которая не противоречит понятной системе координат знаковой системы. При этом информация (действие) должна быть доступной органам чувств и *актуальной* для действия, которое предполагает некоторую *самостоятельность*. Зеркальные системы легко активизируются при необходимости *удвоения* воспринимаемого, которое переживается *в качестве важного, значимого*. Особенно они активны при необходимости *предвидения (прогноза)* будущих действий, при *воспоминании о прошлом*, а также при эмоциональном *сопереживании*.

В.С. Рамачандран (известный исследователь в области поведенческой неврологии из Калифорнийского университета в США, г. Сан-Диего), отмечает революционную роль открытия зеркальных нейронов для уточнения представлений об эволюции человеческого мозга, языка, обучения через имитацию. Более того, он полагает, что «зеркальные нейроны послужат для психологии тем же, чем ДНК послужила для биологии» [20]. Знание о них будет способствовать лучшему пониманию эволюции и механизмов коммуникативных, коллективных связей, поскольку зеркальные нейроны могут составлять *универсальную базовую структуру многих психических способностей*, включая эмпатию и «чтение мыслей» [20].

Подобным образом характеризует открытие зеркальных нейронов исследовательница Института человеческой когнитологии и науки о мозге им. Макса Планка С. Шютц-Босбах. Она оценивает это открытие как значительный прорыв в изучении *социальных коммуникаций*, поскольку это

открытие позволяет уточнить их ключевую функцию – *понимание намерений других* [19].

Не отрицая самого факта существования зеркальных нейронов, американский нейрофизиолог Р. Бёртон в своей книге «Разум vs мозг» [1] указывает на некорректность прямого связывания имитирующих действий зеркальных нейронов с «чтением мыслей» и эмпатией. Бёртон не без основания полагает: в понимании другого следует различать чисто познавательное (интеллектуальное) распознавание психического состояния и эмоциональное сопереживание (эмпатию). Можно понимать, что на уме у других, но быть ограниченными в эмоциональном сопереживании.

Подтверждением этому являются исследования, которые выявляют следующий факт: при повреждении вентромедиальной и орбитофронтальной коры мозга нормальная обработка эмоциональных сигналов выходит из строя (или нейтрализуется). Однако при этом *основные когнитивные функции могут выполняться в привычном режиме* [15]!

Обобщая данные нейронаучных исследований, отметим, что зеркальные нейроны создают лишь возможность социально обусловленного эмоционального сопереживания (эмпатии), которая не всегда реализуется. Эмпатия не является безусловной основой социальной коммуникации, которая может функционировать и лишь на базе формальной когнитивной способности. Обозначенный выше аргумент Э. Дамазио [15] усиливается, если принять во внимание исследование автора данной статьи о роли социально-культурного кода в современной социальной коммуникации [11, с. 240–266].

Система зеркальных нейронов функционирует на уровне распознавания преимущественно простых намерений и действий или сильно формализованных. Проблема в том, что частое повторение продуктивного действия приводит к его воспроизведению в автоматическом режиме, когда его упрощённая форма заслоняет процессуально сложные, вариативные, многоаспектные условия, мотивацию её формирования. Именно ставка на такое упрощённое автоматическое действие является основой для многих практик симуляции [16], для выхода на первый план стереотипного мышления [22].

Подчеркнём: полноценный разум человека действует в единстве с социально обусловленными эмоциями, которые играют важную роль в самооценке и не позволяют человеку превратиться в нечто, подобное машине, автомату. Следует подчеркнуть опасность существующей в современной науке тенденции связывания разумности, практической рациональности преимущественно с формальной, логически и прагматически выверенной схемой человеческой деятельности при отбрасывании субъективного мира человека, не приносящего оперативно, в данный конкретный момент успеха в решении поставленной цели, на периферию сознания. Однако в области когнитивной науки такая позиция довольно распространена.

Отталкиваясь от идей когнитивной науки и используя оперативно-функциональный метод, Н. Луман применяет подобный подход к исследованию масс-медиа. В своей работе «Социальные системы» [3] он отмечает, что индивид как социальное существо

чувствует, мыслит, действует через создание как множества собственных копий, так и копий социальных стандартов поведения. Человек пытается воспроизводить их уникальным способом. Но уникальные чувства, включая страдание, в принципе не могут быть аутентично воспроизводимыми, поскольку опосредованы языковой матрицей, кодами знания, власти и др.

В работе «Реальность массмедиа» Луман отмечает, что усилению роли масс и масс-медиа в обществе способствует всё возрастающая техническая возможность одновременного и многотиражного распространения огромного количества копий определённой информации. Поэтому именно «машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации, а не письменность как таковая, привело к обособлению особой системы массмедиа» [2, с. 9].

Действительно, система масс-медиа всё больше подчиняет себе общество своими тиражами-копиями и технологиями привлечения внимания к определённой информации. Стремясь к широкому захвату социальных процессов и учреждению в них своей автономии, система масс-медиа становится отражённым образом-имитацией себя в многочисленных «зеркала» собственных конструкций реальности, причём якобы безусловной реальности в новых условиях глобализации и информационных технологий. Машинный характер масс-медиа обращён к автоматическим актам мышления, которые могут создавать видимость технически выверенных, продуктивных схем деятельности, в которых субъектность, субъективность человека способны создавать излишние помехи.

Кроме того, автоматически протекающие акты мышления, нейтрализуя субъектность и субъективность человека, могут создавать иллюзию естественности чувств, их непосредственной связи с самой реальностью, со средой обитания.

Именно поэтому техничность и средовый характер циркуляции информации, создающие условия для отрыва знака от его исходного значения, – главные свойства масс-медиа, которые обеспечивают им возможность широкой автономии на основе имитации реальности. В этих условиях рекурсия масс-медиа (свойство мимезиса, посредством которого система производит разнообразные подобию (имитации) себя) осуществляется так, что чужое втягивается в свой собственный мир, но не сливается с ним полностью. В массмедиа на первый план выходит феномен искусственной имитации. Это проявляется в возможной спекуляции на готовности к воспроизведению состояний другого существа в автоматическом режиме *как своего собственного*. Условием для этого является *формальная семиотическая матрица*, стремящаяся к уравниванию своего и иного, объективного и субъективного за счёт выхолащивания определённого значения знака. Знак начинает как бы скользить по поверхности разных значений. Механизм этого процесса детально проанализирован признанными авторитетами в области философско-социологической теории массмедиа (Ж. Бодрийяр, У. Эко, Н. Луман, Р. Барт и др.).

Подведём предварительные итоги вышесказанного.

(1) Сферой совпадения зеркальных систем мозга человека и системы масс-

медиа, а также оперативно-ориентирующей базой их коммуникативной функции является социально обусловленная формальная семиотическая матрица, программирующая горизонт смысловой среды, являющаяся рационально-нормативной основой конкретных значимых действий и подходящая для любого индивида. Современные массмедиа в большинстве случаев стремятся создать имитацию её отсутствия или прозрачности в отношении к реальности за счёт фрагментации целостного мировоззрения. Поддержание эффекта отсутствия формальной семиотической матрицы обеспечивается ставкой на преимущественно визуальный способ обработки информации и игровой механизм инверсии оппозиций (прежде всего таких как субъект и объект). Формальная семиотическая матрица – важнейшее условие, обеспечивающее исходную основу рациональности социальной коммуникации. Но для полноценной коммуникации ещё требуются культурно развитые чувства и разум, ценящие уникальность и свободу каждого человека.

Сама возможность собственно человеческой, культурной, символической коммуникации нейрофизиологически обусловлена, скорее всего, именно тем фактом, что готовность зеркальных нейронов к воспроизведению состояний другого существа в автоматическом режиме как своего собственного дополняется примерно таким же их функционированием *и при искусной имитации соответствующих действий*. Масс-медиа за счёт ставки на большие тиражи копируемой информации, автоматические акты мышления, отрыв знака от его

исходного значения всё больше придаёт нейрофизиологическому механизму имитации искусственный характер.

(2) Философски осмысленная категория «формальная семиотическая матрица» может стать базовой для междисциплинарной методологии. Данную категорию можно рассматривать в качестве «собирательной» или «сквозной» для следующих категорий. Это «доминанта», «установка» (в классической нейрофизиологии и психологии), «формальная когнитивная матрица», «когнитивная схема» (в современной нейробиологии, в когнитивной психологии), «семантический примитив», «фрейм» (в лингвистике), «архетип», «социально-культурный код», «практическая схема» (в культурологии, социологии, философии).

Категория «формальная когнитивная матрица», широко используемая в когнитивной науке, не может быть базовой для междисциплинарной методологии, поскольку она «нагружена» экспериментальной установкой. Мозг человека, его разум, субъективность способны функционировать иначе за рамками определённых условий эксперимента. Здесь нужна философски опосредованная категория.

Предпочтительность обозначения междисциплинарной категории как «формальная семиотическая матрица» (а не «когнитивная») состоит в том, что зеркальные клетки мозга человека как нейрофизиологическая основа возможности коммуникации активизируются преимущественно в *знакомой знаковой среде*. Будем также иметь в виду, что обозначение реальности и его трансляция в социальной коммуникации в условиях глобализации имеют *особый семиотический статус*,

призванный обеспечить среду семантического уплотнения. Знак оказывается многозначным. Именно в таком виде благодаря новым техническим средствам он особенно востребован для обозначения переходных состояний индивида в имитации им иного как своего в невиданных ранее масштабах и формах. Человек вписывается в коммуникативную социально обусловленную ценностно-нормативную среду всегда посредством исторически определённых дискурсивных практик.

Заметим, индивид с культурно развитыми чувствами и разумом во имя сохранения своей уникальности, свободы может искусно имитировать формальную символическую матрицу, а в сообществе с другими такими же индивидами он может способствовать её реальной трансформации. Выявляя условия становления субъекта в процессе осознания им формальной символической матрицы, её можно рассматривать в духе идеи М. Фуко о формальных дисциплинарных практиках общества в их соотношении с процессами субъективации [12, с. 184]. Субъективация, по Фуко, – это организация процесса самосознания, включённого в социальную практику. М. Табачникова, анализируя значение термина «субъективация», как оно использовалось Фуко в его работе «Воля к знанию», отмечает, что этот термин одновременно соединяет два смысловых момента: и (1) «отданный во власть», «поданный», и (2) «субъект», «лицо». Тем самым Фуко подчёркивает, что конституирование субъекта как такового происходит в обоих смыслах [9, с. 366]. Сама по себе тотальная дисциплинарная унификация людей в «одно лицо» – не достаточно эффек-

тивный механизм власти, управления ими. Согласно Фуко, он дополняется универсальным принципом разделения людей – паноптизмом, что означает «абстрактная формула ... технологии производства индивидов» [13, с. 330]. На практике это замкнутое на себя, сегментированное пространство, «где каждое движение контролируется, где все события регистрируются ... где каждый индивид локализован, где его изучают...» [13, с. 288]. Т. е. социальная дисциплинарная тактика, стремясь упорядочить множественность индивидов, характеризует индивида именно как индивида, выступая техникой «внешней субъективации». «Внутренняя субъективация» реализуется посредством «техники себя», «техники жизни», призванной к тому, чтобы быть свободным, ответственным, «делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля» [13, с. 280]. Но полной свободы от принуждения к общезначимым практикам формализации не может быть и в этом случае.

Стоит согласиться с Фуко в том, что в реальной практике внутренняя и внешняя стороны процессов субъективации тесно переплетены. Обуславливая друг друга, они обеспечивают единство процесса субъективации. Отталкиваясь от этой идеи, можно заключить: базовая социально обусловленная основа становления субъекта, составляя условие коммуникативного взаимодействия с Другим, двойственна. Условно две её стороны можно представить в виде направленных друг на друга двух зеркальных поверхностей. Одна из них характеризуется функцией мощной формализации

действий индивида. Другая – способностью к преобразованию самого способа формализации первой стороны (под воздействием постепенно обретающего свободу сообщества субъектов). Их имитирующее друг друга (как бы зеркальное) сходство состоит в том, что обеим сторонам свойственны и формализация, и индивидуализация воспринимаемого Другого.

Выводы

1. В целом нейрофизиологические факторы самой возможности социальной коммуникации определяются функцией удвоения воспринимаемого зеркальными системами. Речь идёт прежде всего о таком способе удвоения воспринимаемого, когда одни и те же клетки мозга, называемые зеркальными, активизируются (порождая схожий поведенческий результат) и при выполнении определённых действий самим разумным существом, и при наблюдении им аналогичных действий со стороны другого человека. Нейромаркетинг и масс-медиа активно спекулируют на готовности зеркальных нейронов к воспроизведению состояний другого существа в автоматическом режиме как своего собственного. Сама манипуляция возможна потому, что те же зеркальные клетки функционируют *примерно так же и при искусной имитации соответствующих действий*.

2. Проблемное звено в понимании коммуникативной функции зеркальных нейронов в нейронаучных исследованиях состоит в признании / не признании эмпатии (сопереживания) как их характерного свойства. Сторонники признания эмпатии справедливо подчёркивают риски сведения основы социальной коммуникации к формаль-

ной рационализации машинного типа, особенно характерной для масс-медиа. Однако формальную рационализацию можно понимать по-разному. Для самой возможности коммуникации важно, чтобы базовая система формализации (без которой не обойтись!) усматривала в отдельном индивиде не столько противостоящее себе, сколько «своё иное». На элементарном или очень сложном уровнях это возможно и без эмпатии, на базе «внешней субъективации» (М. Фуко), учитывающей особенности индивида. Перспективным представляется сравнительный анализ механизма имитации «внешней субъективацией» «внутренней субъективации» в массовом и элитарном сознании. Этот механизм может иметь как утилитарно-манипуляционный, так и гуманистический характер.

3. Общим свойством зеркальных систем мозга человека и системы социальной коммуникации, масс-медиа, а также «ядром» их функционирования, обуславливающим обычно неосознаваемую рационально-нормативную основу жизнедеятельности человека, является производство формальной матрицы значений тех или иных предметов, процессов. В человеческой коммуникации функционирование формальной матрицы, расширяющейся за счёт искусственной имитации реальности, осуществляется посредством искусственной системы знаков (прежде всего культурных символов) и технических (технологических) средств.

4. Ключевой в категориальном аппарате междисциплинарных исследований имитации копии реальности должна быть философски осмысленная общая («сквозная») категория – «формальная семиотическая матри-

ца». Роль философии в создании междисциплинарной методологии для исследования проблемы имитации копии реальности заключается в акцентировании вопроса о фундаментальных биосоциальных основаниях самосознания (рекурсивного удвоения «Я», «Мы») [5] с учётом влияния на него фактора социально измеряемого времени [6; 8]. В междисциплинарной

методологии также важно учитывать фундаментальные социально-антропологические основания практического разума человека, философское понимание которого не сводимо к сциентистским, прагматическим принципам эмпиричности, оперативности и экономии ресурсов (в том числе временных) любыми средствами [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бёртон Р. Разум vs мозг / пер. с англ. Ю.В. Рябиной. М.: Э, 2016. 304 с.
2. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
3. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
4. Магурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
5. Мурейко Л.В. Мимезис и рекурсия: к проблеме социальной коммуникации в эпистемологическом аспекте // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 132–138.
6. Мурейко Л.В. Практическая рациональность: к проблеме массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 113–123.
7. Мурейко Л.В., Бахтин М.В., Клименко И.И. Фактор времени в массовом сознании: эпистемологический аспект проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 С. 20–33.
8. Самылов О.В. «Альтернативная история» и классическая интерпретация принципа историзма // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 56–68.
9. Табачникова С. Комментарии // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 327–396.
10. Черниговская Т.В. Когнитивный романтизм в зеркале контекстов // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. IX. № 3. С. 71–77.
11. Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты: монография / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2017. 272 с.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
14. Arbib M.A., Rizzolatti G. Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language // Communication and Cognition. 1997. No. 29. P. 393–424.
15. Damasio A. Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain. New York: Avon Books, 1995. 313 p.

16. Goldman A. *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. London: Oxford University Press, 2006. 384 p.
17. Iacoboni M. Imitation, Empathy, and Mirror Neurons // *Annual Review of Psychology*. 2009. No. 60. P. 653–670.
18. Lieberman M. Social Cognitive Neuroscience: A Review of Core Processes // *The Annual Review of Psychology*. 2007. No. 58. P. 259–289.
19. Mirror Neurons Also Respond to Language and Sound // SEEDMAGAZINE.com. URL: http://seedmagazine.com/content/print/mirror_neurons_also_respond_to_language_and_sound (дата обращения: 30.11.2017).
20. Ramachandran V.S. The tell-take brain [Электронный ресурс] // Indian Institute of Technology – Jodhpur: [сайт]. URL: <http://home.iitj.ac.in/~gk/Psyche/listed/10.%20The%20Tell-Tale%20Brain%20-%20V%20S%20Ramachandran.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).
21. Thompson H. Empathetic mirror neurons found in humans at last [Электронный ресурс] // New Scientist: [сайт]. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg20627565.600-empathetic-mirror-neurons-found-in-humans-at-last> (дата обращения: 30.11.2017).
22. Wheeler M.E., Fiske S.T. Controlling Racial Prejudice. Social-Cognitive Goals Affect Amygdala and Stereotype Activation // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. No. 1. P. 56–63.

REFERENCES

1. Burton R. *Razum vs mozg* [Mind vs Brain]. Moscow, E Publ., 2016. 304 p.
2. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Moscow, Praksis Publ., 2005. 256 p.
3. Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy: ocherk obshchei teorii* [Social Systems: essay on General Theory]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 648 p.
4. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: the Biological Roots of Human Understanding]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 223 p.
5. Mureiko L.V. [Mimesis and Recursion: the Problem of Social Communication in Epistemological Aspect]. In: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, no. 4 (255), pp. 132–138.
6. Mureiko L.V. [Practical Rationality: the Problem of Mass Consciousness]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2009, no. 114, pp. 113–123.
7. Mureiko L.V., Bakhtin M.V., Klimenko I.I. [The Time Factor in Mass Consciousness: Epistemological Aspect of the Problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2012, no. 1, pp. 20–33.
8. Samylov O.V. [“Alternative History” and the Classic Interpretation of the Principle of Historism]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2013, no. 1, pp. 56–68.
9. Tabachnikova S. [Comments]. In: Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to the Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996, pp. 327–396.
10. Chernigovskaya T.V. [Cognitive Romanticism in the Mirror Contexts]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2006, vol. IX, no. 3, pp. 71–77.

11. Klyagin S.V., Shipunova O.D., eds. *Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Philosophy of Communication. Theoretical-Methodological Aspect]. St. Petersburg, Publishing House of Polytechnic Publ., 2017. 272 p.
12. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to the Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p.
13. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.
14. Arbib M.A., Rizzolatti G. Neural expectations: A possible evolutionary path from manual skills to language. In: *Communication and Cognition*, 1997, no. 29, pp. 393–424.
15. Damasio A. *Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain*. New York, Avon Books, 1995. 313 p.
16. Goldman A. *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. London, Oxford University Press, 2006. 384 p.
17. Iacoboni M. Imitation, Empathy, and Mirror Neurons. In: *Annual Review of Psychology*, 2009, no. 60, pp. 653–670.
18. Lieberman M. Social Cognitive Neuroscience: A Review of Core Processes. In: *The Annual Review of Psychology*, 2007, no. 58, pp. 259–289.
19. Mirror Neurons Also Respond to Language and Sound. In: *SEEDMAGAZINE.com*. Available at: http://seedmagazine.com/content/print/mirror_neurons_also_respond_to_language_and_sound (accessed: 30.11.2017).
20. Ramachandran V.S. The tell-take brain. In: *Indian Institute of Technology – Jodhpur*. Available at: <http://home.iitj.ac.in/~gk/Psyche/listed/10.%20The%20Tell-Tale%20Brain%20-%20V%20S%20Ramachandran.pdf> (accessed: 30.11.2017).
21. Thompson H. Empathetic mirror neurons found in humans at last. In: *New Scientist*. Available at: <https://www.newscientist.com/article/mg20627565.600-empathetic-mirror-neurons-found-in-humans-at-last> (accessed: 30.11.2017).
22. Wheeler M.E., Fiske S.T. Controlling Racial Prejudice. Social-Cognitive Goals Affect Amygdala and Stereotype Activation. In: *Psychological Science*, 2005, vol. 16, no. 1, pp. 56–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии факультета экономики и менеджмента Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Mureyko – PhD in Philosophy, associate professor, associate professor at the Departments of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Faculty of Economy and Management, Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мурейко Л.В. Коммуникативная функция зеркальных нейронов: к теории масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 102-113

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-102-113

FOR CITATION

Mureyko L.V. Communicative Function of Mirror Neurons: to the Theory of Mass Media. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 102-113

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-102-113

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-114-122

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ЕДИНЕНИИ СЛАВЯН И ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЁН ВО ВРЕМЕНА ФРАНКСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Филяева Т.М.*Австрийский экзаменационный центр (ÖSD)**125009, г. Москва, Брюсов пер., д. 8-10, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются причины, условия и факторы эволюции и интеграции культуры и языка славян в содержание культуры и языка германских племён в период франкского феодализма. Автор, используя труды немецких учёных, которые были посвящены исследованию проблем бытия социальных общностей германских племён, предпринял попытку осмыслить содержание и сущность некоторых аспектов этого процесса путём выделения в нём общих и особенных черт и свойств. Выводом данного исследования утверждается мысль, что в процессе эволюции и интеграции культуры и языка выделенных социальных общностей проявились тенденции к их взаимной адаптации, которые имеют характер объективно-субъективных закономерностей, проявивших себя в дальнейшем развитии этносов и наций.

Ключевые слова: культурно-языковое единение, франкский и немецкий феодализм, славянское право, славянские семьи, объективно-субъективные закономерности.

GENERAL AND SPECIAL IN CULTURAL AND LINGUISTIC UNITY OF THE SLAVS AND GERMANIC TRIBES DURING THE FRANKISH FEUDALISM

T. Filyaeva*Austrian examination center (ÖSD)**Bryusov per., 8-10, building 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract. This article discusses the causes, conditions and factors of the evolution and integration of the culture and language of the Slavs in the content of the culture and language of the Germanic tribes during the period of Frankish feudalism. Using the materials of German scientists dedicated to the exploration of the problems of the Germanic tribes' being the author attempts to comprehend the essence and content of certain aspects of the process by revealing its common and special properties. The research findings show that in the process of evolution and integration of the culture and language of the social communities under study the tendency was revealed of their mutual adaptation, which is in the nature of objective-subjective patterns that have shown themselves in the further development of ethnic groups and nations.

Key words: cultural and linguistic unity, Frankish and German feudalism, Slavic law, Slavic family, objective-subjective patterns.

Прежде чем мы приступим к раскрытию содержания заявленной темы, определимся с культурой германских и славянских социальных общностей, которые в период франкского феодализма наличествовали в Европе.

Отметим, что германские племена в этот исторический период населяли территорию, ограниченную Рейном на западе и Вислой на востоке, Альпами и Дунаем на юге, Северным и Балтийским морями на севере. Они жили также в южной части Скандинавского полуострова.

В бассейне Вислы и далее к востоку, а также в ряде других областей рядом с германцами жили славянские племена. Они расселились на обширной территории от Эльбы и Одера до Донца, Оки и верхней Волги, от Балтийского поморья до среднего и нижнего Дуная и Чёрного моря.

Что касается франкского государства, то сама социальная общность – франки – впервые упоминается в римских источниках в III в. н. э. По своему составу это был большой племенной союз, который сложился из нескольких более древних германских племён.

Франки жили по нижнему и среднему течению Рейна и морскому побережью по Шельде. В III–IV вв. франки часто нападали на римскую Галлию в поисках новых мест для поселения. К второй половине IV в. они заняли Токсандрию. Это была область между Масаом и Шельдой. Там они поселились в качестве федератов империи. К середине V в. салические франки распространили свои владения на юг и запад до Соммы [4, с. 460].

В дальнейшем вождь одного из франкских племён «салиев», имя которого было Хлодвиг, после падения За-

падной Римской империи начал завоевание северо-восточной Галлии. Ею в это время правил римский магнат Сиагрий. Он был там в качестве наместника императора.

Разгромив в 486 г. близ Суассона войска Сиагрия, Хлодвиг захватил земли вплоть до Сены. Затем он расширил владения франков до Луары. Захватив значительную часть Галлии, Хлодвиг устранил королей салических франков, а также других франкских племён. В дальнейшем он объединил под своей властью всех франков.

Чтобы укрепить свою власть, Хлодвиг совершил интересный маневр. Он в 490 г. вместе со своей дружиной принял христианство по обряду ортодоксальной церкви. Это был ловкий политический шаг. Он позволил ему в ходе дальнейшего завоевания Галлии получить поддержку галло-римского духовенства, ибо они видели в арианской ереси угрозу своим богатствам, церковной собственности.

Интересен и такой приём Хлодвига. Завоевая Галлию, франки в отличие от вестготов, остготов и других германских племён никогда не порывали связи со своей родиной в Германии. Политически и фактически это обеспечивало им постоянный «приток» свежих сил из-за Рейна.

Наряду с такими интересными и значимыми для достижения полноты власти шагами франки практически исключали процессы раздела земель между ними и местным галло-римским населением. Для этого они располагались главным образом на пустующих землях. На завоеванных землях франки селились кровнородственными объединениями. Фактически это были большие семьи.

Как итог, в 486 г. в северной Галлии возникло Франкское государство. Во главе этого государства стоял вождь салических франков Хлодвиг. Он был из рода Меровея. В истории Франкского государства это нашло отражение в следующем названии: династия Меровингов.

Так начался первый этап истории Франкского государства, охватывающий период с конца V в. до конца VII в., который стал называться меровингским [2].

При Хлодвиге в 507 г. была завоевана Аквитания. А уже при его преемниках в 534 г. была завоевана Бургундия. В 536 г. остготы уступили франкам Прованс. И к середине VI в. Франкское государство включало почти всю территорию бывшей римской провинции Галлия. Франки подчинили себе также ряд германских племён, живших за Рейном. В результате верховную власть франков признали тюринги, алеманны и бавары. Одновременно саксы принуждены были платить им ежегодную дань [4, с. 463–465].

Франкское государство просуществовало значительно дольше, чем все другие королевства континентальной Европы, и поэтому его история позволяет проследить путь развития в нём не только феодальных отношений от самой ранней стадии до их завершения, но и изменений в культуре и языке социальных общностей, которые в это время заселяли территории этого государства.

Хотелось бы отметить, что процесс феодализации происходил здесь в форме синтеза разлагающихся поздне-римских и германских родоплеменных отношений. При этом соотношение тех и других было не одинаково на се-

вере и на юге страны. Так, к северу от Луары, где франки с их довольно примитивным ещё общественным строем занимали сплошные территории и составляли значительную часть населения, культуры социальных общностей взаимодействовали примерно в одинаковой пропорции. Это было обусловлено тем фактом, что франки селились здесь изолированно от галло-римского населения. Они дольше, чем на юге, сохраняли принесённые с собой общественные порядки, в частности свободную общину.

Другие процессы происходили в областях к югу от Луары. Там франки были малочисленны. Более того, осевшие здесь раньше вестготы и бургунды оставались в меньшинстве. Эти последние задолго до франкского завоевания жили в постоянном и тесном контакте с галло-римским населением. Поэтому влияние позднеантичных отношений играло здесь в процессе синтеза культур гораздо более значительную роль, чем на севере страны. Кроме того, разложение общественных порядков здесь происходило быстрее.

При Карле Великом Франкское государство достигло наибольшего могущества. Это было в период с 768 по 814 гг. [8].

Этот государственный деятель проводил завоевательную политику. Его целью было создание мировой империи. Он подчинил Саксонию, баваров.

Франкское государство пыталось распространить своё господство и дальше на восток, в земли славян. Во время саксонских войн франки вошли в контакт с полабскими славянами. Ободриты, постоянно враждовавшие с саксами, стали союзниками франков. На юго-востоке франки подчинили

Словению (Каринтию) и Хорватию, занимавшую северо-западную часть Балкан.

После присоединения Баварии к Франкскому королевству начались войны франков с аварами. Что интересно, победу над аварами франки одержали благодаря совместными со славянами военными действиями.

Завоевание огромных территорий намного расширило границы Франкского государства. Теперь оно простиралось от реки Эбро и Барселоны до Эльбы и Балтийского побережья, от Ла-Манша до Среднего Дуная и Адриатики, включая почти всю Италию [7, s. 460].

Что касается славян, то основной отраслью хозяйства славянских племён было осёдлое земледелие.

По уровню хозяйственного развития славяне не уступали соседним с ними германцам. Основными их занятиями были земледелие и скотоводство. Например, землю они вспахивали плугом с железным лемехом и сохой. Убирали урожай с помощью серпа и косы. Разводили разные виды скота и домашней птицы. Немалое значение в их хозяйственной жизни имели рыболовство, охота и бортничество.

Следует также отметить, что у славян были развиты следующие ремёсла: железоделательное, ткацкое и гончарное.

По данным археологических исследований, у славян были развиты обработка металлов, ювелирное дело и гончарное производство с гончарным кругом. Многочисленные находки в славянских могильниках и поселениях римских монет и предметов свидетельствуют о развитии торговых связей с империей [10, s. 293].

В VI в. у славян происходит распад родовых связей. Основной хозяй-

ственной и социальной единицей становится община. По своему характеру и «духу» она была близка германской земледельческой общине. В дальнейшем она «переросла» в соседскую общину-марку.

Наряду с общинным характером бытия, у славян ещё долго сохранялись большие семьи или домашние общины. У южных славян они назывались задругами.

Что касается политического строя, то его можно было охарактеризовать как военно-демократический. Наиболее важные вопросы ставились и решались у славян на народных собраниях. Каждое племя имело своих вождей, называемых князьями. С VI по VII вв. у славян растёт имущественная и социальная дифференциация. В процессе образования неравенства и возникновения сословий власть князей становится наследственной. В это период усиливается влияние знати. Некоторые отдельные славянские племена объединяются в племенные союзы.

Почему речь может идти о военной демократии, так потому, что славяне были храбрыми и искусными воинами. Их никоим образом нельзя было обратить в рабство или подчинить [10, s. 360].

Со второй половины VI в. внутреннее ослабление Византии открыло славянам и другим социальным общностям путь для новых вторжений и для поселения в пределах Европы. Именно поэтому период с IV по VII вв. в истории называют Великим переселением народов. Всё дело в том, что в этот период произошел процесс миграционных перемещений. Большое количество племён, в том числе и славяне, с окраин переместились в центр Европы. По расчётам ряда историков,

общее число вновь прибывших людей, осевших в Европе, составляло 5% населения данного региона [6, p. 438].

Переселение как процесс характеризовалось тем, что население прибывало со своими стадами, кибитками, полными детей и женщин, с множеством всадников-мужчин всех возрастов и молодых незамужних женщин. Возглавлялись эти общности сильными и агрессивно настроенными вождями племён, кланов, племенных союзов [6, p. 595, 596].

Культура этих общностей отличалась от культуры европейцев, которые к тому времени приняли культуру римлян. А их воинственный крик, как заявлял Ф.Р. Шатобриан, заставлял сильнее биться сердца самых неустрашимых римлян [5].

Во время великих переселений славяне продвинулись далеко на запад и юг. Западные славяне в V–VI вв. жили уже по Лаббе (Эльбе), а местами и западнее неё. Они распадались на ряд этнических общностей, занимавших обособленные территории. По Висле и Варте до Одры (Одер) и Нейсе обитали племена польской группы. По верхней Лаббе и её притокам расселялись чешско-моравские племена, севернее их располагались племена сербо-лужицкой группы. На нижней Лаббе до Балтийского побережья жили многочисленные племена лютичей (вильцев) и ободритов (бодричей). На прибрежных островах Балтики обитали племена балтийской группы [11, s. 68].

Как мы отметили, в VI–VII вв. Франкское раннефеодальное государство покорило и объединило некоторые германские племена, в том числе и славянские общности, проживавшие в те давние времена на территории

нынешней Германии. Это единение создало объективные предпосылки изменения культуры и языка у всех общностей [11, s. 68].

Происходило это под влиянием установления кратковременных законов, заключения своеобразной дружбы или обоюдного уважения – *amicitia*.

При этом культурно-языковая эволюция охватывала племенные группы алеманов, бургундов, баваров, тюрингов и старосаксонцев. После того как на востоке были побеждены варны, в 595 г. было установлено дружественное отношение со славянами восточнее реки Заале. Так как у меровингов вследствие их внутренних противоборств ускользнуло из рук господство над саксонцами, то в VI в. христианизация стала главной целью каролингов. Лишь после этого, примерно с начала IX в., они снова, но уже с большей силой стали взаимодействовать со славянами восточнее рек Эльбы и Заале.

Процесс эволюции культуры и языка всех этих общностей детерминировался тем жизненным фактом, что все они были включены в «единую жизнь» в рамках существования опорных баз-крепостей. Они в начале IX в. были созданы в Брюкенкопфе перед Галле и Магдебургом [7, s. 156].

В конечном итоге определение границ торговых мест западнее двух рек через знаменитый Диденхофер в IX в. послужило защитой пограничной зоны, дальнейшее расширение которой в последующие годы привело к единоорганизованным маркграфствам. И это явилось условием взаимной эволюции языковой и духовной культуры славянских и германских общностей.

Субъективным фактором в этом процессе выступили практические деяния Карла Великого и его последователей. Например, как отмечает Й. Германн [10], его закон о возведении славянских церквей на территории восточного Бамберга, также как и им данное поручение монастырю Херсфельд на местности Хассегау западнее Мерзебурга-Галле об установлении единения между разными общностями, способствовал реальной интеграции славян, живущих западнее реке Заале, их культуры и языка с германскими племенами и созданию Франкского феодального государства [9, s. 226].

Реальным фактом, подтверждающим «проникновение» славянской культуры и языка в культуру германских племён, является включение славян в армию германских королей. Так, в этот период армия короля Арнульфа, как свидетельствуют грамоты восточно-франкского государства IX в., включала славян. Более того, о высоком социальном статусе славян и, естественно, их культуры свидетельствует высокое уважение, которое им оказывала знать франкского государства. На праздниках они равноправно с франками, саксонцами, алеманами принимались королем и их так же, как и другие общности, чествовали.

Следует отметить, что и сами славяне не противились этой интеграции и культурно-языковой эволюции. Показательным в этом отношении были действия северобаварской славянской группы. Она составляла своеобразную землю славян, «terra Sclavorum», на верхнем Майне и Регнице. Она была «страной под господством славян». Другими словами, географиче-

ски цельной славянской территорией. Однако они сами «упразднили» свою относительную самостоятельность и были включены в состав франкского государства посредством построения франкских оборонительных крепостей. В результате, как пишет Й. Германн [4], вскоре после смерти Карла Великого, примерно в 816–817 гг. началось строительство саксонско-славянского города Лимес, который, несмотря на повторяющиеся наступления ободритов, стал зоной стабильности [10, s. 227].

Общая тенденция культурного единения славян и германских племён проявлялась и в майнско-франкских, а также тюрингских землях. Там были расположены славянские поселения вместе немецкими поселениями. И это свидетельствует о том, что славян, как желательных поселенцев, поддерживали и простые представители германских племён, и феодалы. Фактором, который обуславливал интегрирование славян с германцами, была христианская вера. Если славяне её принимали, они «уравнивались» тогда даже в правах на землю. Так это происходило в Нордхаузене, в Тильде, в Вальхаузене, Альтштедте, Мемлебене, а также при Хольштадте, Кройсене, Кемнате в северной Баварии, при Заальфельде в верховьях Заале и др. Там они считались как «коронные крестьяне» [10, s. 228].

Правда, во время раздоров, особенно военных, некоторых славян, особенно славянские семьи, ловили и обращали в рабство. Так было на севере при саксонско-ободритских войнах [10, s. 229].

«Право на владение» обращённого в рабство, который являлся ленником, являлось особым правом. Это право

обычно приобреталось в результате символического обряда ввода во владение, но иногда могло возникнуть и по давности фактического владения.

При этом ленник, принесший господину присягу на верность, являлся «обязанным» господину как «его» человек. Военная служба, о которой господин в присутствии двух свидетелей объявлял за шесть недель до похода, должна была осуществляться в пределах германской земли.

Если же господин отнимал у вассала имение или необоснованно и несправедливо отказывал в наделении леном, то ленник мог жаловаться высшему господину, который должен был потребовать у нижестоящего господина оказать надлежащее правосудие под угрозой перехода имения и вассалитета в руки вышестоящего господина [1, с. 438].

Отличным в эволюции славян, их быта и культуры от германских племён был характер их повинности. Об этом говорится в Фульдских летописях, где содержатся положения о «Правах и обычаях славян» – *Leges et consuetudines Sclavicae gentis*. Данное «право», одобренное папой Цахариасом, предоставляло феодалам возможность осуществлять сбор дани у свободных и несвободных славян по своему усмотрению.

Вследствие этого культура и язык славян стали «огерманиваться», одновременно интегрируясь в содержание и формы немецкого языка [11, с. 209].

Кроме этого, славянские социальные общности, переселившиеся в Европу, принесли с собой «тонкую» технику обработки металлов, ювелирное и кожевенное мастерство. Но одновременно они с почтением относились к

образованности и достижениям римской культуры [3, с. 80–84].

В этот период начала формироваться совершенно новая, доселе невиданная христианская культура. Загнанное римлянами в подполье и катакомбы христианство в IV в. выходит на общественную сцену, а затем начинает играть заглавную роль во всей западной цивилизации. Оно постепенно начинает определять содержание политики и социального устройства франкского феодального общества. Это был гигантский культуроформирующий процесс. Посредством его «истреблялась» языческая культура и рождалась новая западноевропейская [3, с. 85, 86].

На основании полученных результатов этого процесса можно утверждать, что Ренессанс в этом смысле являл собой проявление глобального культурного ассимиляционного процесса. А содержание Просвещения можно охарактеризовать как кульминацию этого процесса, его победную точку.

Что касается культуры организации общностей и управления, то она во время франкского феодализма с его славянским интеграционным процессом основывалась на принципах вассалитета. «Вольный» сеньор имел возможность на оскорбление со стороны короля ответить объявлением ему войны.

Богатство становилось своеобразным маркером щедрости, широты натуры, гостеприимства и доблести феодала. Честь – это высшая ценность. В связи с этим она закреплялась и проявлялась в бесчисленных ритуалах, процедурах, клятвах, присягах, символах, которыми сопровождались все до-

говоры, сделки, собрания и без которых они не имели бы силы [3, с. 89–91].

В качестве обобщения можно сказать, что культура славян и их язык на территории феодальных германских земель не только эволюционировали в

плане их адаптации к культуре и языку германских племён, но и оказывали значимое влияние на их культуру и язык, изменяли их форму и содержание, придавали им элементы славянизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. История государства и права зарубежных стран: учеб. для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004. 624 с.
2. История средних веков: учеб. для студ. ист. фак. пед. ин-тов / М.Л. Абрамсон и др.; под общ. ред. Н.Ф. Колесниченко. 2-е изд. испр. и доп. М.: Просвещение, 1986. 575 с.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
4. Нестор И. «Варварский мир» и конец античного мира // Доклады XIII Международного конгресса исторических наук, Москва, 16–23 августа 1970 г. М.: Наука, 1970. С. 460–468.
5. Шатобриан Ф.Р. Общая картина жизни варваров в эпоху Великого переселения народов [Электронный ресурс] // Молот Тора: [сайт]. URL: <http://molottora.narod.ru/book/st/varvar.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
6. Braudel F. Civilization and Capitalism: 15th–18th Century: Vol. II. The Wheels of Commerce / transl. from the French by S. Reynolds. London: Book club associates, 1983. 671 p.
7. Coing H. Epochen der Rechtsgeschichte in Deutschland. München, Beck, 1981. 132 s.
8. Christ K. Römer und Barbaren in der hohen Kaiserzeit // Saeculum. 1959. No. 10. S. 273–288.
9. Gerhard W. Zur Frage der federierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit. „Historia“, Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, 1967. 251 s.
10. Hermann J. Die Slawen in Deutschland. Berlin, Akademie Verlag, 1970. 590 s.
11. Köbler G. Deutsche Rechtsgeschichte. Ein systematischer Grundriss der geschichtlichen Grundlagen des deutschen Rechts von den Indogermanen bis zur Gegenwart. München, Vahlen, 2005. 308 s.

REFERENCES

1. Zhidkov O.A., Krasheninnikova N.A., gen. eds. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of State and Law of Foreign Countries]. Moscow, Norma Publ., 2004. 624 p.
2. Abramson M.L. et al. *Istoriya srednikh vekov* [The History of the Middle Ages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 575 p.
3. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Medieval Civilization of the West]. Moscow, Progress Publ., Progress-Akademiy Publ., 1992. 376 p.
4. Nestor I. [“Barbarian World” and the End of the Ancient World]. In: *Doklady XIII Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk, Moskva, 16–23 avgusta 1970 g.* [The Proceedings of the 13th International Congress of Historical Sciences, Moscow, August 16–23, 1970]. Moscow, Nauka Publ, 1970, pp. 460–468.
5. Chateaubriand F.-R. [The General Pattern of Life of the Barbarians during the Great Migration of Peoples]. In: *Molot Tora* [Thor’s Hammer]. Available at: <http://molottora.narod.ru/book/st/varvar.htm> (accessed: 15.11.2017).
6. Braudel F. Civilization and Capitalism: the 15th–18th Century. Vol. II. The Wheels of Commerce. London, Book Club Associates, 1983. 671 p.
7. Coing H. Epochen der Rechtsgeschichte in Deutschland. München, Beck, 1981. 132 p.

8. Christ K. Römer und Barbaren in der hohen Kaiserzeit. In: *Saeculum* [Century], 1959, no. 10, pp. 273–288.
9. Gerhard W. Zur Frage der federierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit. „Historia“, Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, 1967. 251 p.
10. Hermann J. Die Slawen in Deutschland. Berlin, Akademie Verlag, 1970. 590 p.
11. Köbler G. Deutsche Rechtsgeschichte. Ein systematischer Grundriss der geschichtlichen Grundlagen des deutschen Rechts von den Indogermanen bis zur Gegenwart. München, Vahlen, 2005. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филяева Татьяна Михайловна – старший преподаватель Экзаменационного австрийского центра (ÖSD);
e-mail: ftm10@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Filyaeva – Senior Lecturer at the Examination Austrian Centre (ÖSD),
e-mail: ftm10@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филяева Т.М. Общее и особенное в культурно-языковом единении славян и германских племён во времена франкского феодализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 114-122
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-114-122

FOR CITATION

Filyaeva T.M. General and Special Cultural and Linguistic Unity of Slavs and Germanic Tribes during the Frankish Feudalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 114-122
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-114-122

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2017. N 4

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев

Переводчик Е.А. Кытманова

Корректор И.К. Гладунов

Компьютерная вёрстка Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,75, усл. п.л. 7,75.

Подписано в печать: 29.12.2017 г. Дата выхода в свет: 16.01.2018 г. Заказ № 2017/12-20.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.